

18+

Александр Скальв

Сонеты Шекспира: Вдохновение реальностью

Историческая
головоломка

Александр Скальв

**Сонеты Шекспира:
Вдохновение реальностью.
Историческая головоломка**

«Издательские решения»

Скальв А.

Сонеты Шекспира: Вдохновение реальностью. Историческая головоломка / А. Скальв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968603-9

Эта книга — логическое и историческое обоснование решения загадки хронологии всех сонетов Шекспира, своего рода исторической головоломки. Книга будет интересна шекспироведам, логикам, историкам, биографам, учителям литературы и истории, преподавателям и студентам театральных и литературных вузов, сценаристам, театральным режиссёрам, знатокам и любителям классической поэзии и истории средних веков, любому англичанину, владеющему русским, а также любителям логических головоломок во всём мире.

ISBN 978-5-44-968603-9

© Скальв А.

© Издательские решения

Содержание

Введение	8
Часть 1. Новая адресность сонетов Шекспира	16
Глава 1. Свод неизменных правил. Последователен и правдив	16
Глава 2. Сонеты 1—17. Таинственный родственник	20
Сонет 1	21
Сонет 2	22
Сонет 3	23
Сонет 4	24
Сонет 5	25
Сонет 6	26
Сонет 7	27
Сонет 8	28
Сонет 9	29
Сонет 10	30
Сонет 11	31
Сонет 12	32
Сонет 13	33
Сонет 14	34
Сонет 15	35
Сонет 16	36
Сонет 17	37
Глава 3. Сонеты 18—20. Восхищение душевностью	38
Сонет 18	39
сонет 19	41
Сонет 20	42
Глава 4. Сонеты 21—36. Манифест Музы – отказ от хвалы	43
Сонет 21	44
Сонет 22	45
Сонет 23	47
сонет 24	48
Сонет 25	49
Сонет 26	50
Сонет 27	51
Сонет 28	52
Сонет 29	53
Сонет 30	54
Сонет 31	56
Сонет 32	57
Сонет 33	58
Сонет 34	59
Сонет 35	60
Сонет 36	61
Глава 5. Сонеты 37—42. За границами дозволенного	63
Сонет 37	64
Сонет 38	65
Сонет 39	66

Сонет 40	67
Сонет 41	68
Сонет 42	69
Глава 6. Сонеты 43—52. Прекрасна, но не совершенна	71
Сонет 43	72
Сонет 44	74
Сонет 45	75
Сонет 46	76
Сонет 47	77
Сонет 48	79
Сонет 49	80
Сонет 50	81
Сонет 51	83
Сонет 52	85
Глава 7. Сонеты 53—55. Верный сердцем	87
Сонет 53	88
Сонет 54	91
Сонет 55	92
Глава 8. Сонеты 56—61. Восторги рабства	94
Сонет 56	95
Сонет 57	97
Сонет 58	98
Сонет 59	99
Сонет 60	101
Сонет 61	103
Глава 9. Сонеты 62—68. Чудеса и пороки Времени	104
Сонет 62	105
Сонет 63	106
Сонет 64	107
Сонет 65	108
Сонет 66	109
Сонет 67	110
Сонет 68	111
Глава 10. Сонеты 69—70. Обиженный клеветой	112
Сонет 69	113
Сонет 70	114
Глава 11. Сонеты 71—74. Замеченная у смертного ложа	116
Сонет 71	117
Сонет 72	120
Сонет 73	123
Сонет 74	126
Глава 12. Сонеты 75—88. Проклятье и благо чужой хвалы	128
Сонет 75	129
Сонет 76	131
Сонет 77	132
Сонет 78	133
Сонет 79	134
Сонет 80	135
Сонет 81	136

Сонет 83	138
Сонет 84	139
Сонет 85	140
Сонет 86	141
Сонет 87	142
Сонет 88	143
Глава 13. Сонеты 89—93. Притворившаяся любимой	145
Сонет 89	146
Сонет 90	147
Сонет 91	148
Сонет 92	149
Сонет 93	150
Глава 14. Сонеты 94—96. Забавляющийся честью	152
Сонет 94	153
Сонет 95	155
Сонет 96	157
Глава 15. Сонеты 97—99. Украденная цветами	159
Сонет 98	161
Сонет 99	162
Глава 16. Сонеты 100—105. Забытый Музой	164
Сонет 100	165
Сонет 101	166
Сонет 102	167
Сонет 103	169
Сонет 105	171
Глава 17. Методология анализа на адресность. Сонет 106. Верность Манифесту	173
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Сонеты Шекспира: Вдохновение реальностью Историческая головоломка

Александр Скальв

© Александр Скальв, 2019

ISBN 978-5-4496-8603-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Необходимость написания ещё одной книги о сонетах Шекспира после того, как в 2015 году вышла моя книга «За кулисами сонетов Шекспира», где я изложил и версию о новой адресности сонетов, и версию о четырёх (а не двух) адресатах, и версию о новом порядке написания сонетов, и версию о новом сюжете, и версию о новой хронологии сонетов, диктуется более глубоким изучением автором фактологических основ этих версий, дополнительно подтвердивших все первоначальные выводы и уточнивших многие из ранее замеченных неопределённостей. Так в момент издания той книги в анализе участвовало 35 соответствий сюжета сонетов и фактов биографий реальных персон адресатов и самого Шекспира. Теперь же на суд читателей будет представлено более 60-ти только фактов биографий, количество соответствий которых с сюжетом ещё больше, так как один факт, как правило, находит соответствие в нескольких местах сюжета. Поэтому было бы несправедливо оставить читателей в неведении об улучшении положения всех моих версий.

Кроме того, формат той книги – одна страница комментария к одному сонету, не позволял подробно останавливаться на многих существенных моментах обоснования выводов, не говоря уже о несущественных, так что соотнесение представленных выводов по отдельным сонетам и содержания этих сонетов оказалось сложным для неподготовленного читателя.

Поэтому теперь будут подробно разобраны все обоснования, начиная с логики и методологии анализа, и заканчивая всеми, замеченными автором, даже несущественными указаниями, подтверждающими выводы.

Также за прошедшее время были детально переработаны почти все мои поэтические переводы сонетов на предмет возможно большего приближения к подстрочному переводу, так как большое количество дополнительных фактов убедило меня, что чисто художественный поэтический перевод недостаточен для анализа, так как упускает соответствия с фактами. В результате я поменял оценку своих переводов 2015 года, которые казались мне тогда даже в чём то точнее многих, на более сдержанную и теперь, осознав, сколько пришлось в переводе урезать от сонетов настоящего Шекспира, считаю не только их, но и «улучшенные» переводы 2018 года далёкими от идеального отражения того, что сказал Шекспир. Неидеальное отражение в «улучшенном» переводе касается соответствий с дополнительными фактами, но кто знает, сколько фактов упущено там, где автор ничего дополняющего не нашёл?

Уникальность жанра, в котором созданы сонеты Шекспира, т. е. стихотворное, последовательное, по мере возникновения, описание событий собственной жизни, не является общепризнанным обстоятельством. Даже те исследователи, кто считает сонеты Шекспира описанием его жизни, часто, просто не имеют мнения по вопросу такого жанра, относя само написание сонетов к неопределённому, а иногда и непоследовательным, периодам жизни Шекспира, не говоря уже о тех, кто считает сонеты чистым вымыслом.

Но, некоторая часть исследователей, всё-таки, признаёт такой жанр, но только, как возможность, из которой пока не удаётся извлечь что-то большее, чем из других возможностей.

Поэтому мы все находимся в ситуации, когда это новаторство Шекспира не имеет аналогов и сравнивать его не с чем, что, будь оно по-другому, существенно облегчило бы нам признание такого жанра.

Ведь стандартные методы определения жанра по известным аналогам, т.е. путём анализа формы (сонет), темы (о любви), персонажей (друг и возлюбленная), поэтических приёмов выразительности и т. д. и т.п., ведут нас только до вывода о многочисленных литературных предшественниках, и не дают переступить эту границу. Ситуация осложняется тем, что в таком

анализе мы, вообще, не встречаем трудностей, что не способствует признанию каких-то иных проблем с определением жанра.

Однако, в этой благодной ситуации никак не выходит разобраться с сюжетом сонетов – отдельных предположений много, но нет единой и связной картины. Казалось бы, именно, это должно настораживать, ведь только реальная жизнь бывает настолько случайной, что восстановить её ход по разрозненным намёкам, которыми являются сонеты, при этом, не зная самих событий, настолько же трудно.

Но для многих сделать такой шаг означает пересмотреть, казалось бы, безупречный подход, который даёт ответы на вопросы, касающиеся жанра (сонетный цикл), периода написания (хоть и грубо) и самой сути сонетов Шекспира – поэтического вымысла, ведь, до сих пор, альтернативные подходы были неубедительны и в этих вопросах, и в сюжете сонетов, что оправдывало неубедительность собственных версий сюжета.

Что касается хронологии каждого сонета, или, хотя бы, связанных групп сонетов, то очевидная невозможность точного знания всей картины событий, казалось бы, закрывает и этот вопрос, как принципиально нерешаемый.

Однако, не все так думают. Попытки найти хронологию не прекращаются.

Ведь, если невозможно знать точную картину событий, то почему же отказываться от сравнения сонетов с неточной картиной, с теми фактами истории и биографии, которые, всё-таки, нам известны?

Никому не удаётся предложить связной картины на всём поле сонетов?

Но разве раз за разом получаемый отрицательный результат что-то доказывает или отменяет существование решения?

Задача этой книги – показать существование такого отрезка времени в жизни Шекспира, на котором последовательность и значение доступных нам фактов истории и биографии находится в точном соответствии с последовательностью и содержанием указаний сонетов на персонажей, периоды и события сюжета, и на основе этого вывести хронологию всех сонетов.

Не ждите увидеть здесь перечисление всех, кто пытался понять, чем же являются сонеты Шекспира – описанием его жизни или чистым вымыслом, поэтической фантазией.

За четырёхста с лишним лет после написания сонетов этим вопросом задавалось бесчисленное множество исследователей, издателей, переводчиков и читателей сонетов на всех языках мира. И нельзя не признать, что тех из них, кто посчитал сонеты Шекспира его поэтической фантазией, оказалось подавляющее большинство.

Поэтому, невольно, у нового читателя, заинтересовавшегося этим вопросом, возникает уважение к такому количеству разных людей, казалось бы, рассмотревших сонеты со всех возможных ракурсов. Однако, читая тех исследователей, кто обосновывает эту точку зрения, невозможно не заметить, что такой ответ (сонеты Шекспира это – фантазия) вместо того, чтобы убедительно закрыть вопрос, оставляет место для других вопросов.

Так, во-первых, до настоящего времени не определён взаимосвязанный, литературный замысел сонетов, признанный всеми. То есть получается, что Шекспир «нафантазировал» нечто, что не является единым литературным произведением, а состоит из разрозненных, сгруппированных по разным темам, черёд сонетов.

Во-вторых, адресаты сонетов – друг и возлюбленная поэта – при таком ответе, вряд ли, могут быть реальными людьми. Аргумент о прототипах сомнителен с этих позиций, так как он ставит под сомнение «фантазию».

Или же тогда придётся признать, что у реальных прототипов не было тех качеств, и они не участвовали в тех событиях, которые изобразил Шекспир. Но тогда называть их прототипами можно с большими оговорками, определяющими неточность копии. А если эти качества и события, всё-таки, были в реальности, то, очевидно, такие сонеты нельзя называть фантазией.

В-третьих, при таком ответе, не имеет смысла искать в сонетах отголоски неких реальных фактов из жизни не только адресатов сонетов и самого Шекспира, но и страны, и эпохи в целом. Ведь, как только такой факт будет найден, то есть подтвердит связь сонетов и реальных событий, то придётся сразу же отказаться от убеждённости в том, что сонеты это – вымысел.

В-четвёртых, полностью исключается возможность жёстко увязать время реального события со временем написания сонетов, и всех, и каждого по отдельности, так как отражение в сонете любого события связано не со временем события, а с моментом воспоминаний поэта о нём, который может отстоять от самого события на неопределённое время, как долгое, так и короткое.

При этом фантазия сонетов Шекспира для части исследователей является не только объективным подходом, но и способом защитить моральный облик великого Барда, ведь их оппонентами, иногда, выступают не просто сторонники жизненной версии сонетов, а интерпретаторы «фактов», представляющие Шекспира в далеко не безупречном моральном свете, что недопустимо.

Но из этого же следует, что неприятие жизненной версии сонетов (сонеты Шекспира это – описание его жизни) происходит не потому, что плоха сама версия, а потому, что эти исследователи не находят, что возразить на плохую интерпретацию «фактов». Так, например, ключевая роль 20-го сонета была замечена ревнителями морального облика Шекспира уже давно. В дискуссиях вокруг 20-го сонета неизменно побеждал высокоморальный облик Шекспира. И всё было бы прекрасно, если бы и остальные сонеты были так же просты и однозначны. Но Шекспир не дал своим исследователям такой возможности, построив большинство своих сонетов на намёках. Так, что количество сонетов с неоднозначными намёками, естественно, оказалось существенно больше одного ясного 20-го сонета, например, сонеты 30, 34, 40, 42, 50, 51, 88, 99, 102.

Однако, сонет 20 – не единственный ясный сонет у Шекспира, но если пристрастно заметить адресата этих ясных сонетов (а заодно с ними – и некоторых неоднозначных) с женщины на мужчину, то аргументация, унижающая Шекспира, становится просто убийственной. Другими словами, аргументация сторонников жизненной версии в этой её части оказалась настолько убедительна для сторонников фантазийной версии, что последние посчитали, что вести спор на этой территории не в состоянии, но не смогли придумать ничего лучшего, как объявить не существующим сам предмет разногласия, назвав всё сонеты фантазией, литературным вымыслом, а не фактами жизни.

Но отсюда же следует и способ разрешения ситуации – необходимо просто найти хорошую и убедительную интерпретацию сонетов в противовес плохой.

То, что такая интерпретация не была найдена за более чем двести лет с момента, как были предприняты первые попытки, совсем не доказывает её принципиальную невозможность. И это будет показано при анализе сонетов.

При наличии такой интерпретации, не унижающей моральный облик Шекспира, становятся очевидными преимущества жизненной версии сонетов перед фантазийной.

Во-первых, нет необходимости искать в сонетах некий единый литературный замысел, ведь сонеты создавались в соответствие с реальными событиями, которые всегда возникают и сменяются случайным образом.

Во-вторых, адресаты сонетов – реальные люди, а, значит, факты их биографий становятся дополнительным, а главное, аргументированным подспорьем в интерпретации сроков написания сонетов, что полностью отсутствует в фантазийной версии.

В-третьих, становится возможным использовать как аргументы в интерпретации сонетов исторические факты той эпохи, её законы, ритуалы, обычаи, нравы. Использование такой информации не исключается и фантазийной версией, но лишь до момента аргументации сро-

ков в связи с «самоубийством» версии, как только информация приобретёт доказательную хронологическую силу.

В-четвёртых, становится возможным проверять различные варианты увязки по времени реальных событий с указаниями сонетов на эти события, и в одном из вариантов увязать в единую картину всё поле сонетов, что, в свою очередь, позволит создать аргументированную хронологию сонетов.

То, что хронология сонетов, то есть кому, когда и почему был написан каждый сонет, так и не была создана за всё время изучения, совсем не свидетельствует о необычайной сложности этой задачи.

Просто, состав сообщества исследователей, признающих жизненную версию сонетов, был ограничен только теми, кого не смущало отсутствие приемлемой интерпретации сонетов, не унижающей моральный облик Шекспира. Но и им не повезло в их попытках создать-таки хронологию, у них постоянно что-то не совпадало или вообще выпадало из общей картины.

Как мы увидим в дальнейшем, при анализе сонетов, камнем преткновения для них стала как раз их интерпретация, унижающая Шекспира, то есть создать хронологию сонетов при такой интерпретации оказалось просто невозможно.

Проблема хронологии сонетов Шекспира не является порождением нашего времени. Её история тянется от самой первой полной публикации сонетов в 1609 году, когда читателей заинтриговало необычное посвящение издателя некоему «мистеру W.H.».

Но то, как посвящение связано с датировкой сонетов, тогда никто не зафиксировал, хотя уже в те времена, но позже, после смерти поэта, в адресатах сонетов были заподозрены несколько современников Шекспира.

Сохранению фактических данных также, отнюдь, не способствовали ни, сгоревший в 1613 году, театр «Глобус», ни пожар 1623 года, уничтоживший кабинет и библиотеку Бена Джонсона, ни пожар 1627 года в Уилтон-Хаусе – родовом имении графов Пембрук, ни Великий пожар Лондона в 1666 году, ни разрушение главного дома Шекспира в его родном городе Стратфорд-на-Эйвоне.

Таким образом, как научная проблема, датировка сонетов Шекспира возникла сразу же с появлением в конце 17-го – начале 18-го веков первых исследований творчества Шекспира и его биографии.

При этом вначале она существовала только как историческая проблема. Исследователи собирали фактический материал в церковных книгах, в архивах, в частных библиотеках, в расказах последних, ещё живущих, современников Шекспира.

Конечно, как правило, исследователи не ставили себе при этом такую узкую задачу, как найти только датировки сонетов, но чем больше накапливалось материала по другим направлениям, тем всё более очевидно выступала, практически, полная пустота фактических данных по этой проблеме.

Поэтому довольно скоро стали появляться работы, дополняющие историческую проблему датировки сонетов филологическим аспектом.

Многие исследователи разумно считали, что путь решения проблемы датировки сонетов, при неопределённой возможности увязать фактические исторические данные с содержанием сонетов, лежит через анализ вышеупомянутого посвящения издателя и определения того, кем же являлся в жизни таинственный «мистер W.H.».

Далее, по их логике, можно было бы, теперь уже с исторической точки зрения, изучить биографию «мистера W.H.» и сопоставить её с содержанием текстов отдельных сонетов и биографией самого Шекспира.

Но начав движение в верном направлении, такой подход на полпути к результату столкнулся с другой проблемой.

Почти до конца 18-го века всеобщим было убеждение, что сонеты Шекспира обращены к женщине. Когда в 1780 году Эдмонд Мэлоун высказал гипотезу, что 126 первых сонетов прославляют мужчину, этот взгляд ему пришлось долго и подробно всем объяснять, пока он получил признание. Дело в том, что к середине 18-го века Шекспир был признан как величайший драматург не только в Англии, но и во всей Европе. И хотя, как поэт, он ещё не был так широко известен, но для тех, кто в те времена был знаком с текстами сонетов Шекспира, а это в основном было английское культурное сообщество, такое утверждение о том, что адресат всех первых 126 сонетов – реальный мужчина, было несовместимо с высоким моральным обликом великого драматурга.

Но содержание множества сонетов, хоть и неопределённого рода адресата, всё-таки, допускало признавать такую реальность, т.е. не традиционность отношений между поэтом и его другом. С другой стороны, найти определённые указания на невозможность этого в содержании сонетов не удавалось.

Поэтому в среде почитателей Шекспира, как защитная реакция, возобладало мнение, что сонеты это – литературный вымысел, и изучать по ним можно лишь особенности поэтического дара, но никак не жизнь автора. Проблема из исторической и филологической стала ещё и культурологической.

Эта ситуация, в свою очередь, остановила многих в желании искать подтверждения жизненной версии сонетов, в том числе, и исследователей «мистера W.H.», оставив на этом пути только нескольких самых упрямых или солидарных в отношении не традиционности. Вероятно, что именно поэтому верное направление не привело своих сторонников к победному финалу.

Датировка сонетов не была найдена, хотя поиск продолжается до наших дней, в том числе в попытках проанализировать-таки тексты сонетов. Поэтому считаю, что перечислять тех, кто пытался, но не смог получить результата, не гуманно по отношению к ним. Смягчать же им оценку перечислением других, даже не менее важных, их достижений, не соответствует предмету рассматриваемой проблемы.

Из тех, чей вклад заслуживает упоминания, наиболее близко подошёл к верной датировке Джон Довер Уильсон, написавший предисловие к изданию «Сонетов» (Кембридж, 1966). Однако, его «попадание» ограничилось периодом 1597—1600 годов, к которому он отнёс сонеты с 18-го по 104-й. Это было именно «попадание» в года, т.к. никакого сплошного анализа сонетов и датировки каждого сонета проведено не было, а были использованы указания лишь некоторых сонетов (95—96, 104).

Датировка первых 17-ти сонетов и сонетов после 104-го была у него ошибочной, вследствие не только неверного разделения сонетов по адресатам, но и применения того же метода – интерпретации по отдельным сонетам.

Приверженцем датировки цикла сонетов с 100-го по 126-й 1601 годом был Георг Брандес (Шекспир. Жизнь и произведения. Москва. 1899). Такую датировку он обосновал тем, что эти сонеты были написаны уже после, отражённых в них, документально подтверждённых, событий 1599—1600 годов.

Соответственно, датировки предыдущих и последующих сонетов не получили у него уверенных обоснований.

Также Томас Тайлер в своей книге 1890 года «Сонеты Шекспира» обозначил только общее время написания сонетов Шекспира в 1598—1601 годах, исходя только из указаний сонетов 55, 104 и 107 и, соответственно, находя в них свои указания на начало и окончание периода, считая порядок событий в этих и других сонетах не соответствующим нумерации.

В 20-м веке и по настоящее время к историческому, филологическому, культурологическому аспектам проблемы добавился ещё и социологический аспект, так как с развитием

средств коммуникации и массовой информации не только культурное сообщество, но и все без исключения социологические группы взрослого населения Земли сегодня считают Шекспира частью своего миропонимания.

Даже будучи весьма далёкими не только от проблематики сонетов, но и вообще от творчества Шекспира, от деталей его биографии, такие группы, тем не менее, очень высоко ставят моральный облик великого драматурга.

А в Англии Шекспир стал культовой фигурой для каждого человека.

С лёгкой руки Георга Брандеса, который первым показал возможность судить о личности и жизни Шекспира по его произведениям, на фоне отсутствия биографических данных, направление литературного вымысла стало основным в исследовании сонетов.

Нет смысла перечислять многочисленные интереснейшие интерпретации отдельных сонетов, так как все они закономерно не привели их авторов к решению задачи датировки всех сонетов Шекспира.

Однако, все эти интерпретации добавляют очередной кирпичик в громадную пирамиду величия Шекспира.

Всем этим интерпретациям заранее дана индульгенция на вымысел, также как дана она содержанию сонетов.

В отказе считать сонеты отражением фактов, в признании их литературным вымыслом исследовательское сообщество сегодня нашло не только единственную возможность защитить Шекспира, но и считает такой подход объективным, так как достоверной информации, чтобы считать по-другому, не видит.

В такой ситуации решение проблемы датировки сонетов не может быть полным только в историческом и филологическом аспектах, ведь без сохранения культурологического и социологического аспектов решение никогда не будет принято обществом.

Другими словами, моральный облик и величие Шекспира не может быть поставлено под сомнение.

Но это – конечный атрибут решения, а для начала надо представлять, хотя бы, в каком направлении двигаться, чтобы найти это решение со всеми его атрибутами.

Поэтому всегда выдвигались версии, основанные на косвенном методе определения датировки.

Одна группа версий оперировала тем, что за основу брался текст отдельного сонета, в котором пытались усмотреть намёк на реальный исторический факт, но сами сонеты при этом считались литературным вымыслом.

Другая группа версий считала, что ключом к датировке являются биографии адресатов сонетов, сопоставленные с текстами сонетов и биографией самого Шекспира, и отрицала литературный вымысел сонетов.

Однако, реального результата не получила ни одна из групп.

Первая группа версий вообще не имеет шансов на конечный успех, т.к. в большинстве сонетов невозможно усмотреть намёки на исторические события, а признание сонетов литературной фантазией исключает возможность жёстко увязать со временем написания сонета даже историческое, а не то, что предполагаемое, событие.

Вспомним Георга Брандеса, который произвольно (это ему показалось верным) отсрочил на год написание сонетов 100—126 от времени событий, которые послужили для них поводом.

Но и сопоставление текстов с биографиями у второй группы версий не даёт результата, т.к., даже верно определив имена адресатов, они оперируют ошибочной предпосылкой об адресности конкретных сонетов и ошибочным периодом поиска.

Однако, всегда остаётся возможность исправить даже двойную ошибку.

Поэтому, если и возможно найти решение, то только на этом направлении.

Структура книги и порядок подачи материала полностью изменены по сравнению с изданием 2015 года и, хотя в ней выдвигаются те же самые версии, но объем нового текста существенно превышает обязательные повторы некоторых частей обоснований выводов.

Теперь, для облегчения понимания, книга разделена на две части.

В первой части вниманию читателя предлагается анализ на адресность всех сонетов в порядке возрастания нумерации.

В этом анализе приводятся только оригинальные тексты сонетов Шекспира на староанглийском языке, так как существенные моменты адресности являются малой частью сонета (одна-две строки) и чаще видны только в оригинале, как в моей версии новой адресности, так и в альтернативных версиях, которые я тоже рассматриваю.

Также разбираются обоснования переводов некоторых сонетов.

Во второй части представлен анализ на соответствие сюжета сонетов фактам биографий, который ведётся в порядке написания сонетов с использованием ранее найденной новой адресности.

Для этого последовательно выдвигаются и обосновываются версии о новом сюжете, о новом порядке написания и о новой хронологии (датировке) сонетов Шекспира.

В этом анализе представлены и используются мои поэтические переводы сонетов, так как здесь существенным моментом является содержание сонета полностью, которое должно быть понятно русскоязычному читателю.

Все трактовки сонетов, как в анализе на адресность, так и в анализе на соответствие фактам биографий являются полностью оригинальными, не повторяющими ни одной логики ранее известных трактовок, хотя, иногда, совпадающими в промежуточных выводах, например, об адресности или значении отдельных фактов. Это является очевидным следствием того обстоятельства, что ни одна из ранее известных трактовок не образует логических связей, дающих множественные соответствия на всём поле сонетов.

В ситуации, когда я лично не видел ни одного архивного документа, было бы некорректно по ходу изложения давать ссылки на авторов, которые не приводят ссылок на свои источники фактов.

Но и повторение ссылок на документы тех авторов, кто даёт их в своих исследованиях, было бы необоснованным завышением объёма проделанной мной работы, создавая впечатление у читателя, что я лично нашёл в архивах эти документы. Поэтому в книге отражены ссылки только на таких авторов, т.е. на подтверждённые ссылками источники, которые я видел лично.

При этом сопровождать ссылкой на источник (автора) каждый отдельный факт было бы возможно, если бы я точно знал, что этот автор сам является первооткрывателем этого факта, но, как правило, один и тот же факт фигурирует в нескольких источниках. Поэтому последовательность и значение фактов, в тех случаях, когда ссылки на них не приводятся, является совокупной информацией всех источников.

Все даты событий и дни недели той эпохи, а также датировки сонетов приведены в юлианском календаре, отстающем в 16 веке от григорианского на 10 дней. В связи с началом нового года в Англии в эпоху Шекспира с 25 марта, обозначение года с 25 марта по 31 декабря соответствует григорианскому календарю с началом года с 1 января, а обозначение года с 1 января по 24 марта указывает предыдущий и через косую черту следующий, но пока до 25 марта не наступивший по юлианскому, но наступивший с 1 января по григорианскому календарю, год.

Например, обозначение дат полного года григорианского календаря в первом случае: 25 марта – 31 декабря 1597 года, во втором случае: 1 января – 24 марта 1597/8 года.

Это позволяет избежать путаницы в годах, возникающей при ссылке на документы, датированные с 1 января по 24 марта по юлианскому календарю, а иногда и исправить ошибки комментаторов.

Например, в распоряжении исследователей имеется две записи о выплате из королевской казны: первая от 15 марта 1595 года о выплате Шекспиру и другим «слугам лорд-камергера» за спектакли в минувший день св. Стивена (26 декабря) и в день невинноубиенных (28 декабря) в королевском дворце в Гринвиче, вторая от 28 декабря 1594 года о выплате «слугам адмирала» за спектакль в том же месте. К тому же сохранились свидетельства, что 28 декабря 1594 года труппа «лорд-камергера» играла в другом месте свою «Комедию ошибок».

Невнимательный комментатор видит здесь нестыковки, так как автоматически ставит смену года на 1 января, что предполагает отнесение 28 декабря из первой записи к предыдущему 1594 году, после чего сокрушается об ошибках писцов.

Однако, это неверно. Спектакли в Гринвиче были также сыграны в 1595 году, так как запись сделана до наступления нового 1596 года по юлианскому календарю, т.е. 15 марта 1595/6 года.

Значит, 26 и 28 декабря 1595 года перед королевой в Гринвиче играли «слуги лорд-камергера», 28 декабря 1594 года там же играли «слуги адмирала», а в этот же день 28 декабря 1594 года «слуги лорд-камергера» играли в другом месте «Комедию ошибок».

Представленный далее, анализ позволяет исправить все ошибки и найти датировки сонетов Шекспира, применив абсолютно новый подход к решению многовековой задачи.

Попутно развенчивается популярный миф о принципиальной невозможности этого, о бессилии интеллекта всего рода человеческого, хотя бы увидеть, скрытую в тумане веков, вершину, а не то, чтобы на неё подняться.

При этом то, что источником вдохновения Шекспира в сонетах была его жизнь, т. е. последовательно связанная реальность, а не свободная фантазия, не мешает видеть, что выразительность и богатство языка от этого нисколько не пострадали, и во многих случаях не могли появиться без этой реальности. Однако, путь к пониманию истинности этого вывода лежит через всю книгу.

Часть 1. Новая адресность сонетов Шекспира

Глава 1. Свод неизменных правил. Последователен и правдив

Зачем это нужно сделать – составить свод неизменных правил толкования?

Только таким образом возможно иметь гарантию применения единой логической основы в сопоставлениях смыслов разных сонетов при нахождении адресата. Другими словами, задача на этом этапе состоит не в том, чтобы ещё точнее разобраться в смысле отдельно взятого сонета, а в том, чтобы иметь единую основу для нахождения адресата каждого сонета из совокупной информации нескольких сонетов.

В большинстве случаев текст отдельно взятого сонета не содержит определённого указания на адресата.

Род занятий, отношения с поэтом, место нахождения, поступки не дают того необходимого сужения круга признаков, по которому можно было определить хотя бы род адресата. Но будет ли то же самое, если рассмотреть череду, рядом стоящих, таких сонетов в порядке возрастания нумерации?

Представим, что мы решили это проверить и начали чтение с произвольного номера. Прочитав несколько сонетов, мы убеждаемся, что дело не сдвинулось с места, определённых указаний на адресата, по-прежнему, нет.

Однако, если бы мы знали, что этот печальный опыт нам обязательно пригодится в будущем, то уже сейчас могли бы вывести из него формальное правило. Но мы этого не делаем и продолжаем чтение сонетов.

Наконец, мы доходим до сонета, в котором явно меняется тема в сравнении с предыдущим сонетом. Но мы не знаем, что означает эта смена темы, как этот нюанс связан с адресатом, ведь, по-прежнему, в сонете нет никаких указаний на это.

Эх, если бы у нас было формальное правило!

Ещё в большей печали мы продолжаем читать сонеты. И вот, мы замечаем, что поэт, не меняя темы предыдущего сонета, в следующем сонете противоречит тому, что утверждал за несколько сонетов до этого. Но опять мы не знаем, как это понимать, ведь основы для толкования нет. С чувством полного провала эксперимента мы заканчиваем чтение сонетов.

Таким образом, при простом последовательном чтении сонетов, задача адресности сонетов решалась, пока, только на основе прямых указаний в нескольких сонетах, которые переносили на все связанные сонеты.

Так возникла в 1780 году и живёт до наших дней гипотеза Эдмонда Мелоуна (1741—1812) об адресате первых 126 сонетов, как исключительно о мужчине – друге поэта, и об адресате последних сонетов 127—154, как о женщине – возлюбленной поэта.

Но как мы видели в нашем неудачном мысленном эксперименте, подход Мелоуна игнорирует громадный пласт информации, если бы этой информации нашлось объяснение и применение.

Уже по ходу мысленного эксперимента стало понятно, что было бы неплохо иметь формальные правила толкования различных ситуаций, возникающих в последовательности сонетов. Но как составить такие правила?

Для этого не обойтись без исходного предположения. Это предположение должно стать аксиомой, фундаментом всего здания анализа. Если предположение окажется неверным или слабым, то и здание анализа рухнет недостроенным. Таким предположением мной было

выбрано: последовательность и правдивость Шекспира в описании своих отношений с адресатами сонетов.

Это предположение не явилось результатом анализа документальных фактов биографии Шекспира, или его произведений, или свидетельств современников. Оно вообще не было результатом какого бы то ни было моего исследования. Оно возникло, как догадка, из общедоступной информации – противоречия Шекспира самому себе в 17-м и 18-м сонетах.

Ведь, если учесть социологический аспект, т.е. невозможность взять за основу, а главное, потом предъявить обществу, в рамках жизненной версии, отрицательные черты поведения Шекспира, то в 17-м и 18-м сонетах имеет место мнимая непоследовательность, которая должна иметь объяснение, сохраняющее согласованность с социологическим аспектом.

Как мне стало известно позже, похожие выводы о Шекспире сделал ещё в конце 19-го века Георг Брандес, который проанализировал все его произведения, именно, на предмет выявления жизненных обстоятельств и характера поведения в них Шекспира.

И хотя говорил он об естественности Шекспира, об его активном протесте против всего искусственного, но так ли это далеко от правдивости, если неестественность часто ассоциируют с ложью?

Кроме того, сохранилось печатное сожаление Генри Четтля о своём участии в издании скандального памфлета Роберта Грина в 1592 году, где Четтль отметил у Шекспира «прямоту его образа действий, доказывающую его честность». Но так ли это далеко от последовательности, если непоследовательность часто ассоциируют с «не прямоотой» и изворотливостью, т.е. «кривизной» поведения и суждений?

Интерес автора к проверке согласованности этого умозрительного портрета с основной темой исследования – датировкой сонетов послужил стимулом к преодолению довольно однообразной первой части, т.е. построения адресности сонетов, и был с лихвой вознаграждён во второй части, при анализе сонетов на соответствие с фактами биографий.

Главной, принятой за аксиому, чертой характера Шекспира полагалась его последовательность, непротиворечивость в высказываниях и поступках.

Из этого вытекают несколько важных следствий:

1. Невозможность давать прямо противоположные оценки одному человеку, одной ситуации, одному событию;
2. Невозможность давать прямо противоположные основания своим действиям;
3. Возможность приводить новые аргументы в подтверждение ранее высказанной оценки;
4. Возможность не забывать, сказанное ранее, и не повторять одно и то же одному человеку;
5. Неизменность и преемственность логики (мотивов) в отношении одного человека.

Второй чертой характера Шекспира полагалась его правдивость.

Из этого вытекают несколько важных следствий о соотношении реальности и вымысла в сонетах:

1. Невозможность дать ложное описание реальному факту.
2. Применение поэтической фантазии только в намёках на реальные факты, не придумывая самих фактов;
3. Отсутствие поэтической фантазии при прямых указаниях на факты;
4. Невозможность давать сомнительные рекомендации;
5. Отсутствие обязательности в анализе на адресность согласовывать единый литературный сюжет всего цикла, так как любые перестановки сонетов не влияют на их правдивость – образы не становятся другими.

Остальные возможные черты характера Шекспира не учитывались при анализе сонетов, так как не имеют отношения к промежуточной цели исследования – выявлению противоречий в смыслах разных сонетов, как указателях смены адресата в череде сонетов.

Далее, применяя это предположение как аксиому, были рассмотрены возможные формальные ситуации в последовательности сонетов.

С тремя из них мы столкнулись в нашем мысленном эксперименте.

Полный список этих ситуаций с выводами об адресате сонета, где такая ситуация может встретиться, стал сводом неизменных правил толкования.

Этот свод и стал основой для следующего этапа исследования.

В своде неизменных правил, в целях сокращения списка, было применено общее понятие «образ», в которое включено сразу несколько понятий, и вместе, и по отдельности: деталь, утверждение, образ. При этом предполагалось, что для целей анализа нам потребуются только эти составные части смысла каждого сонета, отмеченные признаками подобия, т.е. темами, для сопоставления смыслов разных сонетов.

Вместо пятнадцати получилось всего пять правил.

Структура каждого правила такова: Формальная ситуация в последовательности сонетов – вывод об адресате.

1. Обыгрывается в новом не противоречивом ракурсе старый образ – тот же адресат.
2. Образы разные и не противоречивые между собой – тот же адресат.
3. Повторяет ракурс старого образа – другой адресат.
4. Ракурс старого образа противоречив предшественнику – другой адресат.
5. И образы разные, и противоречат друг другу – другой адресат.

Единственное, казалось бы, слабое место в этом своде правил это – пункт 3. Он находится на границе между бесспорными пунктами 1—2 и 4—5.

Ведь обычно последовательное поведение, а мы приняли таковое у Шекспира за аксиому, предполагает повторение, как подтверждение ранее сказанного. Однако, может ли это служить указанием на того же адресата? Ведь последовательность, как черта человека, не препятствует повторить ранее сказанное и другому адресату тоже. Последовательность проявляется в мнении говорящего, а не в субъекте слушающего.

Значит, для вывода об адресате необходимо найти последовательность поэта в других сторонах (не в «повторении») этого же вопроса.

Но у нас осталась только одна сторона – «старый образ», ведь «повторяет ракурс» мы только что разобрали.

Нет необходимости приводить многочисленные примеры из сонетов, например, сонет 102 – «не стать скучным в песнях». Все эти примеры работы поэта со «старыми образами» вобрал в себя пункт 1 свода неизменных правил, который не вызывает возражений.

Другими словами, всегда, когда поэт обращается к тому же адресату, используя старый образ, никакого повторения ракурса не наблюдается. В этом «всегда» и заключена последовательность Шекспира.

А значит, пункт 3 правил будет этой последовательности противоречить, стань он другим.

Кроме того, в пункте 3 отразилось знакомство Шекспира со знаменитым памфлетом Филипа Сидни (1554—1586) «В защиту поэзии» (первое издание 1595 г.), в котором «повторение» было названо чуть ли не главным признаком плохой поэзии. Поэтому логично, что Шекспир в сонетах к одному и тому же адресату избегал «повторения ракурса» и мог его использовать только для другого адресата.

Таким образом, логика, которой мы будем пользоваться для анализа черёд сонетов на адресность состоит из двух логических предпосылок, десяти следствий из них и пяти неизменных формальных правил.

Обращаю внимание, что правильным термином здесь будет, именно, «адресность», так как термин «адресация» предполагает, помимо указания «кому», ещё и указание «куда», что не ставится задачей анализа.

Все группы признаков, которые будут выделены в таком анализе, служат ограниченной цели – определению адресата череды сонетов.

Так мы движемся к конечной цели всего исследования – определению датировки каждого сонета.

Полный объём исследования предполагает ещё один анализ сонетов, но тогда уже на соответствие с фактами биографий. При этом сам по себе, отдельно от анализа на соответствие с фактами биографий, анализ на адресность не доказывает, найденную с его помощью адресность сонетов.

Он пока только демонстрирует, что эта адресность, одна из многих возможных, которая, как мы увидим в дальнейшем, единственная будет соответствовать, а значит, будет доказана в анализе на соответствие с фактами биографий, была логично получена независимо от этих фактов.

Также не нужно забывать, что мы будем делать вывод об адресате каждого сонета не только потому, что найдём некое указание в этом отдельном сонете, а также потому, что сопоставим совокупность всех признаков в непрерывной последовательности (череде) сонетов от одного противоречия до другого, которое укажет на смену адресата.

При этом в состав признаков каждого сонета, войдут не только прямые указания этих сонетов, которые непосредственно следуют из текста сонета, но и сравнения с любым сонетом, как в пределах, так и за пределами непрерывной последовательности (череды) сонетов.

Методология сравнения, хотя и проста, но будет подробно разобрана в главе 17 «Методология анализа на адресность» при анализе сонета 106.

Глава 2. Сонеты 1—17. Таинственный родственник

Так выделена череда сонетов 1—17, как имеющая одного адресата – молодого мужчину, чуть более 20 лет, умеющего читать и писать, музыканта, равного или более низкого Шекспиру общественного статуса, очень хорошего, весьма вероятно, родственного знакомства.

Эта череда сонетов объединена темой убеждения Шекспиром адресата жениться и завести детей, которая без противоречий развивается от сонета 1 до сонета 17.

Поэтому (отсутствие противоречий) и можно распространить указания отдельных сонетов на всю эту череду.

Сонет 1

Шекспиром выбран тон поучения и обвинения, что недопустимо по кодексу чести того времени для обращения к человеку более высокого статуса, тем более, графу или виконту. Дан первый намёк на возможную смерть «старшего» – «But as the riper should by time decease».

Сонет 1. Оригинальный текст.

From fairest creatures we desire increase,
That thereby beauty's rose might never die,
But as the riper should by time decease,
His tender heir might bear his memory:
But thou, contracted to thine own bright eyes,
Feed'st thy light's flame with self-substantial fuel,
Making a famine where abundance lies,
Thyself thy foe, to thy sweet self too cruel.
Thou that art now the world's fresh ornament
And only herald to the gaudy spring,
Within thine own bud buriest thy content,
And, tender churl, mak'st waste in niggarding:
Pity the world, or else this glutton be,
To eat the world's due, by the grave and thee.

Сонет 2

Указание на продолжительность жизни – «сорок зим – forty winters». Тон поучения адресату.

Сонет 2. Оригинальный текст

When forty winters shall besiege thy brow,
And dig deep trenches in thy beauty's field,
Thy youth's proud livery so gazed on now
Will be a tottered weed of small worth held:
Then being asked where all thy beauty lies,
Where all the treasure of thy lusty days,
To say within thine own deep-sunken eyes
Were an all-eating shame, and thriftless praise.
How much more praise deserved thy beauty's use,
If thou couldst answer, «This fair child» of mine
Shall sum my count, and make my old excuse',
Proving his beauty by succession thine.
This were to be new made when thou art old,
And see thy blood warm when thou feel'st it cold

Сонет 3

Однозначное указание на пол адресата. Ведь только мужчине может отказать «та, чьё не возделано лоно – For where is she so fair whose unearned womb Disdains the tillage of thy husbandry?».

Указание на знакомство с матерью адресата – Thou art thy mother's glass. Её красота как аргумент для адресата. Тон поучения адресату.

Сонет 3. Оригинальный текст

Look in thy glass and tell the face thou viewest,
Now is the time that face should form another,
Whose fresh repair if now thou not renewest,
Thou dost beguile the world, unless some mother.
For where is she so fair whose unearned womb
Disdains the tillage of thy husbandry?
Or who is he so fond will be the tomb
Of his self-love to stop posterity?
Thou art thy mother's glass, and she in thee
Calls back the lovely April of her prime;
So thou through windows of thine age shalt see,
Despite of wrinkles, this thy golden time.
But if thou live rememb'ered not to be,
Die single, and thine image dies with thee.

Сонет 4

Указание на знакомство Шекспира с кредитованием и ростовщичеством – Profitless usurer. Тон поучения адресату.

Сонет 4. Оригинальный текст

Unthrifty loveliness, why dost thou spend
Upon thyself thy beauty's legacy?
Nature's bequest gives nothing, but doth lend,
And being frank she lends to those are free:
Then, beauteous niggard, why dost thou abuse
The bounteous largess given thee to give?
Profitless usurer, why dost thou use
So great a sum of sums, yet canst not live?
For having traffic with thyself alone,
Thou of thyself thy sweet self dost deceive:
Then how, when Nature calls thee to be gone,
What acceptable audit canst thou leave?
Thy unused beauty must be tombed with thee,
Which used lives th'executor to be.

Сонет 5

Рассуждение о сохранении «соков лета – summer's distillation» находится в русле той же темы. Теперь акцент сделан на необходимости не упустить время для сохранения красоты и памяти жизни – Beauty's effect with beauty were bereft, Nor it nor no remembrance what it was».

Но обращения к адресату нет. Это ничего не меняет для адресности сонета, ведь в этом нет противоречия.

Сонет 5. Оригинальный текст

Those hours that with gentle work did frame
The lovely gaze where every eye doth dwell
Will play the tyrants to the very same,
And that unfair which fairly doth excel;
For never-resting time leads summer on
To hideous winter and confounds him there,
Sap checked with frost and lusty leaves quite gone,
Beauty o'ersnowed and bareness every where:
Then were not summer's distillation left
A liquid prisoner pent in walls of glass,
Beauty's effect with beauty were bereft,
Nor it nor no remembrance what it was.
But flowers distilled, though they with winter meet,
Leese but their show; their substance still lives sweet

Сонет 6

Однозначное указание на пол адресата – совет поместить в рост его «соки лета», что согласуется с сонетом 3. Тон поучения и обвинения, в т. ч. недопустимое для более высокого статуса применение обращения к адресату «глупец», «самодур» – «self-willed». Это также указывает наряду с предыдущими сонетами на равный или более низкий статус адресата.

Сонет 6. Оригинальный текст

Then let not winter's ragged hand deface
In thee thy summer ere thou be distilled:
Make sweet some vial; treasure thou some place
With beauty's treasure ere it be self-killed:
That use is not forbidden usury
Which happies those that pay the willing loan;
That's for thyself to breed another thee,
Or ten times happier be it ten for one;
Ten times thyself were happier than thou art,
If ten of thine ten times refigured thee:
Then what could death do if thou shouldst depart,
Leaving thee living in posterity?
Be not self-willed, for thou art much too fair
To be death's conquest and make worms thine heir

Сонет 7

Указание на возраст адресата в замке сонета – «ты, проходящий свой полдень – So thou, thyself outgoing in thy noon» – может быть истолковано двояко. Либо с учётом образного ряда самого сонета 7. Тогда «пик небесного холма», т.е. полдень это – «муж в расцвете лет», т.е. мужчина 25-ти или чуть более лет.

Либо с учётом указания сонета 2 на продолжительность жизни «сорок зим». Тогда «свой полдень» это половина от сорока, т.е. 20 или чуть более лет.

Второй вариант вероятней, так как тон поучения тем более вероятен, чем больше разница в возрасте между поэтом и адресатом.

Сонет 7. Оригинальный текст

Lo in the orient when the gracious light
Lifts up his burning head, each under eye
Doth homage to his new-appearing sight,
Serving with looks his sacred majesty;
And having climbed the steep-up heavenly hill,
Resembling strong youth in his middle age,
Yet mortal looks adore his beauty still,
Attending on his golden pilgrimage:
But when from highmost pitch, with weary car,
Like feeble age he reeleth from the day,
The eyes (fore duteous) now converted are
From his low tract and look another way:
So thou, thyself outgoing in thy noon,
Unlooked on diest unless thou get a son.

Сонет 8

В первой строке видим указание на род занятий адресата – музыка.

Сонет 8. Оригинальный текст

Music to hear, why hear'st thou music sadly?
Sweets with sweets war not, joy delights in joy:
Why lov'st thou that which thou receiv'st not gladly,
Or else receiv'st with pleasure thine annoy?
If the true concord of well-tuned sounds,
By unions married, do offend thine ear,
They do but sweetly chide thee, who confounds
In singleness the parts that thou shouldst bear;
Mark how one string, sweet husband to another,
Strikes each in each by mutual ordering;
Resembling sire, and child, and happy mother,
Who all in one, one pleasing note do sing;
Whose speechless song being many, seeming one,
Sings this to thee, «Thou single wilt prove none.»

Сонет 9

Первый ключевой сонет для уточнения статуса адресата. Если ранее, до сонета 9, сказать о статусе адресата можно было только то, что он равный или более низкий, но в остальном сужать круг признаков до более точного указания было преждевременно, то теперь, в сонете 9, мы видим все основания для этого. Речь о том, что не только тон этого и нескольких последующих сонетов, но и смысл сказанного становится оскорбительным даже для адресата равного статуса.

Эти обвинения, в «уничтожении красоты – But beauty's waste hath in the world an end, And kept unused the user so destroys it:», в «нелюбви к другим – No love toward others in that bosom sits» в сонете 9, находятся в рамках принятой нами логики, так как Шекспир меняет ракурс утверждений той же темы в отношении адресата, ужесточает его до оскорбительного. Это является основанием уточнить статус адресата, не просто до равного, а до родственного.

В это уточнение вписываются и указания сонетов 1, 13 и 3 на знакомство Шекспира с отцом и матерью адресата. Тогда то, что является оскорбительным для постороннего человека равного статуса, молодым родственником будет восприниматься не более, чем строгость.

Сонет 9. Оригинальный текст

Is it for fear to wet a widow's eye
That thou consum'st thyself in single life?
Ah! if thou issueless shalt hap to die,
The world will wail thee like a makeless wife;
The world will be thy widow and still weep,
That thou no form of thee hast left behind,
When every private widow well may keep,
By children's eyes, her husband's shape in mind:
Look what an unthrift in the world doth spend
Shifts but his place, for still the world enjoys it,
But beauty's waste hath in the world an end,
And kept unused the user so destroys it:
No love toward others in that bosom sits
That on himself such murd'rous shame commits.

Но почему, именно, родственник, а не просто друг? Дело в том, что во всех сонетах к другу, даже в самых обидных для Шекспира ситуациях, например, в сонетах 40—42, когда друг соблазнил возлюбленную поэта, никаких оскорбительных обвинений друга поэт не использует.

Сонет 10

Теперь поэт обвиняет адресата в «смертельной злобе – For thou art so possess'd with murd'rous hate».

Сонет 10. Оригинальный текст

For shame deny that thou bear-st love to any,
Who for thyself art so improvident.
Grant, if thou wilt, thou art beloved of many,
But that thou none lov'st is most evident;
For thou art so possess'd with murd'rous hate,
That 'gainst thyself thou stick'st not to conspire,
Seeking that beauteous roof to ruinate
Which to repair should be thy chief desire:
O change thy thought, that I may change my mind!
Shall hate be fairer lodged than gentle love?
Be as thy presence is, gracious and kind,
Or to thyself at least kind-hearted prove:
Make thee another self, for love of me,
That beauty still may live in thine or thee.

Ещё один сонет оскорбительный по смыслу для любого адресата, кроме молодого родственника.

Также присутствует намёк на возможный способ передачи сонетов адресату, и он же является указанием на то, что эта череда сонетов 1—17 не была написана единовременно.

Речь о первой строке – «лгать стыдно, что в тебе любовь к другим». Но в предыдущем сонете указаний на «ложь» со стороны адресата не было, а было только обвинение в «нелюбви к другим».

Очевидно, что это обстоятельство – «ложь» – добавилось уже после сонета 9, в промежутке между сонетами 9 и 10, когда адресат ответил Шекспиру на его обвинения и только тогда «солгал».

А это значит, что сонеты создавались в зависимости и по следам изменившихся обстоятельств. Но каким способом мог ответить молодой родственник?

Этот вопрос требует уже погружения в факты биографии Шекспира, которые будут приведены при анализе сонета 10 на соответствие с фактами биографий во второй части книги.

Сонет 11

Тон поучения остался, но оскорбительных смыслов нет.

Сонет ярко иллюстрирует работу Шекспира со «старыми образами» типа «деталь» при обращении к одному и тому же адресату – поэт никогда не повторяется, а всегда находит новый ракурс «старого» образа.

Можно сравнить сонет 11: «И та свежая кровь, которую ты в молодости отдашь, ты сможешь назвать своей, когда молодость пройдёт – And that fresh blood which youngly thou bestow'st Thou mayst call thine, when thou from youth convertest», и замок сонета 2: «Ты будешь обновлён, когда ты состаришься и увидишь свою кровь тёплой, когда почувствуешь холод – This were to be new made when thou art old, And see thy blood warm when thou feel'st it cold».

Эта логика отражена в Своде неизменных правил первым пунктом.

Сонет 11. Оригинальный текст

As fast as thou shalt wane, so fast thou grow'st
In one of thine, from that which thou departest,
And that fresh blood which youngly thou bestow'st
Thou mayst call thine, when thou from youth convertest:
Herein lives wisdom, beauty, and increase,
Without this, folly, age, and cold decay:
If all were minded so, the times should cease,
And threescore year would make the world away.
Let those whom Nature hath not made for store,
Harsh, featureless, and rude, barrenly perish:
Look whom she best endowed she gave the more;
Which bounteous gift thou shouldst in bounty cherish:
She carved thee for her seal, and meant thereby,
Thou shouldst print more, not let that copy die.

Сонет 12

Первое упоминание «дней, пропавших в ночах – day sunk in hideous night» и «косы времени – Time's scythe».

Сонет 12. Оригинальный текст

When I do count the clock that tells the time,
And see the brave day sunk in hideous night,
When I behold the violet past prime,
And sable curls all silvered o'er with white,
When lofty trees I see barren of leaves,
Which erst from heat did canopy the herd,
And summer's green all girded up in sheaves
Borne on the bier with white and bristly beard:
Then of thy beauty do I question make
That thou among the wastes of time must go,
Since sweets and beauties do themselves forsake,
And die as fast as they see others grow,
And nothing 'gainst Time's scythe can make defence
Save breed to brave him when he takes thee hence.

Сонет 13

Шекспир назвал адресата «my love» – моя любовь или мой милый. Какой перевод будет верным?

Ответ виден косвенно в замке сонета. Обращение «my love» дано в одной строке с обвинением адресата в расточительстве, мотовстве – O, none but unthrifts: dear my love.

Очевиден снисходительный тон такого обращения. Так старшие нередко обращаются к младшим по возрасту, а значит, уместнее перевести «my love» как «мой милый».

Сонет 13. Оригинальный текст

O that you were your self! but, love, you are
No longer yours than you yourself here live;
Against this coming end you should prepare,
And[^]your sweet semblance to some other give:
So should that beauty which you hold in lease
Find no determination; then you were
Your self again after yourself s decease,
When your sweet issue your sweet form should bear.
Who lets so fair a house fall to decay,
Which husbandry in honour might uphold
Against the stormy gusts of winter's day
And barren rage of death's eternal cold?
O, none but unthrifts: dear my love, you know
You had a father, let your son say so.

Также видим, что об отце адресата сказано в прошедшем времени – You had a father.

Значит, Шекспиру известно о смерти отца адресата. Косвенно, в сонете 1, о смерти отца уже было упомянуто. Ещё одно подтверждение очень хорошего – родственного знакомства.

А так как намёк на смерть отца даётся уже второй раз, то можно исключить из возможных «претендентов» в адресаты и младшего брата Шекспира Ричарда, и Уильяма Герберта, прототипа Друга в сонетах. Ведь отец и Шекспира (и его брата) Джон Шекспир (1530—1601), и отец Герберта Генри Герберт (1534—1601) в предполагаемое время написания сонетов (1595—1601) были живы. Также можно исключить, что автор сонетов сам является отцом адресата, ведь он жив.

Шекспир сменил форму обращения к адресату. В сонетах 1—12 он обращался к нему на «ты», но здесь перешёл к обращению на «Вы».

В староанглийском языке это хорошо видно, так как форма «thou» – «ты» тогда ещё не вышла из употребления, не была вытеснена полностью формой «you» – «вы», которая в наше время употребляется также в значении «ты».

Может ли это означать, что сменился адресат сонета 13? Влияет ли форма обращения на изменение адресности? В сонетах 1—12 мы видели, что Шекспир постоянно менял тон, не меняя смысла своих призывов к адресату. Здесь также можно сказать, что с изменением формы обращения, в очередной раз, поменялся только тон сонета, но смысл остался в рамках той же темы, того же призыва «иметь сына», чтобы в нём продолжить свою жизнь. А если противоречие не выявлено, то нет оснований для смены адресата.

Сонет 14

Очередной пример нового ракурса утверждений той же темы. «Рядом верность с красотой – As truth and beauty shall together thrive», вероятно, обозначают супружество.

Шекспир опять вернулся к обращению на «ты», но, как видим, смысл призывов не поменялся. Значит, адресат здесь тот же.

Сонет 14. Оригинальный текст

Not from the stars do I my judgement pluck,
And yet methinks I have astronomy,
But not to tell of good or evil luck,
Of plagues, of dearths, or seasons' quality;
Nor can I fortune to brief minutes tell,
Pointing to each his thunder, rain and wind,
Or say with princes if it shall go well
By oft predict that I in heaven find:
But from thine eyes my knowledge I derive,
And, constant stars, in them I read such art
As truth and beauty shall together thrive
If from thy self to store thou wouldst convert:
Or else of thee this I prognosticate,
Thy end is truth's and beauty's doom and date

Сонет 15

Развитие «звёздного» ракурса общей темы, начатого в сонете 14. Первое указание на невозможность победить в войне со временем без Любви и «прививок – I ingraft you new» – напоминаний, т.е. стихов поэта. Но нет утверждения о достаточности этого. Обращение на «Вы» в рамках той же темы и тех же призывов не меняет адресата.

Сонет 15. Оригинальный текст

When I consider every thing that grows
Holds in perfection but a little moment,
That this huge stage presenteth nought but shows
Whereon the stars in secret influence comment;
When I perceive that men as plants increase,
Cheered and checked even by the selfsame sky,
Vaunt in their youthful sap, at height decrease,
And wear their brave state out of memory:
Then the conceit of this inconstant stay
Sets you most rich in youth before my sight,
Where wasteful Time debateth with Decay
To change your day of youth to sullied night,
And all in war with Time for love of you,
As he takes from you, I ingraft you new.

Сонет 16

Свои стихи поэт назвал «бедным» (my barren rhyme) способом в войне со Временем. Своё «перо – my pupil pen» названо «слабым» исполнить «красоту и честь» адресата, чтобы тот мог быть «живым в глазах людей – you live yourself in eyes of men». В качестве способа борьбы названа необходимость «себя отдать, чтобы себя сохранить – To give away yourself keeps yourself still,», с которым и «должен жить», что является новым ракурсом всё той же темы.

Сонет 16. Оригинальный текст

But wherefore do not you a mightier way
Make war upon this bloody tyrant Time,
And fortify yourself in your decay
With means more blessed than my barren rhyme?
Now stand you on the top of happy hours,
And many maiden gardens, yet unset,
With virtuous wish would bear your living flowers,
Much liker than your painted counterfeit:
So should the lines of life that life repair
Which this time's pencil or my pupil pen
Neither in inward worth nor outward fair
Can make you live yourself in eyes of men:
To give away yourself keeps yourself still,
And you must live drawn by your own sweet skill.

Опять чувствуется, что адресат ответил поэту в промежутке времени между сонетами 15 и 16. Ведь в замке сонета 15 поэт считал хорошим аргументом, что его «прививки» – напоминания, т.е. его стихи, будут помогать адресату в войне со Временем.

Но, видимо, адресат ухватился за это предложение и в своём ответе сообщил поэту, что ему больше ничего и не надо. Это и могло послужить поводом к тому, что поэт в сонете 16 не отказался от этого способа, а решил разъяснить его недостаточность и назвал «бедным».

Опять, как в случае с сонетами 9 и 10, мы видим подтверждение последовательности написания сонетов с разрывом во времени на ответ адресата и зависимость содержания сонетов 15 и 16 (то без разъяснений, то с разъяснениями) от изменившихся обстоятельств.

Сонет 17

В сонете дано веское указание на то, что все сонеты этому адресату были не просто сочинены и прочитаны поэтом, а именно записаны и переданы адресату в письменном виде, ведь только бумага «желтеет – my papers (yellowed with their age)» от времени и сохраняет написанное для «грядущих веков – The age to come would say, «This poet lies». Это, в свою очередь, говорит о грамотности адресата. Опять видим, что поэт продолжает разъяснения о «бедности» способа из сонета 16. Как будто, ему опять был задан вопрос с просьбой представить эти разъяснения, что указывает на разрыв во времени между написанием сонетов 16 и 17.

Шекспиром дана развёрнутая аргументация того, почему стихи не смогут донести истину об адресате до грядущих веков.

Ни описания добродетелей – Which hides your life, and shows not half your parts, ни внешности – Such heavenly touches ne'er touched earthly faces, каким бы пышным ни был слог, не убедят грядущие поколения.

Сонет 17. Оригинальный текст

Who will believe my verse in time to come
If it were filled with your most high deserts?
Though yet, heaven knows, it is but as a tomb
Which hides your life, and shows not half your parts.
If I could write the beauty of your eyes,
And in fresh numbers number all your graces,
The age to come would say, «This poet lies;
Such heavenly touches ne'er touched earthly faces.»
So should my papers (yellowed with their age)
Be scorned, like old men of less truth than tongue,
And your true rights be termed a poet's rage
And stretched metre of an antique song:
But were some child of yours alive that time,
You should live twice, in it and in my rhyme.

Единственным способом заставить поверить в истинность содержания стихов об адресате названо подтверждение этого содержания жизнью сына адресата в эти времена – But were some child of yours alive that time.

Не может быть сомнений, что иначе, стихи, по мнению поэта, ни в чём никого не убедят и будут названы «ложью». Этот ракурс роли стихов во Времени важен для последующего сравнения, так как именно ему будет противоречить следующий сонет 18.

Таким образом, уже сейчас есть основания считать, что адресат сонетов 1—17 это – другой человек, не тот, кому написан следующий сонет 18.

Окончательное подтверждение этому мы увидим после второго анализа этой же череды сонетов на соответствие с фактами биографий, который будет представлен во второй части книги.

А пока, условно назовём адресата сонетов 1—17 «Родственник».

Глава 3. Сонеты 18—20. Восхищение душевностью

Так выделена череда сонетов 18—20, как имеющая одного адресата – молодого мужчину. Эта череда сонетов объединена темой восхищения Шекспиром красотой адресата, которая без противоречий развивается от сонета 18 до сонета 20. Поэтому (отсутствие противоречий) и можно распространить указания отдельных сонетов на всю эту череду.

Выделить же сонеты 18—20 в отдельную череду нас заставляет, принятая нами, логика анализа. По этой логике мы не можем распространить указания сонетов 1—17 и далее, на сонеты 18—20, так как в сонете 18 встречаем противоречие сонетам 16 и 17. А это значит, что в сонете 18 происходит смена адресата и вся череда сонетов 18—20 адресована другому человеку, не тому, кому были адресованы сонеты 1—17.

Сонет 18

В теме «восхищения красотой» адресата нет противоречия с предыдущей чередой сонетов 1—17, поэтому сонет 18 легко бы вписался в продолжение этой череды. Однако, ракурс роли стихов во Времени поменялся на противоположный. Только что, в сонете 17, Шекспир приводил убедительные аргументы о недостаточности стихов для сохранения красоты адресата во Времени и, вдруг, говорит о стихах прямо противоположное в сонете 18 – So long lives this, and this gives life to thee.

Сонет 18. Оригинальный текст

Shall I compare thee to a summer's day?
Thou art more lovely and more temperate:
Rough winds do shake the darling buds of May,
And summer's lease hath all too short a date;
Sometime too hot the eye of heaven shines,
And often is his gold complexion dimmed;
And every fair from fair sometime declines,
By chance or nature's changing course untrimmed:
But thy eternal summer shall not fade,
Nor lose possession of that fair thou ow'st,
Nor shall Death brag thou wand'rest in his shade,
When in eternal lines to time thou grow'st.
So long as men can breathe or eyes can see,
So long lives this, and this gives life to thee.

Может быть, он изменил своё мнение о предмете в сонете 18 или, возможно, он просто фантазирует, обыгрывая предмет? Обыгрывание темы с разных сторон и точек зрения, в данном случае – темы значения стихов в сохранении прекрасного, всегда было неотъемлемым атрибутом поэтической фантазии. Но логика, в которой мы хотим получить ответ на вопрос об адресности сонета ограничивает применение фантазии Шекспиром, именно, в таких случаях противоречий, которые мы специально выделяем в последовательности сонетов.

В данном случае мы имеем дело с первым следствием из первой предпосылки о последовательности и непротиворечивости Шекспира, а именно, с невозможностью давать прямо противоположные оценки одному человеку, одной ситуации, одному событию. На возможность других обоснований мы просто не отвлекаемся. Ведь только тогда наш результат будет логичным.

А перескакивание с одного направления на другое, на третье и т.д., очевидно, не может привести к логичному результату, и потому ошибочно.

Для таких ситуаций, как противоречие сонетов 17 и 18, в «Своде неизменных правил» предусмотрено правило 4, согласно которому и можно говорить о смене адресата и начале новой череды.

Сонет 18 обезличен, т.е. определить пол адресата только по тексту сонета 18 невозможно. Однако, у нас будет исчерпывающая возможность выяснить это в сонете 20. А так как мы распространяем указания отдельных сонетов на всю череду, то указания сонета 20 на молодого мужчину примем за относящиеся также к сонету 18. Также видим, что полностью исчезли и поучения, и снисходительность, и претензии первых 17-ти сонетов. В сонете 18 началась хвала красоте адресата, с одной стороны, и утверждение о стихах как о сохраняющих эту красоту в веках, с другой стороны.

Этот ракурс важен для дальнейшего сравнения, так как именно он будет обыгран во всех последующих чередрах сонетов, посвящённых Другу.

А это значит, что первым сонетом Другу надо считать сонет 18.

Кроме того, первой части этого ракурса будет противоречить сонет 21.

сонет 19

Шекспир опять употребил в отношении адресата выражение «my love» – моя любовь.

Сонет 19. Оригинальный текст

Devouring Time, blunt thou the lion's paws,
And make the earth devour her own sweet brood;
Pluck the keen teeth from the fierce tiger's jaws,
And burn the long-lived phoenix in her blood;
Make glad and sorry seasons as thou fleet'st,
And do whate'er thou wilt, swift-footed Time,
To the wide world and all her fading sweets;
But I forbid thee one most heinous crime:
O, carve not with thy hours my love's fair brow,
Nor draw no lines there with thine antique pen;
Him in thy course untainted do allow
For beauty's pattern to succeeding men.
Yet, do thy worst, old Time: despite thy wrong,
My love shall in my verse ever live young.

Определить только по сонету 19 затруднительно, в каком из возможных значений это было сказано, какой русский перевод будет верным?

Но нас выручает сонет 20, где Шекспир исключает для себя возможность иных отношений с мужчиной, кроме дружеских. А так как здесь мы видим ту же тему – хвалу красоте адресата, то и речь здесь также идёт о друге поэта.

А значит и значение «my love», если делать определённым род адресата, ведь только из текста сонета 19 это определить невозможно, не будет ошибкой перевести, как «моё восхищение – мой кумир – мой герой».

Сонет 20

Даёт однозначное указание на адресата – мужчину: «добавив бесполезное одно, явила недоступным мне тебя – And by addition me of thee defeated, By adding one thing to my purpose nothing».

Сонет является ключевым для понимания многих неопределённостей в других сонетах. В сонете дано чёткое разделение – хотя адресат назван пассивой (предметом любви, симпатии), но тут же указано, что этого недостаточно для любви плотской.

Это снимает все сомнения, когда в других сонетах поэт употребляет в отношении адресата-мужчины слова «моя любовь». Понятно, что речь всегда идёт о восхищении, о дружбе и не более того.

Так находит выражение литературная традиция, нисходящая своими корнями к древнегреческой – называть Любовью в том числе и все душевные отношения безотносительно пола и плотских желаний. Сонет 20 ясно показывает, что Шекспир следовал этой традиции.

Сонет 20. Оригинальный текст

A woman's face with Nature's own hand painted
Hast thou, the master-mistress of my passion;
A woman's gentle heart, but not acquainted
With shifting change, as is false women's fashion;
An eye more bright than theirs, less false in rolling,
Gilding the object whereupon it gazeth;
A man in hue, all hues in his controlling,
Which steals men's eyes and women's souls amazeth.
And for a woman wert thou first created,
Till Nature as she wrought thee fell a-doting,
And by addition me of thee defeated,
By adding one thing to my purpose nothing.
But since she pricked thee out for women's pleasure,
Mine be thy love and thy love's use their treasure.

Главным логическим стержнем всего исследования является последовательность Шекспира. Подробно этот аспект разобран в главе «Свод неизменных правил». А значит, принятая нами, логика анализа не позволяет допустить, что Шекспир посвятил другу те сонеты, смысл которых будет противоречить сонету 20, т.е. там, где будет однозначно виден не душевный, а плотский характер отношений.

И это касается не только следующей череды сонетов 21 – 36, а и любых других сонетов.

Череда сонетов 18—20 отличается, явно выраженным Шекспиром в сонете 18 и продолженным в сонетах 19 и 20, желанием восхвалять друга в стихах, придумывать его красоте чудесные сравнения.

На собственный вопрос об этом в сонете 18, обращённый к себе же, Шекспир отвечает утвердительно. Но что нам думать, когда в сонете 21 мы встретим его отказ от поэтических сравнений адресата?

Глава 4. Сонеты 21—36. Манифест Музы – отказ от хвалы

Так выделена череда сонетов 21—36, как имеющая одного адресата – молодую женщину.

Эта череда сонетов объединена признаком, который в дальнейшем можно видеть только в чередах сонетов, посвящённых возлюбленной, а именно, отказом поэта от поэтических сравнений и хвалебных искусственных, надуманных комплиментов внешности (и только внешности) адресата.

В отличие от предыдущих черёд сонетов 1—17 и 18—20, где объединяющим признаком была тема сонетов, в череде сонетов 21—36 тема сменяется два раза, но без противоречий.

Поэтому (отсутствие противоречий) и можно распространить указания отдельных сонетов на всю эту череду.

Выделить же сонеты 21—36 в отдельную череду нас заставляет, принятая нами, логика анализа. По этой логике мы не можем распространить указания сонетов 18—20 и далее, на сонеты 21—36, так как в сонете 21 встречаем противоречие сонетам 18—20.

А это значит, что в сонете 21 происходит смена адресата и вся череда сонетов 21—36 адресована другому человеку, не тому, кому были адресованы сонеты 18—20.

Сонет 21

Поэт прямо заявляет, что он и Муза это – не одно и то же – *So is it not with me as with that Muse*. И если Муза может «смешать все красоты» в стихах, то сам поэт этого делать не станет. Он хочет «писать правду о любви – *O let me, true in love, but truly write*», ничего не приукрашивая и не «творя сравнений череду – *Making a couplement of proud compare*».

Сонет 21. Оригинальный текст

*So is it not with me as with that Muse,
Stirred by a painted beauty to his verse,
Who heaven itself for ornament doth use,
And every fair with his fair doth rehearse,
Making a couplement of proud compare
With sun and moon, with earth and sea's rich gems,
With April's first-born flowers, and all things rare
That heaven's air in this huge rondure hems.
O let me, true in love, but truly write,
And then believe me, my love is as fair
As any mother's child, though not so bright
As those gold candles fixed in heaven's air:
Let them say more that like of hearsay well,
I will not praise that purpose not to sell.*

Но не странно ли такое заявление поэта?

Ведь только что, в сонете 18, мы видели положительный ответ на вопрос о возможности сравнения адресата с «летним днём». Противоречие очевидно.

Поэтому продолжить распространение указаний сонетов 18—20 на сонет 21 невозможно.

Для таких ситуаций, как противоречие сонетов 18—20 и сонета 21 в «Своде неизменных правил» предусмотрено правило 5, согласно которому и можно говорить о смене адресата и начале новой череды.

По той же самой причине, что была указана при анализе противоречия сонета 18, для сонета 21 противоречие не может быть принято за обыгрывание темы – логика анализа этого не позволяет. Но никаких других качеств этого нового адресата в сонете 21 не указано. Однако, и здесь, как и в сонетах 18—20, принимая все сонеты одной череды связанными отсутствием противоречий, мы найдём эти качества в последующих сонетах.

Сонет 22

Сонет ставит новую проблему для интерпретации его смысла.

Впервые мы видим, что поэт не противоречит напрямую, а умалчивает о том способе борьбы со временем и старением адресата, который ранее сам же и указал в сонетах 18 и 19, а именно, о своих стихах, в которых юность адресата сохранится в веках.

Сонет 22. Оригинальный текст

My glass shall not persuade me I am old,
So long as youth and thou are of one date,
But when in thee time's furrows I behold,
Then look I death my days should expiate:
For all that beauty that doth cover thee
Is but the seemly raiment of my heart,
Which in thy breast doth live, as thine in me.
How can I then be elder than thou art?
O therefore, love, be of thyself so wary
As I not for myself but for thee will,
Bearing thy heart, which I will keep so chary
As tender nurse her babe from faring ill:
Presume not on thy heart when mine is slain;
Thou gav'st me thine, not to give back again

Если считать, что адресат не менялся, то налицо непоследовательность, выраженная в забывчивости поэта. Поэт, как будто, не зная своей же рекомендации, придумывает новый способ борьбы со временем – обмен сердцами – *my heart, Which in thy breast doth live, as thine in me*.

Но этот способ у него ограничен ровно рамками земной жизни поэта и адресата, а смерть одного означает и смерть другого, так как взять назад своё сердце невозможно – *Thou gav'st me thine, not to give back again*.

Как видим, эта альтернатива борьбы абсолютно другая, если помнить сонеты 18 и 19. Однако, логика, которой мы придерживаемся, не позволяет считать Шекспира непоследовательным и забывчивым.

А если так, то сохранить последовательность в этой ситуации ему будет возможно, обращаясь только к другому адресату.

В сонете 22 есть указание на сравнительный возраст адресата – моложе поэта – *How can I then be elder than thou art*. Поэт желает совместной жизни с адресатом до самой смерти. Поэт видит в адресате человека, который пройдёт с ним рядом всю его жизнь, возможно, в супружестве.

Также «обмен сердцами» является, хотя и сомнительным (ввиду штампа), но возможным указанием на физический контакт с адресатом и плотский характер отношений, что является противоречием сонету 20, где адресатом определён мужчина. Значит, в сонете 22 адресат – женщина.

Причём, заметим, что противоречия сонета 22 относятся к предыдущей череде сонетов 18—20 и предусмотрены правилом 4 «Свода неизменных правил».

Противоречия же сонета 22 с сонетом 21 нет, что предусмотрено правилом 2 «Свода неизменных правил», ведь эти сонеты просто о разном.

Но, как и было указано ранее при анализе сонета 21, объединяющий признак от сонета 21 к сонету 22 сохранился – всё сказано прямо и просто, без сравнений и надуманных комплиментов внешности, как и декларировал Шекспир в сонете 21.

Сонет 23

Ещё одно косвенное подтверждение, что адресат череды сонетов 21—36 – женщина. На протяжении первых 20 сонетов Шекспир ничего не забывал, не робел и не молчал, прямо указывая адресату сонетов на свою духовную близость с ним. Но здесь вдруг всё поменялось – Шекспир оробел и забыл любовный ритуал – forget to say The perfect ceremony of love's rite. Это указывает на принципиально другой характер отношений, т.е. отношений, для которых существует любовный ритуал. Ведь для духовного общения не существует границ и строгих предписаний поведения, кроме одного – уважения.

Сонет 23. Оригинальный текст

As an imperfect actor on the stage,
Who with his fear is put besides his part,
Or some fierce thing replete with too much rage,
Whose strength's abundance weakens his own heart;
So I, for fear of trust, forget to say
The perfect ceremony of love's rite,
And in mine own love's strength seem to decay,
O'ercharged with burden of mine own love's might:
O let my looks be then the eloquence
And dumb presagers of my speaking breast,
Who plead for love, and look for recompense,
More than that tongue that more hath more expressed.
O learn to read what silent love hath writ:
To hear with eyes belongs to love's fine wit.

Так, что же, Шекспир забыл, что нужно быть уважительным в общении? Весьма сомнительно, тем более в свете его последовательности и не забывчивости. В сонете речь идёт о «ритуале любовных формул», т.е. не о единственном, а о нескольких, причём, выстроенных в строгой последовательности (ритуал) «любовных формулах». «Формулы» эти – очень сложные, ведь их так трудно помнить всегда. Но ошибаться нельзя, и если не уверен – «оробел», то лучше вообще «молчать».

Как видим, всё указывает, что это – ритуал любовного общения с женщиной!

Именно поэтому поэт молит этой любви взглядом, надеясь на женское понимание.

Можно говорить о первой встрече наедине с возлюбленной, которая ничем не закончилась – поэт «оробел» и «забыл любовный ритуал».

Также видим, что манифест сонета 21 пока исполняется – никаких сравнений или хвалы внешности адресата.

сонет 24

В сонете присутствует откровенный намёк на женщину.

Указание Шекспира на своё тело, как раму для полотна прекрасных форм – *Thy beauty's form in table of my heart; My body is the frame wherein 'tis held*, (не лика, не душевных качеств!) адресата, вступает в явное противоречие с сонетом 20, если и здесь считать адресатом мужчину.

Сонет 24. Оригинальный текст

Mine eye hath played the painter and hath stelled
Thy beauty's form in table of my heart;
My body is the frame wherein 'tis held,
And perspective it is best painter's art.
For through the painter must you see his skill
To find where your true image pictured lies,
Which in my bosom's shop is hanging still,
That hath his windows glazed with, thine eyes.
Now see what good turns eyes for eyes have done:
Mine eyes have drawn thy shape, and thine for me
Are windows to my breast, wherethrough the sun
Delights to peep, to gaze therein on thee.
Yet eyes this cunning want to grace their art,
They draw but what they see, know not the heart.

Но противоречия нет, если адресат – женщина. Тогда столь близкий контакт с адресатом в желаниях поэта (в перспективе) вполне объясним.

Здесь мы видим такое же следование манифесту Музы сонета 21 – минимум сравнений и никакой хвалы внешности адресата.

Прошу не путать со сравнениями поэта в отношении себя – здесь их немало. Но нас интересует только адресат.

Замок сонета 24 содержит объяснение, данное самим Шекспиром, своему отрицанию хвалы внешности в сонетах к возлюбленной – «рисую вид, не видит чувства – *They draw but what they see, know not the heart*». Другими словами, Шекспир в отношениях с возлюбленной стремится в первую очередь узнать её сердце, душу, а внешность считает обманчивой, «коварной».

Видимо, эту «правду о любви» он упомянул в сонете 21, ведь только говоря о своих чувствах, своей душе, можно навести собеседника на ответное высказывание на эту же тему. А если хвалить внешность, то вряд ли можно услышать в ответ что-то большее, чем выражение стандартной благодарности.

Сонет 25

Поэт добился взаимности – «любит и любим – Then happy I that love and am beloved». В сонете виден более поздний этап развития отношений, которые продолжаются с тем же адресатом, что и в предыдущих сонетах 21—24, так как противоречий с ними нет.

Сонет 25. Оригинальный текст

Let those who are in favour with their stars
Of public honour and proud titles boast,
Whilst I, whom fortune of such triumph bars,
Unlooked for joy in that I honour most.
Great princes' favourites their fair leaves spread
But as the marigold at the sun's eye,
And in themselves their pride lies buried,
For at a frown they in their glory die.
The painful warrior famoused for fight,
After a thousand victories once foiled,
Is from the book of honour rased quite,
And all the rest forgot for which he toiled:
Then happy I that love and am beloved
Where I may not remove, nor be removed.

Это указывает, что последовательность написания сонетов в порядке нумерации пока сохраняется.

Сонет 26

Шекспир перешёл на объяснения в письме – «письменное посланье – To thee I send this written embassy».

Сонет 26. Оригинальный текст

Lord of my love, to whom in vassalage
Thy merit hath my duty strongly knit,
To thee I send this written embassy
To witness duty, not to show my wit;
Duty so great, which wit so poor as mine
May make seem bare, in wanting words to show it,
But that I hope some good conceit of thine
In thy soul's thought (all naked) will bestow it,
Till whatsoever star that guides my moving
Points on me graciously with fair aspect,
And puts apparel on my tottered loving,
To show me worthy of thy sweet respect:
Then may I dare to boast how I do love thee,
Till then, not show my head where thou mayst prove me.

Для дальнейшего анализа принципиально важно оставаться в рамках изначально принятой логики, т.е. не перескакивать с варианта на вариант. Ведь объяснений тому, что заставило поэта заняться «письменным посланьем», может быть несколько.

В этой части анализа, главное – определить, является ли эта смена формы общения не просто другой, а именно противоречивой по отношению к общению личному, которое мы видели в сонетах 21—25. Ведь только тогда, мы будем делать выводы об адресате в рамках нашей логики.

Для понимания сначала необходимо мысленно исключить форму общения и взглянуть на смысл сонета с точки зрения его противоречивости с предыдущими сонетами 21—25.

Мы видим, что Шекспир продолжает говорить о своей любви к адресату – Lord of my love, и противоречия в этом нет.

Мы видим, что Шекспир указывает на новое обстоятельство – свой «великий долг – Duty so great», но это – не противоречие, так как указывает впервые – сравнивать не с чем.

Мы видим, что Шекспир объясняет адресату последствия своего «долга» для их любви, и противоречия в этом также нет.

Значит, чистый смысл сонета не содержит противоречий.

Но что изменится, если мы учтём «письменную» форму общения с адресатом? Ничего, для вопроса об адресности сонета. Адресат не сменился, так как в рамках нашей логики для этого не применимо ни одно из «неизменных правил».

Можно говорить только об изменении обстоятельств, в которых продолжалось общение с тем же адресатом.

Что это за обстоятельства, будет частично видно в последующих сонетах, а подробно изложено в другой главе, при анализе сонета 26 на соответствие с фактами биографий.

Сонет 27

«Письменный» характер общения с адресатом в сонете 26 указывал на изменение обстоятельств – отсутствие личного общения.

Сонет 27. Оригинальный текст

Weary with toil, I baste me to my bed,
The dear repose for limbs with travel tired,
But then begins a journey in my head,
To work my mind, when body's work's expired;
For then my thoughts (from far where I abide)
Intend a zealous pilgrimage to thee,
And keep my drooping eyelids open wide,
Looking on darkness which the blind do see;
Save that my soul's imaginary sight
Presents thy shadow to my sightless view,
Which, like a jewel (hung in ghastly night),
Makes black night beautiful, and her old face new.
Lo thus by day my limbs, by night my mind,
For thee, and for myself, no quiet find.

И в сонете 27 мы также видим указание на отсутствие личного общения – поэт не видит адресата днём – трудится вдали от него – *Lo thus by day my limbs, by night my mind*, а ночью направляет к нему мысленный путь – *For then my thoughts (from far where I abide)*. Ясно выражено желание быть вместе с адресатом. Противоречия в этом нет, значит, адресат не менялся.

Сонет 28

Ещё одно указание на отсутствие личного общения – «печаль» и «тоска» днём и ночью и всё «дальше» от адресата – *How far I toil, still farther off from thee*. Ещё одно ясно выраженное желание изменить эти обстоятельства – «вернуть судьбы счастливый ход – *How can I then return in happy plight*», т.е. быть вместе с адресатом. Понятно, что противоречий в этом нет, адресат сонета не менялся, а череда женских сонетов продолжается.

Сонет 28. Оригинальный текст

How can I then return in happy plight
That am debarred the benefit of rest?
When day's oppression is not eased by night,
But day by night and night by day oppressed;
And each (though enemies to either's reign)
Do in consent shake hands to torture me,
The one by toil, the other to complain
How far I toil, still farther off from thee.
I tell the day to please him thou art bright,
And dost him grace when clouds do blot the heaven;
So flatter I the swart-complexioned night,
When sparkling stars twire not thou gild'st the even:
But day doth daily draw my sorrows longer,
And night doth nightly make griefs' strength seem stronger

Сонет 29

Опять, как и во всех предыдущих сонетах этой череды (21—28), поэт больше говорит о себе, следуя своей же декларации из сонета 21.

Сонет 29. Оригинальный текст

When in disgrace with Fortune and men's eyes,
I all alone bewep my outcast state,
And trouble deaf heaven with my bootless cries,
And look upon myself and curse my fate,
Wishing me like to one more rich in hope,
Featured like him, like him with friends possessed,
Desiring this man's art and that man's scope,
With what I most enjoy contented least;
Yet in these thoughts myself almost despising,
Haply I think on thee, and then my state
(Like to the lark at break of day arising
From sullen earth) sings hymns at heaven's gate;
For thy sweet love rememb'ed such wealth brings
That then I scorn to change my state with kings.

Но «вспомню о тебе – Haply I think on thee» опять указывает на отсутствие личного общения.

Да, мы видим некие новые обстоятельства, но в отношении поэта. Поэтому, какими бы ни были эти обстоятельства, повлиять на смену адресата они не могут. В рамках нашей логики для этого не предусмотрено правил.

Анализу этих обстоятельств будет посвящена другая глава о сонете 29 – при сравнении с фактами биографий.

Сонет 30

Здесь мы видим обращение к адресату «dear friend» – милый друг. В английском языке возможен и смысл – «милая подруга», слова не меняются.

Да, обычно в непоэтической речи, если хотят дать определённую именно женскому роду, то к «friend» – друг, добавляют «girl» – девушка, но, если о «подруге» говорят в третьем лице. Например, «Вот моя подруга (girl-friend)». При прямом обращении к визави, как в сонете, такое уточнение звучит хамовато, а в поэтической речи это уточнение и не обязательно, ведь поэт связан возможностями размера строки.

Сонет 30. Оригинальный текст

When to the sessions of sweet silent thought
I summon up remembrance of things past,
I sigh the lack of many a thing I sought,
And with old woes new wail my dear time's waste:
Then can I drown an eye (unused to flow)
For precious friends hid in death's dateless night,
And weep afresh love's long since cancelled woe,
And moan th'expense of many a vanished sight;
Then can I grieve at grievances foregone,
And heavily from woe to woe tell o'er
The sad account of fore-bemoaned moan,
Which I new pay as if not paid before:
But if the while I think on thee (dear friend)
All losses are restored, and sorrows end.

Однако, мы обязаны определить не то, какой из вариантов перевода отразит род адресата, а то, какую из двух частей несоответствия считать мнимой.

Несоответствие состоит в том, что сонет 30 по смыслу не противоречит предыдущей череде сонетов 21—29, так как мы видим и развитие темы: «вспомню о тебе – But if the while I think on thee (dear friend)» из сонета 29, и объединяющий признак из сонета 21 – отсутствие хвалы внешности адресата, но в сонете, казалось бы, назван мужской род адресата, что противоречит указаниям на женщину сонетов 22—24.

Но к чему такие сложности? Не проще ли признать это несоответствие противоречием, ведь прямо назван «дружеский», т.е. вероятнее мужской род адресата, а значит, можно говорить о смене адресата? Почему бы Шекспиру, находясь в тех же самых личных обстоятельствах, которые схожи в сонетах 29 и 30, не написать также сонет и для друга? Дело в том, что Шекспир не только взял в скобки это обращение к адресату, как бы подразумевая разное толкование. Кроме того, подобное обращение к женщине может свидетельствовать о том, что в отношениях с адресатом пока присутствует только духовная составляющая, как с другом, ведь они находятся в разлуке – личное общение отсутствует.

Но окончательный вердикт о верности такой адресности сонета 30 поставил анализ сонетов 50 и 51, где Шекспир употребил одновременно и обращение к «другу», и оборот речи, который никак нельзя адресовать мужчине.

Таким образом, в сонете 30 мы имеем дело со случаем, когда его верная адресность определяется не текущей, а последующими чередами сонетов.

Кроме того, далее до сонета 37 противоречий не будет, т.е. адресат не сменится, и если это – друг, а не подруга, то начинают множиться уже никак не объяснимые несоответствия.

Например – между сонетами 36, 37 и 39, в которых, с одной стороны, надо бы признать одного адресата – «друга», а с другой стороны, смысл одних сонетов противоречит другим.

Подробно это будет показано при анализе череды сонетов 37—42. Поэтому в сонете 30 адресат не менялся, это, по-прежнему – возлюбленная поэта.

Сонет 31

Обстоятельства общения с адресатом изменились.

Теперь Шекспир написал сонет, «любясь – Their images I loved I view in thee» адресатом, т.е. очевидно – личное общение. Но, как и ранее в сонете 26, так и здесь, изменение обстоятельств написания сонетов не является противоречием и не может повлиять на смену адресата.

Сонет 31. Оригинальный текст

Thy bosom is endeared with all hearts,
Which I by lacking have supposed dead,
And there reigns love and all love's loving parts,
And all those friends which I thought buried.
How many a holy and obsequious tear
Hath dear religious love stol'n from mine eye,
As interest of the dead; which now appear
But things removed that hidden in thee lie!
Thou art the grave where buried love doth live,
Hung with the trophies of my lovers gone,
Who all their parts of me to thee did give;
That due of many now is thine alone.
Their images I loved I view in thee,
And thou (all they) hast all the all of me.

Мы видим хвалу душе адресата, но нет никакой хвалы его внешности, ведь запрещённых сравнений из сонета 21 с чудесами «солнца, моря иль земли», по-прежнему, нет.

Но есть развитие темы своих жизненных бед, превратившихся благодаря любви во благо, как в сонетах 29 и 30.

Всё это указывает на продолжение череды женских сонетов.

Сонет 32

«И пусть уступят каждому перу – And though they be outstripped by every pen» – уничижение своих стихов противоречит сонету 18, где «стихи живут» в веках «пока дышать и видеть» могут люди.

В сонете 18 адресатом является друг поэта, значит, в сонете 32 адресат другой. Это – ещё одно подтверждение адресности сонета 32, а заодно и сонета 30, ведь противоречия между этими сонетами нет.

Также видим, что объединяющий признак из сонета 21 – отсутствие хвалы внешности адресата – также имеет место и в сонете 32.

Ещё одно подтверждение адресата сонета 32 – возлюбленной поэта, мы увидим в сонете 74.

Сонет 32. Оригинальный текст

If thou survive my well-contented day,
When that churl Death my bones with dust shall cover,
And shalt by fortune once more re-survey
These poor rude lines of thy deceased lover,
Compare them with the bett'ring of the time,
And though they be outstripped by every pen,
Reserve them for my love, not for their rhyme,
Exceeded by the height of happier men.
O then vouchsafe me but this loving thought:
«Had my friend's Muse grown with this growing age,
A dearer birth than this his love had brought
To march in ranks of better equipage:
But since he died, and poets better prove,
Theirs for their style I'll read, his for his love.»

Сонет 33

Рассказ о себе и своей любви продолжается без противоречий.

Сонет 33. Оригинальный текст

Full many a glorious morning have I seen
Flatter the mountain tops with sovereign eye,
Kissing with golden face the meadows green,
Gilding pale streams with heavenly alchemy,
Anon permit the basest clouds to ride
With ugly rack on his celestial face,
And from the forlorn world his visage hide,
Stealing unseen to west with this disgrace:
Even so my sun one early morn did shine
With all triumphant splendor on my brow;
But out alack, he was but one hour mine,
The region cloud hath masked him from me now.
Yet him for this my love no whit disdaineth:
Suns of the world may stain, when heaven's sun staineth.

Новый ракурс темы только ещё раз подтверждает правило 1 «Свода неизменных правил».

Сравнение возлюбленной с «земным солнцем» это – не о её внешности, а о её чувствах, ведь внешность не меняется, а здесь, сначала «озарила» и сделала счастливым «на час» – *But out alack, he was but one hour mine*, а потом «скрылась в тучах – *The region cloud hath masked him from me now*».

Значит, объединяющий признак из сонета 21 – отсутствие хвалы внешности адресата – также имеет место и в сонете 33.

Поэтому адресат в сонете 33 прежний – возлюбленная поэта.

Сонет 34

Ещё одно, в череде сонетов 21—36, указание на женщину – предложение адресату искупить свою вину слезами – Ah, but those tears are pearl which thy love sheeds.

Но почему бы не предположить, что это друг поэта был настолько малодушен и слезлив, что ждать от него чего-то другого было для поэта бессмысленно? Ответ – в причине, из-за которой поэт выдвигает свои претензии к адресату. Мы видим в сонете, что поэт недоволен тем, что адресат воспрепятствовал ему в его пути навстречу к адресату.

Как мы помним, желание быть вместе уже было выражено ранее в женских сонетах 22, 27 и 28. Значит, оставаться последовательным Шекспир может, обращаясь только к женщине.

Сонет 34. Оригинальный текст

Why didst thou promise such a beauteous day,
And make me travel forth without my cloak,
To let base clouds o’ertake me in my way,
Hiding thy brav’ry in their rotten smoke?
Tis not enough that through the cloud thou break,
To dry the rain on my storm-beaten face,
For no man well of such a salve can speak,
That heals the wound, and cures not the disgrace:
Nor can thy shame give physic to my grief;
Though thou repent, yet I have still the loss:
Th’offender’s sorrow lends but weak relief
To him that bears the strong offence’s cross.
Ah, but those tears are pearl which thy love sheeds,
And they are rich and ransom all ill deeds.

Кроме того, невозможно признать смену адресата в сонете 34 не только по той же причине, что и в сонете 30 – противоречие следующей череде мужских сонетов 37—39, а также и потому, что смысл сонета не противоречит предыдущим сонетам этой же череды, что в рамках нашей логики указывает на прежнего адресата – возлюбленную поэта.

Также видно, что хвала внешности адресата, по-прежнему, отсутствует.

Ещё одно подтверждение адресата сонета 34 мы увидим в сонете 40.

Сонет 35

Поэт развивает под-тему о «прощении грехов» – All men make faults, из предыдущего сонета 34.

Сонет 35. Оригинальный текст

No more be grieved at that which thou hast done:
Roses have thorns, and silver fountains mud,
Clouds and eclipses stain both moon and sun,
And loathsome canker lives in sweetest bud.
All men make faults, and even I in this,
Authorizing thy trespass with compare,
Myself corrupting salving thy amiss,
Excusing thy sins more than their sins are;
For to thy sensual fault I bring in sense —
Thy adverse party is thy advocate —
And 'gainst myself a lawful plea commence:
Such civil war is in my love and hate
That I an accessory needs must be
To that sweet thief which sourly robs from me.

Можно констатировать отсутствие противоречия. И снова поэт, обращаясь к адресату, говорит о себе, о своих обстоятельствах – хвалы внешности адресата нет и в помине.

Значит, адресат прежний – возлюбленная поэта.

Сонет 36

Сонет – объяснение о неизбежной разлуке с адресатом.

Сонет 36. Оригинальный текст

Let me confess that we two must be twain,
Although our undivided loves are one:
So shall those blots that do with me remain,
Without thy help, by me be borne alone.
In our two loves there is but one respect,
Though in our lives a separable spite,
Which though it alter not love's sole effect,
Yet doth it steal sweet hours from love's delight.
I may not evermore acknowledge thee,
Lest my bewailed guilt should do thee shame,
Nor thou with public kindness honour me,
Unless thou take that honour from thy name —
But do not so; I love thee in such sort,
As thou being mine, mine is thy good report.

Поэт говорит, что не он «разделяет жизни» его и адресата, а некое внешнее «зло» – *Though in our lives a separable spite*, непреодолимые обстоятельства, т.е. он этой разлуки не желает.

Этот ракурс подачи адресату своего отношения к разлуке важен для дальнейшего сравнения с сонетом 39.

Упоминание о невозможности иметь и далее «часы наслаждения» – *Yet doth it steal sweet hours from love's delight* указывает на плотский характер отношений, что для Шекспира, согласно сонету 20, возможно только с женщиной.

Смысл первой строки третьего катрена сонета 36 – «быть может встречу, не признав тебя» – *I may not evermore acknowledge thee* – указывает на саму возможность этой не очень приятной ситуации.

Но, по кодексу чести того времени, не приветствовать означало намеренно оскорбить, тем более высокородного друга, которого все менее высокородные знакомые обязаны были приветствовать первыми.

Значит, поэт не мог предлагать такого своему другу.

А вот не показывать публично своё знакомство и отношения с женщиной было вполне в духе не только тех времён.

Замок сонета 36 будет в точности повторен в «мужском» сонете 96. И этим Шекспир ничего не забыл. Логичнее, что там сменился адресат, для которого Шекспир считал также важным донести, уже высказанную однажды мысль.

Это подтверждается правилом 3 «свода неизменных правил». Сонет 96 – явно мужской и находится в череде мужских сонетов.

Поэтому, весь сонет 36 ещё раз подтверждает адресата череды сонетов 21—36 – возлюбленную поэта

Как видим, объединяющий признак – минимум или полное отсутствие хвалы внешности адресата – имеет место во всей череде сонетов 21—36.

Поэтому его уже можно, казалось бы, признать не только не случайным, а определяющим.

Однако, окончательный вывод делать рано. В дальнейшем мы не всегда увидим этот признак только в чередях женских сонетов и не всегда не увидим его в чередях мужских сонетов.

Однако на начальном этапе внешность адресата станет постоянным предметом восхваления в мужских сонетах. Этим отличалась череда мужских сонетов 18—20, и это же мы увидим в следующей череде 37—42

Глава 5. Сонеты 37—42. За границами дозволенного

Так выделена череда сонетов 37—42, как имеющая одного адресата – друга поэта.

Эта череда сонетов показывает, что смена или продолжение темы не является признаком смены или подтверждения адресата, не только для женских (21—36), но и мужских сонетов, т.е. – для всех сонетов.

Это подтверждает верность учёта в «своде неизменных правил» темы сонета, как характеристики обобщающего понятия «образ» – главным является наличие или отсутствие противоречия в отношении адресата в «образах» сменившейся или продолжающейся темы.

В череде сонетов 37—42 тема меняется один раз, но без противоречий.

Поэтому (отсутствие противоречий) и можно распространить указания отдельных сонетов на всю эту череду.

Выделить же сонеты 37—42 в отдельную череду нас заставляет, принятая нами, логика анализа. По этой логике мы не можем распространить указания сонетов 21—36 и далее, на сонеты 37—42, так как в сонете 37 встречаем противоречие сонетам 21—36.

А это значит, что в сонете 37 происходит смена адресата и вся череда сонетов 37—42 адресована другому человеку, не тому, кому были адресованы сонеты 21—36.

Сонет 37

Но какой знак смены адресата в этом сонете? Ведь, казалось бы, никаких противоречий в том, что Шекспир развивает тему хвалы своей возлюбленной, нет.

Он уже хвалил однажды её душу (сонет 31) и там это не стало знаком смены адресата. И хотя здесь поэт говорит, что собирается также хвалить и ум, и богатство, и красоту, и происхождение, и вообще любой знак во благо адресату – *For whether beauty, birth, or wealth, or wit, Or any of these all, or all, or more*, но это больше похоже на дополнение, о котором поэт раньше просто не успел сказать. Но тогда получается, что перед нами дополнение манифеста Музы из сонета 21. Но может ли такое быть, если ключевой фразой сонета 21 звучит вопрос: «Зачем хвалить, коль цели нет – продать?», а значит любые дополнения неуместны? Тогда получается, что здесь сменилась цель такой хвалы – теперь поэт желает всем показать (продать) достоинства адресата, в том числе и внешность, от хвалы которой был прямой отказ в сонете 21.

Фантазировать в стихах так (меняя принципы в отношении одного человека) можно, а вот сохранить при этом последовательность не удастся. Но Шекспир последователен.

Поэтому, смена цели – знак смены адресата. Перед нами случай, когда тема между сонетами 36 и 37 не меняется, но расширяется за границы дозволенного, в чём и заключается противоречие в отношении адресата.

Сонет 37. Оригинальный текст

As a decrepit father takes delight
To see his active child do deeds of youth,
So I, made lame by Fortune's dearest spite,
Take all my comfort of thy worth and truth;
For whether beauty, birth, or wealth, or wit,
Or any of these all, or all, or more,
Intituled in thy parts, do crowned sit,
I make my love ingrafted to this store:
So then I am not lame, poor, nor despised,
Whilst that this shadow doth such substance give,
That I in thy abundance am sufficed,
And by a part of all thy glory live:
Look what is best, that best I wish in thee;
This wish I have, then ten times happy me.

Но есть и ещё один знак смены адресата в сонете 37, подтверждение которому находится в явно «мужском» сонете 39. Поэт называет или себя «частью» адресата – *And by a part of all thy glory live* (сонет 37) или адресата «частью» себя (сонет 39), что в общем – одно и то же.

А значит и адресат – один и тот же. Но одно пока не ясно – какой по счёту этот адресат в сонетах, четвёртый или второй? Не он ли был ранее?

Сонет 38

Мы видим новый ракурс старой темы, той же, что и в сонете 18 – о роли хвалебных стихов во времени: «и тот, кто внял тебе в свой звёздный час, пусть стих создаст, в веках не превзойти – And he that calls on thee, let him bring forth Eternal numbers to outlive long date».

Как мы помним, именно об этой роли стихов Шекспир, якобы, «забыл» в сонете 22, что противоречиво сонету 18 и указало на другого адресата.

Теперь же, «вспомнив» об этом в сонете 38, Шекспир, с одной стороны, противоречив сонету 22, а значит и всей череде сонетов 21—36, но, с другой стороны, согласован с чередой сонетов 18—20. Это указание на то, что адресат сонетов 18 и 38 – одно лицо.

Также видим, что продолжается тема сонета 37 о публичности хвалебных стихов, – достоинства адресата представляются на всеобщее обозрение: «это льётся в мой стих твоей собственной милой темой – that pour'st into my verse Thine own sweet argument», «продаются».

В зависимость от этого, от мнения современников, ставится либо успех, либо провал стихов: «моей будет боль, хвала твоей – The pain be mine, but thine shall be the praise».

Противоречия в этом нет, а значит и здесь адресат тот же, что в сонете 37.

Сонет 38. Оригинальный текст

How can my Muse want subject to invent
While thou dost breathe, that pour'st into my verse
Thine own sweet argument, too excellent
For every vulgar paper to rehearse?
O give thyself the thanks if aught in me
Worthy perusal stand against thy sight,
For who's so dumb that cannot write to thee,
When thou thyself dost give invention light?
Be thou the tenth Muse, ten times more in worth
Than those old nine which rhymers invoke,
And he that calls on thee, let him bring forth
Eternal numbers to outlive long date.
If my slight Muse do please these curious days,
The pain be mine, but thine shall be the praise.

Немного смущает предложение адресату встать в один ряд с девятью Музами: «десятой Музой стань – Be thou the tenth Muse».

Как известно, среди Муз нет мужчин. Но возможно, именно поэтому мужчина и смог бы их всех превзойти, мог бы стремиться к этому.

А иначе получается такой сомнительный комплимент женщине с предложением только стать лучше других женщин, как будто она сама это точно не знает, а поклонник, видно, не уверен. Но по нашей логике Шекспир никогда не обращался к своим адресатам с сомнительными предложениями.

Сонет 39

Второе за короткий промежуток (первое – сонет 36) предложение адресату расстаться: «и потому давай побудем врозь – Even for this, let us divided live».

Опять Шекспир забыл, что было раньше? Нет, конечно! Но аргументация поменялась в корне! Попробовал одно – не получилось, теперь пробует другое? Тоже нет! Ведь если адресата не убедило сожаление о разлуке (сонет 36), то тем более не убедит стремление к ней.

Противоречие налицо, поэтому объяснение одно – здесь другой адресат!

То, что убедительно для адресата – женщины (сонет 36), неприемлемо для адресата – мужчины. А то, что убедит мужчину, по смыслу оскорбительно для женщины (сонет 39). Здесь поэт хочет обо всём рассказать (воспеть): «как твою ценность должным образом я могу воспеть – O how thy worth with manners may I sing», а в сонете 36 наоборот— призывает даже случайно не выдать связи, т.к. это заденет честь адресата. Это ещё аргумент, что сонет 36 – женский, а сонет 39 – мужской.

В сонете 39 мы видим преемственность смысла от сонета 37, когда поэт в одном сонете называет себя «частью» друга, а в другом – друга «частью» себя – thou art all the better part of me, что указывает на одного адресата этих сонетов. В сонете 39, также, как и в сонете 37, поэт говорит об отношениях с адресатом, как о любви. Но на фоне женских сонетов 21—36, когда мы видели, как поэт стремился быть вместе с адресатом, сожалел о разлуке, очевидна принципиально другая суть этой другой любви в сонетах 37—39.

Эту суть мы уже встречали в сонете 20, где любовью поэт прямо называл дружеские душевные отношения. Поэтому и в сонете 39 объяснимо, что его не смущает разлука с другом, ведь это даст поэту возможность лучше хвалить друга в стихах: «этим расставанием я дам тебе то, что заслуживаешь ты один – That by this separation I may give That due to thee which thou deservest alone».

Сонет 39. Оригинальный текст

O how thy worth with manners may I sing,
When thou art all the better part of me?
What can mine own praise to mine own self bring?
And what is't but mine own when I praise thee?
Even for this, let us divided live,
And our dear love lose name of single one,
That by this separation I may give
That due to thee which thou deserv'st alone.
O absence, what a torment wouldst thou prove,
Were it not thy sour leisure gave sweet leave
To entertain the time with thoughts of love,
Which time and thoughts so sweetly doth deceive,
And that thou teachest how to make one twain,
By praising him here who doth hence remain.

Сонет 39 является ещё одним ключевым сонетом, наряду с сонетом 20, подтверждающим применение Шекспиром термина «любовь» также и к дружеским отношениям.

Сонет 40

Сонет даёт прямое указание на адресата – мужчину.

Ведь соблазнить женщину – «взял мою любовь – I cannot blame thee for my love thou usest»
мог бы только мужчина.

Сонет 40. Оригинальный текст

Take all my loves, my love, yea, take them all;
What hast thou then more than thou hadst before?
No love, my love, that thou mayst true love call;
All mine was thine before thou hadst this more.
Then if for my love thou my love receivest,
I cannot blame thee for my love thou usest;
But yet be blamed, if thou thyself deceivest
By wilful taste of what thyself refuseth.
I do forgive thy robb'ry, gentle thief,
Although thou steal thee all my poverty;
And yet love knows it is a greater grief
To bear love's wrong than hate's known injury.
Lascivious grace, in whom all ill well shows,
Kill me with spites, yet we must not be foes.

На то, что этот мужчина – не новый адресат, а всё тот же друг поэта, указывает упоминание здесь же предшествующих дружеских отношений с ним: «нет, верность и любовь мои твои и раньше, чем ты большим завладел – No love, my love, that thou mayst true love call All mine was thine before thou hadst this more», также названных поэтом «любовью».

Видно, что поэт обижен на друга – тот «похитил всё у бедняка – Although thou steal thee all my poverty».

Но как мы помним, поэт уже обижался на адресата сонета 34. Но подход, и выход из ситуации настолько разнятся по смыслу, что остаться последовательным для Шекспира возможно в единственном случае – если эти сонеты обращены к разным адресатам.

В сонете 34 поэт предлагает адресату поплакать и тем гарантирует прощение. В сонете 40 речи о слезах нет, а есть предложение адресату убить поэта, чтобы не стать врагом – Kill me with spites, yet we must not be foes.

Но забыть, что слёзы адресата «выкуп за грехи» (сонет 34), поэт не мог. И поведение Шекспира – логично, ведь в сонете 40 разговор идёт с женщиной.

А значит, на примере сонета 40, мы видим ещё одно подтверждение адресата сонета 34 – возлюбленной поэта.

Сонет 41

Присутствует прямое указание на мужчину, который «женской лаской околдован» и будет ею «побеждён» – *And when a woman woos, what woman's son Will sourly leave her till he have prevailed.*

Сонет также обращён к другу, так как упомянуты прежние дружеские отношения: «когда, порой, я не в твоём сердце – *When I am sometime absent from thy heart*». В развитии темы видна та же ситуация с соблазнением другом возлюбленной поэта, что и в сонете 40.

Сонет 41. Оригинальный текст

Those pretty wrongs that liberty commits,
When I am sometime absent from thy heart,
Thy beauty and thy years full well befits,
For still temptation follows where thou art.
Gentle thou art, and therefore to be won,
Beauteous thou art, therefore to be assailed;
And when a woman woos, what woman's son
Will sourly leave her till he have prevailed?
Ay me, but yet thou mightest my seat forbear,
And chide thy beauty and thy straying youth,
Who lead thee in their riot even there
Where thou art forced to break a twofold truth:
Hers, by thy beauty tempting her to thee,
Thine, by thy beauty being false to me.

Сонет 42

Тема измены друга и возлюбленной продолжается: «что взял её, не вся моя печаль, хоть, знай, я горячо её любил – That thou hast her, it is not all my grief, And yet it may be said I loved her dearly».

Сонет также обращён к другу.

В замке сонета снова видим переключку смыслов с сонетами 37 и 39: «суть одно мой друг и я – my friend and I are one», что подтверждает того же адресата.

Сонет 42. Оригинальный текст

That thou hast her, it is not all my grief,
And yet it may be said I loved her dearly;
That she hath thee, is of my wailing chief,
A loss in love that touches me more nearly.
Loving offenders, thus I will excuse ye:
Thou dost love her because thou know'st I love her,
And for my sake even so doth she abuse me,
Suffring my friend for my sake to approve her.
If I lose thee, my loss is my love's gain,
And losing her, my friend hath found that loss;
Both find each other, and I lose both twain,
And both for my sake lay on me this cross.
But here's the joy, my friend and I are one.
Sweet flattery! then she loves but me alone.

Поэт в сонете 42 проявляет понимание своего бессилия что-то изменить в ситуации. Он оправдывает и друга, и возлюбленную, одновременно, сожалея, что они оба потеряны для него: «нашли друг друга, я потерял обоих – Both find each other, and I lose both twain».

Ещё раз видим, что слёзы, как способ примирения и прощения из сонета 34, даже не упоминаются, что ещё раз подтверждает другого адресата в сонете 34. И здесь показательно заметить, каким образом Шекспир сравнивает любовь к женщине и мужскую дружбу.

Видно, что поэт в статусе душевных отношений ставит мужскую дружбу существенно выше любви к женщине.

И то и другое чувство поэт называет «любовью», и теперь уже рядом, в одном сонете, что снимает последние сомнения в двойном применении Шекспиром этого слова.

Но даже потеря «горячей любви» к женщине не идёт ни в какое сравнение с «уроном в любви» от потери мужской дружбы: «что ты захвачен ей, сильней мне жаль, урон в любви, отнявший больше сил – That she hath thee, is of my wailing chief, A loss in love that touches me more nearly».

Это, прямо выраженное Шекспиром, утверждение ещё раз объясняет, наряду с сонетами 20 и 39, многие неясные места и в предыдущих, и в последующих сонетах.

Ведь поэт здесь даёт исчерпывающее разъяснение применению слова «любовь» к отношениям с другом. И в других сонетах другу, где таких подробных разъяснений не будет, но слово «любовь» останется, это может означать только душевную близость – дружбу.

Такой ракурс непривычен для русской литературной традиции, но при переводе менять «любовь» на «дружбу» неоправданно. Я считаю, что важнее сохранить подход Шекспира и не вводить русского читателя в заблуждение. Удастся ли при этом избежать извращённой двусмысленности в переводе зависит только от переводчика.

Во всей череде сонетов 37—42 присутствуют указания не только на красоту адресата, но и на другие качества, которыми поэт готов восхищаться.

Таким образом, можно видеть преимущество признаков (последовательность поэта) в отношении друга от сонетов 18—20 к сонетам 37—42. При этом такое расширение хвалебного перечня не является запретным для сонетов другу, ведь только в сонетах к возлюбленной поэт скупится на сравнения и хвалу её внешности, о чём указал в сонете 21.

Однако, было бы ошибкой распространять отсутствие хвалы, как определяющий признак и на сонеты к другу, ведь об этом поэт нигде ничего не указывал.

Другими словами, если в сонете присутствует прямое указание на друга, то даже отсутствие хвалы ни о чём не говорит.

А вот если в череде сонетов другу, вдруг, появляется сонет без прямых опознавательных признаков, но с противоречием в отношении хвалы, т.е. изменённым отношением к адресату, то есть все основания рассмотреть этого адресата повнимательнее.

Этот случай будет рассмотрен в следующей главе при анализе на адресность череды сонетов 43—52.

Глава 6. Сонеты 43—52. Прекрасна, но не совершенна

Так выделена череда сонетов 43—52, как имеющая одного адресата – возлюбленную поэта. Определены: пол, плотский характер отношений, место и обстоятельства написания.

Между сонетами 43—52 отсутствуют противоречия, поэтому и можно распространить указания отдельных сонетов на всю эту череду.

Выделить же сонеты 43—52 в отдельную череду нас заставляет, принятая нами, логика анализа. По этой логике мы не можем распространить указания сонетов 37—42 и далее, на сонеты 43—52, так как, и в сонете 43, и далее в этой череде встречаем противоречия сонетам 37—42. А это значит, что в сонете 43 происходит смена адресата и вся череда сонетов 43—52 адресована другому человеку, не тому, кому были адресованы сонеты 37—42.

Сонет 43

В сравнении с сонетом 42 сменились и тема, и обстоятельства.

Теперь поэт находится в разлуке с адресатом: «днём глядит на пустоту – For all the day they view things unrespected», и «только сон даёт разглядеть – But when I sleep, in dreams they look on thee» адресата.

Но противоречия с сонетом 42 и в смене темы, и в смене обстоятельств нет, ведь всё это вполне могло бы происходить и с другом.

Однако, прямого указания на друга, или, хотя бы на пол адресата, в сонете 43 также нет. Остаётся проверить, не противоречив ли Шекспир к адресату в «деталях» и «утверждениях», которые являются составными частями обобщающего понятия из «свода неизменных правил».

И такое, противоречивое к другу, «утверждение» в сонете присутствует: «прекрасный образ, хоть несовершенный – thy fair imperfect shade». В этом утверждении нашло выражение сразу несколько указаний на возлюбленную.

Во-первых, поэт, будучи последовательным, не мог назвать «несовершенным» того, чьи достоинства в сонете 37 называл, «королевская черта», «великая слава», в сонете 38 называл «десятой Музой», а в сонете 39 – «во всём часть лучшая меня».

А ведь в этих сонетах, как мы помним, адресатом был друг поэта.

Во-вторых, разлука с другом совсем не вынуждала поэта создавать «несовершенный образ» в сонетах, а наоборот поэт утверждал, как видно из сонета 39, что только в разлуке сможет довести свои сонеты о друге до полного совершенства.

В-третьих, «несовершенство» возлюбленной уже было косвенно упомянуто в сонете 42, когда Шекспир ставил существенно ниже любовь к женщине, чем мужскую дружбу.

В-четвёртых, под «несовершенством» Шекспир мог подразумевать также нереальность образа, ведь поэт видит его во сне, что косвенно указывает на недовольство поэта такой ситуацией – разлукой с адресатом.

А это, в свою очередь, противоречиво мужскому сонету 39, где для поэта разлука с другом не является негативным обстоятельством, но согласуется с чередой женских сонетов 21—36, где поэт явно выражает недовольство разлукой и стремление быть вместе с возлюбленной.

В-пятых, «прекрасный, хоть несовершенный» вполне согласуется с подходом к хвале адресата из женского сонета 21 – «зачем хвалить», т.к. утверждение мало похоже на комплимент.

Сонет 43. Оригинальный текст

When most I wink, then do mine eyes best see,
For all the day they view things unrespected;
But when I sleep, in dreams they look on thee,
And darkly bright, are bright in dark directed.
Then thou, whose shadow shadows doth make bright,
How would thy shadow's form form happy show
To the clear day with thy much clearer light,
When to unseeing eyes thy shade shines so!
How would (I say) mine eyes be blessed made,
By looking on thee in the living day,
When in dead night thy fair imperfect shade
Through heavy sleep on sightless eyes doth stay!
All days are nights to see till I see thee,
And nights bright days when dreams do show thee me.

Кроме того, обстоятельства сонета 43 аналогичны сонетам 27 и 28 – ночные переживания в разлуке с адресатом, что является косвенным подтверждением одного адресата в этих сонетах. Поэт опять начал разговоры о себе и своих переживаниях, что мы уже видели в черед женских сонетов 21—36.

Поэтому, исходя из всего вышеизложенного, в сонете 43 по правилу 4 «свода неизменных правил» мы обязаны признать смену адресата и считать им теперь возлюбленную поэта.

Сонет 44

Теперь, в отличие от сонета 43, уже не косвенно, а явно выражено недовольство разлукой и стремление быть вместе с адресатом: «гнёт расстояний не прервал бы путь – Injurious distance should not stop my way», «место, что милей – As soon as think the place where he would be», «издалека к тебе – From limits far remote, where thou dost stay», «летать мне не дано – To leap large lengths of miles», «время попусту стенать – I must attend time's leisure with my moan», что указывает на того же адресата, вследствие отсутствия противоречия в теме.

Сонет 44. Оригинальный текст

If the dull substance of my flesh were thought,
Injurious distance should not stop my way,
For then despite of space I would be brought,
From limits far remote, where thou dost stay.
No matter then although my foot did stand
Upon the farthest earth removed from thee,
For nimble thought can jump both sea and land
As soon as think the place where he would be.
But ah, thought kills me that I am not thought,
To leap large lengths of miles when thou art gone,
But that, so much of earth and water wrought,
I must attend time's leisure with my moan,
Receiving nought by elements so slow
But heavy tears, badges of either's woe.

Подтверждает разлуку с адресатом, т.к. видна преимущество обстоятельств от предыдущего сонета 43.

Противоречий в деталях и утверждениях также нет.

Дополнительно присутствует упоминание «слёз», «стенаний», как переключки с женским сонетом 34, указывающая на того же адресата.

Также отсутствует прямая хвала адресату – поэт занят только своими чувствами, что согласуется с женским сонетом 21.

Сонет 45

Недовольство разлукой и желание быть вместе с адресатом выражены явно. Преемственность темы и обстоятельств от сонета 44 подтверждает того же адресата: «оба с тобой, где бы я ни пребывал – Are both with thee, wherever I abide».

Сонет 45. Оригинальный текст

The other two, slight air and purging fire,
Are both with thee, wherever I abide;
The first my thought, the other my desire,
These present-absent with swift motion slide;
For when these quicker elements are gone
In tender embassy of love to thee,
My life, being made of four, with two alone
Sinks down to death, oppressed with melancholy,
Until life's composition be recured
By those swift messengers returned from thee, —
Who even but now come back again assured
Of thy fair health, recounting it to me.
This told, I joy, but then no longer glad,
I send them back again and straight grow sad.

Продолжается описание чувств поэта, также, как и отсутствие прямой хвалы адресату.

Кроме того, подтверждается плотский характер отношений с адресатом – намёк на «желание – the other my desire» в комплекте с указанием на «нежное послание любви – In tender embassy of love to thee», что для Шекспира невозможно ни намекать, ни тем более, прямо говорить мужчине (см. комментарий к сонету 20 другу).

Да и само поведение в разлуке противоречит сонету 39 другу, где поэт чувствовал себя прекрасно, а не то, что думал о смерти: «моя жизнь, состоящая из четырёх, только с двумя погружается в смерть, угнетённая меланхолией – My life, being made of four, with two alone Sinks down to death, oppressed with melancholy».

Сонет 46

Продолжает тему переживаний в разлуке, теперь войной глаз и сердца: «мои глаза и сердце в безжалостной войне, как разделить твой захваченный образ – Mine eye and heart are at a mortal war, How to divide the conquest of thy sight».

Но, казалось бы, ничего в сонете не говорит о разлуке с адресатом. Но возникает вопрос, а зачем тогда воевать глазам и сердцу? Ведь, если поэт и адресат – вместе, то и глаза, и сердце всегда получают достаточно новых впечатлений для того, чтобы не воевать. Но в сонете речь идёт о пользовании «захваченным» ранее.

Сонет 46. Оригинальный текст

Mine eye and heart are at a mortal war,
How to divide the conquest of thy sight:
Mine eye my heart thy picture's sight would bar,
My heart mine eye the freedom of that right.
My heart doth plead that thou in him dost lie
(A closet never pierced with crystal eyes),
But the defendant doth that plea deny,
And says in him thy fair appearance lies.
To 'tide this title is impanneled
A quest of thoughts, all tenants to the heart,
And by their verdict is determined
The clear eye's moiety and the dear heart's part:
As thus: mine eye's due is thy outward part,
And my heart's right thy inward love of heart.

В следующем сонете 47 будет прямо сказано, что для глаз – речь о портрете.

Значит, новых впечатлений нет, что и указывает на разлуку и преемственность темы и обстоятельств от сонета 45.

Также, заметим, поэт сосредоточен на своих переживаниях, а хвалы адресату нет. Сомнительно, в этом смысле, выражение: «твой лик – отрада для глаз – mine eye's due is thy outward part», что является, скорее, констатацией чувства, а не комплиментом внешности.

Но чувства глаз представлены отстранённо от самого поэта, ведь он собирает «суд мыслей», чтобы решить «кого слова верны» – A quest of thoughts, all tenants to the heart, т.е. сам он в эти слова, до «суда», не верит, а после «суда» – не принимает ничью сторону, просто разделяя враждующих.

Но даже, если признать, что намёк на внешность нельзя исключать, то он единственный в сонете 46. А, как мы помним, в сонете 21 также было единственное утверждение, что «любимой нет светлей», но потом – «но не ярче» и «зачем хвалить».

Другими словами, скудная похвала, всё-таки, не исключается вовсе, но и не отменяет общего подхода.

Сонет 47

Продолжает под-тему переживаний «сердца и глаз».

И здесь уже прямо сказано, что речь идёт именно о портрете адресата: «с портретом моей любимой – *With my love's picture*». То, о чём можно с большой долей вероятности догадываться в сонете 46, здесь, в сонете 47, подтверждается. Также видим, что сонет 47 перекликается с сонетами 44 и 45 в значении мысли поэта для общения с адресатом: «ты не можешь быть дальше моих мыслей – *For thou not farther than my thoughts canst move*».

Также, сказано прямо, что всё – и глаза, и сердце, и мысли – будет жить «хоть вдалеке» от адресата, но в мире и любви.

А значит, разлука пока продолжается, но «мысли с тобою», т.е. стремление быть вместе не иссякло.

Сонет 47. Оригинальный текст

Between mine eye and heart a league is took,
And each doth good turns now unto the other:
When that mine eye is famished for a look,
Or heart in love with sighs himself doth smother,
With my love's picture then my eye doth feast,
And to the painted banquet bids my heart;
Another time mine eye is my heart's guest,
And in his thoughts of love doth share a part.
So either by thy picture or my love,
Thyself, away, art present still with me,
For thou not farther than my thoughts canst move,
And I am still with them, and they with thee;
Or if they sleep, thy picture in my sight
Awakes my heart to heart's and eye's delight.

Желание глаз «праздновать» с портретом адресата – *then my eye doth feast*, никак в сонете не реализовано, т.е. никакой реальной хвалы нет, а представлено как одно из чувств, испытываемых глазами.

Но мог ли поэт, будучи последовательным в отношении этого адресата, желать того, чего ни в этом сонете, ни в последующих делать не собирался, т.е. хотел хвалить, но не хвалил? Ответ очевиден – в рамках принятой нами логики поэт так поступать не мог.

Перед нами одно из мнимых противоречий, когда упущено из вида, что речь в сонете идёт не о самом поэте, а о его глазах. Поэт уже говорил так отстранённо о своём «взгляде – художнике» в сонете 24 – «но красит хитрый взгляд своё искусство», и в сонете 46 – о своём «суде мыслей» над глазами и сердцем, и в сонете 35 – «но разум дан для чувств моих один».

Этот ракурс отстранения себя от своего взгляда, разделения Видимости и Реальности, когда Видимость «желает» выдать себя за Реальность, а поэт этому не поддаётся, мы ещё не раз встретим в последующих сонетах, не только к возлюбленной, но и к другу.

И конечно же, этот ракурс не противоречит сонету 21, где поэт поставил себя, как единственного носителя истины о Любви, выше даже своей Музы.

Значит, желания глаз и сердца не являются окончательным вердиктом, по которому было бы справедливо судить о последовательности поэта, сравнивая разные сонеты, а становятся таковыми только по желанию самого поэта.

Поэтому сам поэт или не поступал, как желали его глаза, или говорил, что сделал не по своей воле.

Сонет 48

Подтверждает разлуку с адресатом, т.е. преемственность обстоятельств от предыдущих сонетов этой череды.

Поэт прямо говорит о ситуации, когда он сам ушёл: «вышел в дорогу – How careful was I, when I took my way», и оставил адресата: «я тебя не запер – Thee have I not locked up in any chest».

Но что за «бриллиант, каких не много», что за «бесценный клад» и он же – «тревога», которые поэт сначала оставил, а потом «сохранил» в своей душе?

Сонет 48. Оригинальный текст

How careful was I, when I took my way,
Each trifle under truest bars to thrust,
That to my use it might un-used stay
From hands of falsehood, in sure wards of trust!
But thou, to whom my jewels trifles are,
Most worthy comfort, now my greatest grief,
Thou best of dearest, and mine only care,
Art left the prey of every vulgar thief.
Thee have I not locked up in any chest,
Save where thou art not, though I feel thou art,
Within the gentle closure of my breast,
From whence at pleasure thou mayst come and part;
And even thence thou wilt be stol'n, I fear,
For truth proves thievish for a prize so dear.

Казалось бы, прямо назван адресат, как получатель этих определений.

Но одновременно очевидно, что «хранить» адресата в «узилище души – Within the gentle closure of my breast» – это метафора о воспоминаниях об адресате, т.е. так поэт образно называет свои мысли о нём. К тому же только воспоминания «могут быть или не быть» в душе по желанию, как сказано в сонете. И только в том смысле этот «бесценный клад» может быть «украден» из души поэта, т.е. перестать быть чем-то «бесценным» для него, если «вор достанет» душу поэта, причинит воспоминаниям непоправимый вред, например, завладеет адресатом в реальности, пока поэт находится в отъезде.

Таким образом, мы видим в сонете не хвалу адресату, а переживания поэта по поводу сохранения своего хорошего (бесценного) отношения к адресату.

Сонет 49

Разлука плохо влияет на настроение поэта, теперь он начал разговоры о том, что адресат когда-нибудь бросит поэта: «когда тебе мой нрав досадным станет – When I shall see thee frown on my defects».

Сонет 49. Оригинальный текст

Against that time (if ever that time come)
When I shall see thee frown on my defects,
When as thy love hath cast his utmost sum,
Called to that audit by advised respects;
Against that time when thou shalt strangely pass,
And scarcely greet me with that sun, thine eye,
When love, converted from the thing it was
Shall reasons find of settled gravity:
Against that time do I insconce me here
Within the knowledge of mine own desert,
And this my hand against myself uprear,
To guard the lawful reasons on thy part.
To leave poor me thou hast the strength of laws,
Since why to love I can allege no cause.

Такое развитие настроения поэта не противоречит общей теме переживаний в разлуке. Противоречивых утверждений также нет, поэтому адресат в сонете прежний – возлюбленная поэта.

Дополнительно видим, что хвала адресату также отсутствует.

Сонет 50

Вновь, как и в сонете 30, видим упоминание об адресате «friend»: «мили измеряются дальностью от друга (подруги) – Thus far the miles are measured from thy friend».

Но как уже было сказано в комментариях к сонету 30 это слово, по правилам английского языка, может означать не только «друг», но и «подруга». Но там, строго говоря, нет доказательств, а есть, всего лишь, несколько убедительных указаний на такую возможность.

Здесь же, в сонете 50, как ни покажется странным, нет даже указаний на возможность такой интерпретации, хотя, строго говоря, это её не отменяет.

Но тогда чем же так важен сонет 50 в интерпретации слова «friend»?

Для ответа надо знать, что в следующем сонете 51 будет упомянут тот же, что и в сонете 50, нет, не друг, а конь Шекспира.

Указание на того же коня сомнений не вызывает, его можно считать фактом.

Также в сонете 51 есть указание на участие этого коня в двух путешествиях: в отъезде от адресата и возвращении поэта к адресату. Поведение этого коня в отъезде поэта указано в сонете 51 («коль от тебя везти он не спешил») точно таким, какое изображено в сонете 50 («вяло бредёт – Plods dully»).

Но, значит, адресат сонетов 50 и 51 один и тот же человек. Можно ли считать адресатом друга поэта, ведь, казалось бы, в сонете 50 сказано об этом?

Ведь, если это принять, то получается, что в сонете 50 произошла смена адресата. Но как тогда совместить этого адресата с преимуществом темы и обстоятельств и отсутствием противоречия в сонете 50 с предыдущими сонетами этой череды?

Именно это место в сонетах является одним из самых трудных в определении адресата. Остановка в анализе у вышеизложенных аргументов, ведёт в итоге к потере стройности смены адресатов и отсутствию возможности построить хронологию сонетов, ведь принятие смены адресата в сонете 50 обрушивает всё здание предыдущего анализа всех сонетов.

Ведь тогда не будет объяснения ключевым фактам биографии друга поэта, как будет отдельно показано в последующих главах, при анализе сонетов на соответствие с фактами биографий.

Сонет 50. Оригинальный текст

How heavy do I journey on the way,
When what I seek (my weary travel's end)
Doth teach that ease and that repose to say,
«Thus far the miles are measured from thy friend.»
The beast that bears me, tired with my woe,
Plods dully on, to bear that weight in me,
As if by some instinct the wretch did know
His rider loved not speed, being made from thee:
The bloody spur cannot provoke him on
That sometimes anger thrusts into his hide,
Which heavily he answers with a groan
More sharp to me than spurring to his side;
For that same groan doth put this in my mind:
My grief lies onward and my joy behind.

Но мы обязаны оставаться в рамках изначально принятой логики и при отсутствии противоречий считать адресатом сонетов 50 и 51 возлюбленную поэта. Но в данном случае нет необ-

ходимости сомневаться в интерпретации слова «friend» как «подруга», исходя только из нарушения логики, и думать, что это стало подгонкой под желаемый результат.

Дополнительным подтверждающим основанием для определения адресата в сонетах 50 и 51 является более глубокий анализ сонета 51. Там Шекспир употребил такой оборот речи, который отнести к адресату – мужчине никак невозможно. После чего никаких сомнений в адресатах и этого и всех предыдущих «женских» сонетов быть не может.

Сонет 51

Даёт ключ ко всей второй череде «женских» сонетов, не оставляя сомнений в адресате.

То, что все известные мне переводы проигнорировали этот ключ, остаётся для меня загадкой. Правда, в некоторых переводах присутствует обращение к адресату – женщине, но без ключа это выглядит надуманным.

Возможно, зная версию Мэлоуна об адресате первых 126 сонетов, как исключительно о мужчине, переводчики никак не могли сопоставить этот ключ с этой версией и просто его выбрасывали из перевода.

И не смогли бы при всём желании, так как этот ключ опровергает версию Мэлоуна. Речь о строках 10—11 «Therefore desire (of perfect'st love being made) shall neigh (no dull flesh) in his fiery race» – «поэтому желание прекрасной любви со ржанием (не вялая плоть) мчалось _бы меня_ * в огненной гонке». * _бы меня_ – добавлено из предыдущего текста сонета для связности предложения.

Намёк достаточно откровенен. Подобная откровенность уже встречалась в сонете 3, и там все переводчики посчитали своим «долгом» обыграть образ.

Но здесь понять, чья же плоть твердеет, «не вялая» в желании любви, все решительно «отказались». Но для меня ответ очевиден. А вспомнив сонет 20, где поэт говорит о возможности плотской любви только с женщиной, становится очевидным и адресат сонета 51.

Для меня бесспорно, что это женщина. Обратиться с подобными намёками к мужчине невозможно для Шекспира.

Сонет 51. Оригинальный текст

Thus can my love excuse the slow offence
Of my dull bearer, when from thee I speed:
From where thou art, why should I haste me thence?
Till I return, of posting is no need.
O what excuse will my poor beast then find,
When swift extremity can seem but slow?
Then should I spur though mounted on the wind,
In winged speed no motion shall I know:
Then can no horse with my desire keep pace;
Therefore desire (of perfect'st love being made)
Shall neigh (no dull flesh) in his fiery race,
But love, for love, thus shall excuse my jade:
Since from thee going he went wilful slow,
Towards thee I'll ran and give him leave to go.

Вероятно, возвращение сопровождалось хорошими ожиданиями и это будет видно в сонете 52. Чувства поэта к своей возлюбленной не стали меньше даже в разлуке – отсюда такое нетерпение.

В этом проявляется признак адресата, который был указан в комментариях ко многим «женским» сонетам: стремление к встрече, желание быть вместе. Накал этого желания в сонете 51 сомнений в его направленности не вызывает.

Связь с сонетом 50 видна из замка сонета 51, где упоминается тот же конь, что увозил поэта от того же адресата, т.е. от возлюбленной поэта – Since from thee going he went wilful slow.

Это снимает последние сомнения относительно употребления слова «friend» в значении «подруга» и в сонете 50, и в сонете 30. Ясно показано, что этим приёмом в «женских» сонетах Шекспир пользуется постоянно.

Также дополнительно, наряду с отсутствием знаков смены адресата, подтверждается адресат всей череды сонетов 43—52 – возлюбленная поэта.

Сонет 52

Строго понять, что адресат – возлюбленная поэта, только из текста сонета затруднительно. Как, впрочем, и то, что речь в сонете идёт о друге.

Но если придерживаться принципа отсутствия знаков смены адресата, то просто рано говорить о другом адресате.

Сомнения возникают в замке сонета, где речь идёт о достоинстве: «благословенны Вы, чьё достоинство даёт возможность – Blessed are you whose worthiness gives scope». Но внимательное прочтение снимает все сомнения.

Раньше Шекспир вёл подобные речи в отношении адресата – мужчины в начале реальной хвалы, а не в конце сонета. Смущает воздействие этих достоинств на поэта – быть в надежде в их отсутствие. А мы помним, что никакая разлука не мешала (сонет 39) поэту восторгаться достоинствами друга.

Сонет 52. Оригинальный текст

So am I as the rich whose blessed key
Can bring him to his sweet up-locked treasure,
The which he will not ev'ry hour survey,
For blunting the fine point of seldom pleasure.
Therefore are feasts so solemn and so rare,
Since, seldom coming, in the long year set,
Like stones of worth they thinly placed are,
Or captain jewels in the carcanet.
So is the time that keeps you as my chest,
Or as the wardrobe which the robe doth hide,
To make some special instant special blest,
By new unfolding his imprisoned pride.
Blessed are you whose worthiness gives scope,
Being had, to triumph, being lacked, to hope.

Дополнительным указанием является отсутствие оснований развития реальной хвалы адресату: хотя в конце Шекспир и упомянул некие абстрактные «достоинства», но до этого хвалил только себя. Поэт сосредоточен только на своих переживаниях, как и во всей череде сонетов 43—52.

В череде сонетов 43—52 Шекспир применяет слово «любовь» и к отношениям с женщиной (сонеты 46, 47), как он делал ранее в череде сонетов 21—36.

И переживания в разлуке с возлюбленной в сонетах 43—52 существенно выше по накалу страсти, чем, когда он говорил об отношениях с другом. Создаётся впечатление, что пресловутое душевное «превосходство» мужской дружбы над любовью к женщине – лишь удобная позиция поэта для удержания друга, выраженная в холодной констатации, но не в реальном накале чувств.

Впрочем, это только подтверждает душевный характер отношений, когда поэт говорит о «любви» в сонетах другу.

Ведь кроме литературной (см. комментарий к сонету 42) существует ещё и церковная традиция, совпадающая и в Англии, и в России, называть «грехом» любые плотские желания и отношения с женщиной вне брака.

А плотские желания и отношения с законной супругой считается «греховным» выставлять на всеобщее обозрение, предавать огласке, даже в стихах.

А значит, мужская дружба, свободная от таких «грехов», просто не может не быть «душевно выше» любви к женщине и поэтому в большей степени заслуживает чести называться Любовью.

В этом выражена связь с традицией литературной, но уже отличающейся от русской. Это поэт и пытается «холодно» выразить в сонетах к другу, но «горячие» сонеты к возлюбленной его выдают.

Но я не сомневаюсь, что поэт искренен с обоими адресатами. Просто, сонеты получаются такими помимо его воли.

Аргумент о том, что Шекспир был ярким христианином и не мог грешить созданием «греховных» сонетов женщине, не выдерживает критики, если учесть, что бесспорные сонеты возлюбленной (127—154) всё-таки были им созданы.

Поэтому после анализа первых 52-х сонетов становится уже многократно подтверждённым, что нельзя считать применение Шекспиром слова «любовь» в сонетах неким признаком, указывающим на адресата – мужчину, как могло показаться сразу после сонета 20.

Тем более, что такое ограничение на адресность слова «любовь» никак не объясняет противоречий в сонетах.

Например, в сонете 53 слова «любовь» не будет, но будет противоречие по, уже знакомому ранее, признаку хвалы адресата.

Глава 7. Сонеты 53—55. Верный сердцем

Так выделена череда сонетов 53—55, как имеющая одного адресата – друга поэта. Определён душевный характер отношений. Между сонетами 53—55 отсутствуют противоречия, поэтому и можно распространить указания отдельных сонетов на всю эту череду.

Выделить же сонеты 53—55 в отдельную череду нас заставляет, принятая нами, логика анализа. По этой логике мы не можем распространить указания сонетов 43—52 и далее, на сонеты 53—55, так как, и в сонете 53, и далее в этой череде встречаем противоречия сонетам 43—52.

А это значит, что в сонете 53 происходит смена адресата и вся череда сонетов 53—55 адресована другому человеку, не тому, кому были адресованы сонеты 43—52.

Сонет 53

Вновь, после перерыва в десять сонетов, видим хвалу адресату. Немалая часть этой хвалы (два катрена) посвящены внешности.

Сонет 53. Оригинальный текст

What is your substance, whereof are you made,
That millions of strange shadows on you tend,
Since every one hath, every one, one shade,
And you, but one, can every shadow lend?
Describe Adonis, and the counterfeit
Is poorly imitated after you;
On Helen's cheek all art of beauty set,
And you in Grecian tires are painted new;
Speak of the spring and foison of the year
The one doth shadow of your beauty show,
The other as your bounty doth appear,
And you in every blessed shape we know.
In all external grace you have some part,
But you like none, none you, for constant heart.

В данном случае мы видим, что необходимо применить правило 4 «свода неизменных правил», так как и появление, и содержание признака подобия образа, т.е. темы – «внешность», противоречиво признаку возлюбленной.

Однако, остаётся сомнение в применимости этого правила здесь, ведь как мы помним из сонетов 21 и 24, Шекспир позволяет себе скупую хвалу и внешность возлюбленной, при этом утверждая ненужность такой хвалы.

Но так как мы окончательный вывод сделаем по совокупности информации всей череды сонетов, то эти сомнения будут сняты уже в сонете 54.

Но почему нельзя посчитать, что нет никакого противоречия, так как поэт не последователен не в ракурсе темы, а просто решил добавить (раньше не успел) что-то и о внешности для того же адресата?

Эта логика вполне возможна, но её применение здесь является типичным примером внешне незаметной и часто произвольной ошибки – перескакивание с одной возможной логики на другую, в данном случае – на допущение вариативных мотивов Шекспира в неоднозначных ситуациях. Эту ошибку часто можно наблюдать в спорах, когда оппонент вместо того, чтобы привести аргументы в рамках принятой в версии логики, начинает отрицать возможность самой этой логики, так как совершенно определённо видит и другую логику тоже, радуясь на самого себя, как он лихо опроверг всю версию, не разбираясь в деталях. При этом он забывает, что действительная возможность другой логики не является признаком её единственности. Поэтому наше построение только тогда будет логичным, если будет создано в рамках, пусть не единственной, но единой логики – все выводы будут объяснимы только этой и никакой другой логикой. Ведь сейчас речь не идёт о верности или неверности разных возможных логик, в том числе, и о верности нашей логики. Мы просто строим здание адресности сонетов, ещё не зная (хотя я это уже знаю), как это строение будет выглядеть и подойдут ли параметры этого жилища для жильцов – фактов биографий. Но именно этим

объясняется то, что я решил разделить анализ сонетов на две части: анализ на адресность и анализ на соответствие с фактами биографий.

В этом случае читатель имеет возможность убедиться в независимости анализа на адресность от привязки к фактам биографий, так как адресность сонетов выведена исключительно из указаний Шекспира в трактовках единой формальной логики, подробно объяснённой в главе «Свод неизменных правил». И только анализ сонетов на сопоставление с фактами биографий своим результатом – нахождением датировки сонетов, укажет на верность принятой формальной логики построения адресности сонетов.

Если бы движение к результату происходило в другой последовательности, например, если бы мы пропустили анализ на адресность и сразу начали сопоставлять тексты сонетов с фактами биографий, то сразу же столкнулись бы с тем, что у нас нет никаких оснований считать адресата сонетов кем-то другим, кроме того, кто прямо назван.

А назван в нескольких из первых 126-ти сонетов только друг и в последних 28-ми сонетах – возлюбленная. В этом тоже заключена своя логика адресности сонетов, но датировки сонетов при сопоставлении такой адресности с фактами биографий не получается.

Примеров таких попыток не мало, но они не идут далее указания на примерные года написания всех сонетов.

Практика этих попыток показывает, что адресность сонетов не удаётся «подогнать» под факты произвольным образом, ведь либо не находится оснований в текстах сонетов для такой «подгонки», либо «подогнанные» таким способом, сонеты – единичны и не связаны никакой единой логикой. Поэтому и необходимо найти единую логику адресности, и создать адресность сонетов, как самостоятельное и независимое построение.

На этом этапе, как было сказано выше, существует не одна возможная логика, т.е. можно построить, теоретически неограниченное, количество разных структур адресности сонетов. Но только одна из этих возможных структур будет соответствовать фактам биографий при сопоставлении. Другими словами, сама по себе возможность некой логики построения адресности сонетов не является признаком её верности.

Об этом забывают авторы различных гипотез об адресатах сонетов, когда, найдя возможность своей логики адресности, радостно сообщают о ней миру, видимо, надеясь, что сопоставление с фактами выполнит кто-то другой, а их работа закончена. Поэтому ни в одной из таких гипотез также не было представлено ни одной датировки сонетов.

Но, почему верный вариант адресности сонетов является единственным? Неужели, теоретически, не могут существовать, хотя бы, два варианта адресности, которым будет соответствовать либо один и тот же набор фактов в одном периоде, либо разные наборы фактов в разных периодах? Здесь всё зависит от количества соответствий. Пока количество соответствий фактам не слишком велико, то они могут находиться одновременно в совершенно разных структурах адресности.

Это мы наблюдаем на примере структуры адресности Мелонуна (сонеты 1—126 адресованы другу, 127—154 – возлюбленной) и всех структур адресности других версий. Там совпадает адресность тех нескольких сонетов другу, где адресат назван прямо, и почти всех последних сонетов возлюбленной, где также адресат назван прямо. Поэтому, если взять те сонеты из разных версий, где адресность совпадает, то мы, казалось бы, должны получить соответствие в этих точках одним и тем же фактам биографий?

Но это не так, ведь в той версии, где нет оснований считать некий сонет, пусть даже совпадающий по адресности, расположенным во времени в месте сравнения, нет и оснований говорить о соответствии.

Поэтому в таких разных структурах адресности соответствиями являются не совпадения адресности, а свои, совпадающие или разные, основания расположить один и тот же сонет в одном и том же месте на шкале времени. Несколько соответствий ещё можно

представить, что они могут уложиться в альтернативную структуру адресности. Но как только в одной из версий начинается расширение количества соответствий с фактами биографий, то начинает работать теория вероятностей.

Когда же количество соответствий становится равным тем 60-ти, которые мы увидим в последующем анализе на соответствие фактам биографий, то вероятность её соответствия другой структуре адресности настолько ничтожна, что её можно сравнить с вероятностью найти у одного человека 60 точных совпадений с биографией другого человека, на близких отрезках времени, в одних и тех же местах, при одних и тех же обстоятельствах.

Вероятность того, что следствие, разыскивая человека по 60-ти признакам, и найдя кого-то, кто им соответствует, поверит хоть одному его слову об ошибке, нулевая.

Из всего вышеизложенного следует, что считаться верной может та структура адресности сонетов, которая имеет наибольшее число соответствий с фактами биографий. Но считаться верной и быть верной – не одно и то же, ведь, хоть и ничтожная, но неопределённость имеет место.

Итак, мы считаем, что в сонете 53 снова адресат – мужчина. Но кто он? Тот же друг или новый знакомый? В замке сонета Шекспир даёт намёк, который вряд ли мог относиться к новому знакомому. Речь о «верности сердца – *But you like none, none you, for constant heart*». Объяснение намёка легко находится в анализе предыдущих сонетов другу. Ведь это первый сонет после некоторого перерыва, а расстались друзья на фоне измены друга с возлюбленной поэта (сонет 42). Видимо, теперь, при встрече, друг заверил поэта, что тот может быть спокоен – никаких измен больше не будет. Отсюда – и хвала, и благодарность другу за его верность дружбе.

В следующем сонете 54 мы увидим ещё одно подтверждение, что перед нами – адресат сонета 18 – друг поэта.

Сонет 54

В сонете прямо назван адресат «lovely youth» – милый юноша.

Сонет 54. Оригинальный текст

O how much more doth beauty beauteous seem
By that sweet ornament which truth doth give!
The rose looks fair, but fairer we it deem
For that sweet odour which doth in it live.
The canker blooms have full as deep a dye
As the perfumed tincture of the roses,
Hang on such thorns, and play as wantonly,
When summer's breath their masked buds discloses;
But, for their virtue only is their show,
They live unwooed, and unrespected fade,
Die to themselves. Sweet roses do not so,
Of their sweet deaths are sweetest odours made:
And so of you, beauteous and lovely youth,
When that shall vade, by verse distils your truth.

А так как противоречия с сонетом 53 нет, то все сомнения по поводу адресата сонета 53 также отпадают. Продолжает тему красоты и её вечной жизни в стихах. Такой ракурс мы уже встречали в сонете 18, что косвенно указывает на того же адресата, ведь здесь мы видим развитие темы, а не её повторение.

В сонете мы видим намёк на то, что друг думает не только о себе – он не «шиповник», а «роза». И в свою очередь поэт тоже думает о друге и прославит его в стихах.

Сонет 55

Продолжает тему вечной жизни красоты адресата в стихах поэта: «но ярче Вам сиять их содержанием – But you shall shine more bright in these contents». Восторженный тон сонета 55 находится в русле такого же тона всей череды сонетов 53—55. Противоречий нет. Адресат тот же.

Сонет 55. Оригинальный текст

Not marble nor the gilded monuments
Of princes shall outlive this pow'rful rhyme,
But you shall shine more bright in these contents
Than unswept stone, besmeared with sluttish time.
When wasteful war shall statues overturn,
And broils root out the work of masonry,
Nor Mars his sword nor war's quick fire shall burn
The living record of your memory.
«Gainst death and all oblivious enmity
Shall you pace forth; your praise shall still find room
Even in the eyes of all posterity
That wear this world out to the ending doom.
So, till the Judgement that yourself arise,
You live in this, and dwell in lovers' eyes.

Мы исследуем текст, но не делаем здесь никаких выводов о культурном аспекте его содержания. Правда, периодически мы используем данные о культуре, обычаях, нравах 16-го века, наряду с историческими и биографическими данными, но, опять же оставляем за кадром вопрос о расширении понимания культурного наследия Шекспира. Такое сужение поля мы используем для того, чтобы не отвлекаться от обоснования мотивов, т.е. того, что привело к созданию именно такого, а не иного текста.

Такой ракурс изучения текстов не является предметом филологии. Текст в таком ракурсе выступает как основание для выводов об адресате и событиях с учётом предполагаемых мотивов автора текста отразить адресатов и события в тексте именно так, а не иначе.

Далее, полученных таким образом, адресатов и события мы сравниваем с фактами биографий предполагаемых адресатов.

Конечно же в результате такого двухступенчатого анализа текста мы получим не только выводы о верности адресата и о времени и месте написания текста, но и расширение культурного аспекта, что интересно с точки зрения понимания ещё одной грани таланта великого Барда. Однако, оставляем эти лавры будущим исследователям, ввиду и без того громадного размера анализа.

Казалось бы, вышеприведённый ракурс анализа текста является предметом криминалистики. Однако, это верно только отчасти.

Эта наука даёт возможность судить о мотивах преступника и доказательствах преступления. В данном случае никакого преступления нет, но возможно распространить подход, принятый в криминалистике не только на преступления, но и на любое деяние человека, которое требует раскрытия и доказательства.

Текст выступал бы, в таком случае, как «улика», оставленная на месте «преступления». А весь анализ являлся бы расследованием этого «преступления». Однако, в нашем анализе, не меняя, заметьте, ракурса исследования текста, принятого в криминалистике, необходимо решить не прямую, а обратную задачу.

Ведь обычно время и место преступления, и жертва уже известны следствию и по уликам необходимо найти преступника.

В нашем случае – всё наоборот: известно, кто – «преступник» (автор текста), известно, где он находился (факты биографии), известно, что «жертвы» (адресаты) получили очередной текст от «преступника» тогда, когда это позволяли обстоятельства (факты биографий возможных «жертв»), и поэтому найти, используя «улику» – текст, надо не «преступника», а «жертвы», а также место и время «преступления».

Под «преступлением» (оно же – деяние), в случае нашей обратной задачи, подразумевается то же самое, что и в случае прямой задачи – создание текста «преступником» и передача этого текста «жертве». Но такая обратная задача в криминалистике не имеет практического смысла, и поэтому в этой науке нет отдельного разбора того, как она решается.

Но зато есть вполне определённые указания на то, как решается прямая задача. Применительно к нашему случаю, прямая задача выглядела бы так: Известен текст, известно, где, когда и кому написан текст, известно несколько возможных его авторов, необходимо найти того, кто написал этот текст. Рекомендации криминалистики для решения прямой задачи заключаются в следующем: необходимо установить соответствие между временем и местом преступления, т.е. фактом нахождения жертвы там же и в то же время, и фактом нахождения там же и в то же время только преступника. Для того, чтобы установить такое соответствие в нашем распоряжении есть «улика» – текст о событиях и об отношениях «преступника» и «жертвы», и «показания свидетелей» – факты биографии о том, где находились «подозреваемые» в другое время – между «преступлениями».

Однако, из нескольких подозреваемых необходимо выбрать одного, наиболее соответствующего и тексту, и показаниям свидетелей.

Ключевой рекомендацией криминалистики в нахождении соответствия между текстом и его автором является составление психологического портрета преступника, т.е. привлечение методов психологии.

И только эта рекомендация является практически ценным указанием, так как не меняет своей ценности при переходе от прямой к обратной задаче, т. е. верно и прямое, и обратное соответствие – и «какой текст, такой и автор», и «какой автор, такой и текст»

Остальные рекомендации для прямой задачи не просто меняют, а теряют свою ценность в обратной задаче, ведь прямое и верное соответствие – «он – преступник (сделавший), если только он был на месте преступления (деяния) в известное время» становится неверным в обратной задаче – «место и время преступления (деяния) известны, если только преступник (сделавший) там был в какое-то время».

Также верное прямое утверждение – «если известно, что текст адресован ему, то он – адресат» при его обратном представлении – «если неизвестно ему ли адресован текст, то он – не адресат» становится неверным.

В череде сонетов 53—55 прослеживается не только, сама по себе, хвала адресату, но и единый душевный характер отношений.

Никаких намёков на плотскую любовь в этих сонетах нет.

Но уже в следующем сонете 56 мы встретим такой намёк.

Глава 8. Сонеты 56—61. Восторги рабства

Так выделена череда сонетов 56—61, как имеющая одного адресата – возлюбленную поэта. Между сонетами 56—61 отсутствуют противоречия, поэтому и можно распространить указания отдельных сонетов на всю эту череду.

Выделить же сонеты 56—61 в отдельную череду нас заставляет, принятая нами, логика анализа. По этой логике мы не можем распространить указания сонетов 53—55 и далее, на сонеты 56—61, так как в сонете 56, и далее в этой череде встречаем противоречия сонетам 53—55 – определённо виден плотский характер отношений. А это значит, что в сонете 56 происходит смена адресата и вся череда сонетов 56—61 адресована другому человеку, не тому, кому были адресованы сонеты 53—55.

Сонет 56

Смена адресата в сонете 56 очевидна, если не забывать сонет 20. Разговоры о «сладкой любви – Sweet love» вкупе с намёками на неутолённое желание: «завтра заточенное с прежней силой – Tomorrow sharp'ned in his former might», «не убивай дух любви вечной вялостью – and do not kill The spirit of love with a perpetual dullness» в отношении мужчины неприемлемы для Шекспира.

Сонет 56. Оригинальный текст

Sweet love, renew thy force, be it not said
Thy edge should blunter be than appetite,
Which but today by feeding is allayed,
Tomorrow sharp'ned in his former might.
So, love, be thou: although today thou fill
Thy hungry eyes even till they wink with fullness,
Tomorrow see again, and do not kill
The spirit of love with a perpetual dullness:
Let this sad int'rim like the ocean be
Which parts the shore, where two contracted new
Come daily to the banks, that when they see
Return of love, more blest may be the view;
As call it winter, which being full of care,
Makes summers welcome, thrice more wished, more rare.

Кроме того, одновременно с этим резко прекратилась и хвала внешности. Значит, по правилу 4 «свода неизменных правил», адресат здесь – женщина. Однако, во втором катрене говорится о «насыщении взгляда любви», что может быть понято, как только любование красотой адресата и этим, мол, любовь только и «насыщается». Без первого катрена, второй катрен, вполне, в другом окружении, мог бы указывать на отсутствие плотских желаний.

Но здесь, когда о «желании» было заявлено в первом катрене, это указывает не на отсутствие «желания», а на отсутствие других возможностей для любви, кроме одной – «насытить взор». Эту ситуацию мы помним по сонету 52 возлюбленной, когда поэт указал, что он пребывает «в надежде», т.е. когда отношения с возлюбленной не восстановлены.

Тогда объяснимо, почему поэт только смотрит каждый день «голодным взглядом», ведь возлюбленная ничего другого ему не оставила.

Это объяснение связывает второй катрен с первым.

И наконец, третий катрен подтверждает общую линию сонета – описание отношений с возлюбленной, ведь поэт говорит о «возвращении любви» после океана времени, разделившего влюблённых – Let this sad int'rim like the ocean be, и о необходимости лета после зимы – Makes summers welcome, thrice more wished, more rare.

Если продолжать считать, что смены адресата в сонете 56 не произошло, то придётся признать, что резко изменились обстоятельства в отношениях с другом.

Только что, в сонетах 53—55 всё с любовью было прекрасно, и вдруг, «вялость», «возвращение любви», «океан», разделивший влюблённых, «зима» в отношениях.

Эта логика возможна, но как уже было подробно объяснено во многих комментариях, не учитывает всех ранее названных противоречий, так как оперирует своими основаниями, а значит, она – другая. Но нас интересует построение адресности сонетов в единой логике,

а не в разных, ведь только тогда, что было также неоднократно сказано, наша структура адресности будет независимой от «подгонки под результат».

И опять же, не забываем, что анализ отдельного сонета есть лишь информация для сопоставления с совокупной информацией всей череды.

Если же искать то, что разделяет сонеты на ничем не связанные отдельные произведения, то почти всегда это можно найти.

Но нас интересует, не то, что разделяет отдельные сонеты, а то, что объединяет все сонеты без исключения.

Разделение сонетов по адресатам есть разделение низкого уровня, которое объединено нашей общей единой логикой такого разделения.

Когда же для сонетов находят, альтернативную нашей, логику низкого уровня, также объединяющую, т.е. ту, которая прослеживается во многих сонетах, то, как уже было указано в комментариях к сонету 53, мы получаем одну из тех альтернативных гипотез, которые не прошли проверку на соответствие с фактами биографий.

Так и здесь, мало увидеть альтернативную логику в одном сонете, надо увидеть логику, объединяющую все сонеты, построить адресность на основе этой логики и проверить её на соответствие с фактами биографий. Только версия, которая выдержит такую проверку может считаться возражением, достойным рассмотрения.

Всё остальное – ошибки, которые называются:

- 1. Возможность, выдаваемая за верность;*
- 2. Блуждания по разным логикам низшего уровня.*

Именно эти ошибки не давали тем интеллектуалам – историкам, литературоведам, филологам, социологам, психологам, кто пытался понять суть проблемы датировки сонетов, увидеть в этой чехарде разных возможностей путь, который ведёт к результату, а иногда даже заставляли отрицать саму возможность получить результат, ввиду бессилия методов их избранной науки, например, филологии.

Сонет 57

В сонете сменилась тема.

Противоречий с предыдущим сонетом 56 нет. Тон сонета 57 продолжает тон замка сонета 56, где поэт не хочет «зимы» в отношениях.

Ведь возлюбленная милостиво принимает любовные сонеты поэта, но со своей стороны ему ничего не гарантирует.

Сонет 57. Оригинальный текст

Being your slave, what should I do but tend
Upon the hours and times of your desire?
I have no precious time at all to spend,
Nor services to do till you require.
Nor dare I chide the world-without-end hour
Whilst I (my sovereign) watch the clock for you,
Nor think the bitterness of absence sour
When you have bid your servant once adieu.
Nor dare I question with my jealous thought
Where you may be, or your affairs suppose,
But like a sad slave stay and think of nought
Save where you are how happy you make those.
So true a fool is love that in your will
(Though you do any thing) he thinks no ill.

Поэтому поэт ждёт встреч как милости, не смея настаивать. Нет никакой хвалы внешности. Также ещё раз, как во многих «женских» сонетах, видим прямо выраженное желание быть вместе с адресатом: «как грустный раб лишь жду и вождею счастливым стать, как те, кто с Вами там – But like a sad slave stay and think of nought Save where you are how happy you make those».

Тема сонета 57 перекликается с «женским» сонетом 26, где уже были подобные намёки на «рабство – Being your slave (57)» и тому же адресату.

Здесь мы видим развитие темы, что соответствует правилу 1 «свода неизменных правил».

Теперь все сомнения по поводу сонета 56 отпадают, ведь число указаний на возлюбленную множится от сонета к сонету, добавляя штрихи к портрету, который мы выводим из всей совокупности сонетов этой череды.

Признание собственного «рабства» ещё один характерный признак для «женских» сонетов.

Это же «рабство» мы увидим и далее, например, в сонете 133.

Для друга же поэт занимает другую роль – учителя, наставника и мы это увидим, например, в сонете 87.

Сонет 58

Продолжает тему «терпеливо ждущего раба», начатую в сонете 57, а значит, подтверждает трактовку отношений с возлюбленной, как не вполне восстановленных.

Желание быть вместе выражено явно: «я жду, хоть ожидание есть ад – I am to wait, though waiting so be hell».

Сонет 58. Оригинальный текст

That god forbid, that made me first your slave,
I should in thought control your time of pleasure,
Or at your hand th'account of hours to crave,
Being your vassal bound to stay your leasure.
O let me suffer (being at your beck)
Th'imprisoned absence of your liberty,
And patience, tame to sufferance, bide each check,
Without accusing you of injury.
Be where you list, your charter is so strong
That you yourself may priviledge your time
To what you will; to you it doth belong
Yourself to pardon of self-doing crime.
I am to wait, though waiting so be hell,
Not blame your pleasure, be it ill or well.

Хвалы внешности также не наблюдается. Противоречий нет.
Адресат тот же – возлюбленная поэта.

Сонет 59

Тема опять сменилась. Теперь поэт начал рассуждения о связи красоты адресата с красотой прошлого.

Поэт приходит к выводу, что раньше для поэтической хвалы были хуже образцы: «восторг свой пели хуже образцам – To subjects worse have given admiring praise».

Это утверждение необходимо запомнить для сравнения с сонетом 68, где будет сказано прямо противоположное о красоте прошлого.

Сонет 59. Оригинальный текст

If there be nothing new, but that which is
Hath been before, how are our brains beguiled,
Which, labouring for invention, bear amiss
The second burthen of a former child!
O that record could with a backward look,
Even of five hundred courses of the sun,
Show me your image in some antique book,
Since mind at first in character was done,
That I might see what the old world could say
To this composed wonder of your frame:
Whether we are mended, or whe'er better they,
Or whether revolution be the same.
O sure I am the wits of former days
To subjects worse have given admiring praise.

Отдельно по сонету 59 затруднительно определить, кто же адресат. Казалось бы, раз речь в сонете зашла о внешности, то мы обязаны считать это «противоречием» и указанием на смену адресата, т.е. считать, что адресат здесь – друг поэта.

Однако, в этом случае, смущает другое «противоречие» – указание на прелести форм: «в том состоит прелесть Ваших форм – To this composed wonder of your frame», что является элементом плотской любви, и невозможно в отношениях с другом. Таким образом, мы здесь опять приходим к той ситуации, которую уже наблюдали в нескольких сонетах ранее, в том числе, и в «определяющем» сонете 21, где была-таки хвала внешности на фоне указания на ненужность хвалы, и в сонете 24, где поэт уже восторгался «прекрасными формами», а именно, к тому, что этот признак является вспомогательным, так как хвала внешности говорит об адресате только, если нет других противоречий.

Но если хвала внешности для возлюбленной, как видим, все-таки допустима, то намёки на плотские отношения с другом для Шекспира недопустимы (сонет 20) ни при каких обстоятельствах. Поэтому адресат в сонете 59 не меняется, остаётся прежним, и это – возлюбленная поэта.

Но тогда новая тема может вполне продолжать ту же линию предыдущих сонетов, как очередная попытка восстановления отношений с возлюбленной, может быть отголоском тех разговоров, которые ведут между собой поэт и его возлюбленная. Рассуждения о том, что «всё не ново, всё уж было прежде – If there be nothing new, but that which is» очень похоже на ответ поэта на упрёк ему от возлюбленной в однообразности его стихов, в отсутствии в большинстве из них той самой хвалы её внешности, которая появилась в этом сонете.

Но за явную хвалу можно считать только замок сонета, а три катрена посвящены исключительно рассуждениям о том, почему этой хвалы могло и не быть вообще – мол, зачем повторять старое и обманываться.

Мы видим не отрицание, а подтверждение сонета 21 – ещё один аргумент против хвалы внешности, украшенный в самом конце комплиментом.

Сонет 60

Отдельно по сонету 60 практически невозможно определить, кому он адресован. Ни прямых, ни косвенных указаний на адресата просто нет.

Но формально нет и противоречий с сонетом 59, значит, нет и оснований для смены адресата, определённого для этой череды сонетов – возлюбленной поэта.

Сонет 60. Оригинальный текст

Like as the waves make towards the pebbled shore,
So do our minutes hasten to their end,
Each changing place with that which goes before,
In sequent toil all forwards do contend.
Nativity, once in the main of light,
Crawls to maturity, wherewith being crowned,
Crooked eclipses 'gainst his glory fight,
And Time that gave doth now his gift confound.
Time does transfix the flourish set on youth.
And delves the parallels in beauty's brow,
Feeds on the rarities of nature's truth,
And nothing stands but for his scythe to mow.
And yet to times in hope my verse shall stand,
Praising thy worth, despite his cruel hand.

Однако, формальное отсутствие противоречий, как признак подтверждения адресата, было бы неплохо периодически иллюстрировать примерами, показывающими основания такой логики.

Ведь ничто не мешало поэту написать, например, непротиворечивый сонет, но другому адресату. И хотя мы знаем, что это другая логика, и мы не должны перескакивать с одной логики на другую, но именно сонет 60 даёт редкую для подобных сонетов возможность показать дополнительные основания для подтверждения адресата.

Но, как уже было сказано, сравнение с сонетом 59 себя исчерпало выводом о непротиворечивости. Остаётся одно – сравнивать сонет 60 не только с сонетом 59, но и с другими сонетами, благо, что именно этот метод является основанием для выводов нашей формальной логики.

В итоге мы находим в сонете несколько разных образов, которые встречали ранее в других сонетах.

Так, образ «цветения» – в сонетах 5 (адресат – родственник) и 54 (адресат – друг), образ противопоставления «времени и юности» – в сонете 15 (адресат – родственник), образ «борозды времени» – в сонетах 2 (адресат – родственник) и 19 (адресат – друг), образ «чела» – в сонете 2, образ «коса времени» – в сонете 12 (адресат – родственник), образ «стихов в веках» – в сонетах 18, 19, 54, 55 (все, адресат – друг).

При этом, как видим, использовались эти образы с разной частотой, но в общем в одиннадцати других сонетах, адресованы были либо родственнику, либо другу, пять из этих образов расположились на четырёх строках третьего катрена, и один – в замке сонета 60. Что же нам даёт эта информация?

Обращает на себя внимание высокая концентрация «прежних» образов. Шекспир, словно специально, собрал в одном сонете «всё, что было прежде». Но ведь именно это и было

темой предыдущего сонета 59. Увидеть эту связь между сонетом 60 и сонетом 59 было бы невозможно без других сонетов.

Теперь у нас есть объект для проверки работы Шекспира со «старыми» образами, т.е. необходимо определить, какое из «неизменных правил» здесь применимо – выбрать между правилом 1 и правилом 3.

Но, как мы помним, правило 1 не является правилом смены адресата, по этому правилу можно только подтвердить того же адресата. Но кого из двух адресатов, родственника или друга, подтверждает такая смесь образов, принадлежащих или вместе, или по отдельности, тому и другому? Определить невозможно!

Что же, наша логика дала сбой? Вовсе нет! Ведь мы ещё не рассмотрели возможность применения правила 3. Мы видим, что изменения ракурса этих образов нет, а есть просто повторение в том же ракурсе. Ведь для изменения старого ракурса, т.е. не просто повторения той же мысли, а получения того же вывода из других оснований, необходимо место для этих оснований. Но такая высокая концентрация «старых» образов на четырёх строках третьего катрена оставила Шекспиру место только для тех же выводов.

При этом поэт намеренно пошёл на повторение, зная из трактата Филипа Сидни «В защиту поэзии», что это не только не лучший, а едва ли не самый худший поэтический приём.

Но он совсем не хотел показать себя в худшем свете перед адресатом, что могло бы случиться, будь адресат знаком с этими образами ранее.

Поэтому остаётся только один адресат, которому Шекспир ничего подобного до этого не говорил – возлюбленная поэта.

И только в этом случае правило 3 верно указывает на другого адресата, но не в сравнении с сонетом 59, а в сравнении с сонетами – источниками старых образов, кто бы ни были адресаты этих сонетов.

Таким образом, мы пришли к выводу об адресате сонета 60 двумя путями:

1. Не найдя противоречий в последовательности сонетов.
 2. Проанализировав работу Шекспира со «старыми» образами.
- Оба эти пути подтвердили адресата сонета 60 – возлюбленную поэта.

Сонет 61

Тема опять сменилась, но противоречия в ней нет.

В очередной раз явно выражено желание быть рядом с адресатом.

Ночные бдения поэта мы уже встречали в сонетах 27,28,43, обращённых к возлюбленной. Но ракурс темы «ночных бдений» сменился: «не твой ли образ не даёт закрыть моих тяжёлых век в ночном томленьи – Is it thy will thy image should keep open My heavy eyelids to the weary night», а значит, по правилу 1 «свода неизменных правил», перед нами – тот же адресат – возлюбленная поэта.

Ведь в обращении к тому же адресату Шекспир никогда не использует простого повторения ранее сказанного, всегда меняет ракурс темы.

Сонет 61. Оригинальный текст

Is it thy will thy image should keep open
My heavy eyelids to the weary night?
Dost thou desire my slumbers should be broken,
While shadows like to thee do mock my sight?
Is it thy spirit that thou send'st from thee
So far from home into my deeds to pry,
To find out shames and idle hours in me,
The scope and tenure of thy jealousy?
O no, thy love, though much, is not so great;
It is my love that keeps mine eye awake,
Mine own true love that doth my rest defeat,
To play the watchman ever for thy sake.
For thee watch I, whilst thou dost wake elsewhere,
From me far off, with others all too near.

Также видим изменение обстоятельств, ведь дано указание на возможный отъезд адресата: «я слежу за тобой, когда твой след в другом месте, от меня далеко, с другими слишком близко – For thee watch I, whilst thou dost wake elsewhere, From me far off, with others all too near».

Но это не является противоречием с предыдущими сонетами и не влияет на адресность сонета. Такие указания в сонетах нам пригодятся при анализе на соответствие с фактами биографий, который ещё впереди.

Важным фактором череды сонетов 56—61, как и большинства предыдущих сонетов, было то, что обращения поэта к адресату отсутствовали единично. Но что нам думать, если такого обращения не будет во всей череде сонетов? Именно с такой ситуацией мы встретимся в следующей череде сонетов 62—68

Глава 9. Сонеты 62—68. Чудеса и пороки Времени

Ситуация, которую нам предстоит разобрать в этой главе, встречается в последовательности сонетов не впервые – также, как ранее в сонетах 5, 19, 25, 33, и 56, в череде сонетов 62—68 отсутствует обращение к адресату.

Поэт, если и упоминает некоего персонажа, то говорит о нём в третьем лице, а иногда не упоминает вообще. Очевидно, что изменились обстоятельства написания этих сонетов. Но эти обстоятельства никак не влияют на адресность и пригодятся нам только при анализе сонетов на соответствие с фактами биографий.

Но совсем не принимать во внимание отвлечённость от прямого обращения тоже нельзя, ведь нельзя оставить открытым вопрос о том, кому же, тогда, написаны эти сонеты. По смыслу сонетов мы сможем определить, о ком, а не кому, они написаны, ведь и здесь, по-прежнему, указателем на персонажа является противоречие в смысле сонета. Но очевидно, что нет достаточных оснований, чтобы сонет, написанный о ком-то, считать адресованным ему же.

Поэтому для разрешения такой неопределённости мной был введён условный адресат – «Поэт», что подразумевает, что эти сонеты написаны, как осмысление поэтом для самого себя произошедших событий.

Сонет 62

Единственный сонет всей череды, где присутствует обращение к адресату – в замке сонета.

Сонет 62. Оригинальный текст

Sin of self-love possesseth all mine eye,
And all my soul, and all my every part;
And for this sin there is no remedy,
It is so grounded inward in my heart.
Methinks no face so gracious is as mine,
No shape so true, no truth of such account,
And for myself mine own worth do define,
As I all other in all worths surmount.
But when my glass shows me myself indeed,
Beated and chopped with tanned antiquity,
Mine own self-love quite contrary I read;
Self so self-loving were iniquity.
Tis thee (my self) that for myself I praise,
Painting my age with beauty of thy days.

Именно, по замку сонета можно определить к кому обращается поэт, так как весь основной текст сонета поэт посвящает исключительно себе. В замке же мы видим два намёка: один – на возраст адресата – моложе поэта, и второй – на воспевание адресата в себе – *Tis thee (my self) that for myself I praise, Painting my age with beauty of thy days.*

Другой ракурс, но той же мысли, был высказан в сонетах 37 и 39 – «ты во всём часть лучшая меня», 42 – «суть одно мой друг и я», посвящённых другу.

Поэтому во втором намёке узнаваем, именно, друг, ведь во многих сонетах к возлюбленной (35,57,58) поэт отводит себе другую роль – «раба», «слуги».

В этом состоит противоречие с предыдущей чередой сонетов 56—61, а значит, произошла смена адресата.

Если бы сонет состоял из одного замка, то не было бы сомнений, что и адресат сонета – молодой друг поэта. Но как быть с основным содержанием сонета? Зачем сообщать другу, что всё хорошее, что будет сказано про него, не самом деле к нему не относится? Или – относится к некому «сборному» персонажу из мудрости поэта и красоты друга? Но даже тогда, зачем знать другу, что поэт всё равно думает при этом только о себе, а друга использует как прикрытие своих недостатков? Ведь и у друга могут быть свои умственные достоинства, а ему в этом заранее отказывают.

«Противоречия» основной части сонета перевешивают намёки его финала. Подобным образом Шекспир не мог обращаться к другу, ведь это значило намеренно его обидеть. Так он мог говорить только с тем, в ком уверен на 100% – с самим собой, но говорить, действительно, о своём друге, обращаясь в замке сонета к себе самому в лице друга – «славлю я тебя в себе», благо тема сонета – «эгоизм» поэта.

Как мы увидим далее, вся эта череда сонетов 62—68 состоит из философских сонетов, подводящих некий итог, содержащих обобщения. А так как делать окончательный вывод об адресате мы будем по совокупности всей информации этой череды, то далее станет понятно, что оставить сонет 62 вне череды сонетов 62—68 невозможно – он строго лежит в русле философских обобщающих сонетов и имеет того же главного персонажа – друга поэта.

Сонет 63

В сонете отсутствует обращение к адресату.

Упоминание персонажа в третьем лице (his) однозначно определяет его, как молодого мужчину. По намёкам становится ясно, что этот персонаж – друг поэта. Поэт называет персонажа «моей любовью – my love», что мы встречали во многих сонетах, посвящённых другу. Как правильно воспринимать «любовь» Шекспира к мужчине, он сам уже давал разъяснения в сонетах 20, 39 и 42 – ничего кроме дружбы под этим не подразумевается.

Сонет 63. Оригинальный текст

Against my love shall be as I am now,
With Time's injurious hand crushed and o'erworn;
When hours have drained his blood and filled his brow
With lines and wrinkles; when his youthful morn
Hath travelled on to age's steepy night,
And all those beauties whereof now he's king
Are vanishing, or vanished out of sight,
Stealing away the treasure of his spring:
For such a time do I now fortify
Against confounding age's cruel knife
That he shall never cut from memory
My sweet love's beauty, though my lover's life.
His beauty shall in these black lines be seen,
And they shall live, and he in them still green.

Но действующее и адресное лицо сонета – сам поэт, обобщающий то, что ранее он уже говорил другу, обращаясь к нему (например, сонеты 18, 55).

Но адресат – поэт является на самом деле адресатом условным.

Ведь очевидно, что поэт пишет подобные философские стихи не себе самому, а некоему очень понятливому читателю, тому, кто сможет понять стих не хуже самого поэта. В идеале это – читатель, во всём идентичный поэту, в чувствах, в мыслях, в принципах, в понимании прекрасного и безобразного. Этот читатель – «отражение» поэта в другом теле. Но бывает ли такой читатель в реальности? Очевидно, что нет.

Поэтому и можно говорить, что все философские стихи пишутся «себе самому», подразумевая в этом условность такого адресата стихов. И не на это ли намекает Шекспир в предыдущем сонете 62, характеризуя свой «эгоизм»?

Сонет 64

Перекликается с сонетом 12 развитием темы «беспощадного времени» и формой подачи «когда смотрю» – *When I have seen by Time's fell hand defaced.*

Также видна преемственность с сонетом 63, где упомянуто «злое время». Поэт в сонете 64 опять говорит только о себе, ни к кому прямо не обращаясь.

Отвлечённо-философский тон сонета 64 не противоречит предположению об адресате предыдущих сонетов. Поэтому и здесь адресат – сам поэт.

Сонет 64. Оригинальный текст

*When I have seen by Time's fell hand defaced
The rich proud cost of outworn buried age;
When sometime lofty towers I see down rased,
And brass eternal slave to mortal rage;
When I have seen the hungry ocean gain
Advantage on the kingdom of the shore,
And the firm soil win of the wat'ry main,
Increasing store with loss, and loss with store;
When I have seen such interchange of state,
Or state itself confounded to decay,
Ruin hath taught me thus to ruminat:
That Time will come and take my love away.
This thought is as a death, which cannot choose
But weep to have that which it fears to lose.*

Однако, видно, что персонаж, к которому обращена «любовь» поэта, является другим человеком, не тем, к которому был обращён сонет 12, т.е. – не родственником поэта.

Ведь, как мы помним, в сонете 12 поэт знал и давал совет адресату, как бороться с «беспощадным временем» – иметь сына.

Но в сонете 64 поэт, словно, забыл об этом и считает, что остаётся только «рыдать» и «бояться смерти»: «рыдать о том, что есть, но страшно потерять – *But weep to have that which it fears to lose*». Поэтому этот персонаж в сонете 64 – друг поэта, а сам сонет 64 является ещё одним подтверждением другого адресата, не друга, в первых семнадцати сонетах.

Сонет 65

Продолжает череду философских сонетов.

Здесь поэт не говорит уже даже о себе. Отвлечённость и обобщённость ещё выше, чем в сонете 64. Поэтому и здесь адресат – сам поэт.

Видна преемственность темы «времени» под новым ракурсом. Ранее поэт высказывал мысль о роли стихов во времени всем известным нам адресатам: родственнику (сонет 17 «жить вдвойне»), другу (сонеты 18 «жизнь тебе дают», 19 «навек юн», 54 «в стихах быть Ваших истин чистоте», 55 «в глазах влюблённых пребывать»), возлюбленной (сонет 60 «надеюсь, устоять стихам»).

Узнать персонажа в сонете 65 по этим аллюзиям невозможно.

Сонет 65. Оригинальный текст

Since brass, nor stone, nor earth, nor boundless sea,
But sad mortality o'ersways their power,
How with this rage shall beauty hold a plea,
Whose action is no stronger than a flower?
O how shall summer's honey breath hold out
Against the wrackful siege of batt'ring days,
When rocks impregnable are not so stout,
Nor gates of steel so strong, but Time decays?
O fearful meditation! Where, alack,
Shall Time's best jewel from Time's chest lie hid?
Or what strong hand can hold this swift foot back,
Or who his spoil of beauty can forbid?
O none, unless this miracle have might,
That in black ink my love may still shine bright.

Теперь, в сонете 65, поэт сводит воедино, обобщает, не повторяя, всё ранее сказанное и называет эту роль стихов «чудом», которое спасёт красоту – *O none, unless this miracle have might, That in black ink my love may still shine bright*. Именно обобщающий характер сонета 65 позволяет мне считать, что в его замке слова «*my love*» относятся не к какому-то, нигде не упомянутому в сонете, субъекту любви (ведь ранее он высказал эту мысль всем адресатам), а к тому, о чём поэт и говорил в сонете, т.е. к красоте в целом. «Красота – моя любовь» – в этом смысл сонета.

Сонет 66

Находится в ряду предыдущих сонетов, т.к. продолжает линию обобщений. В сонете отсутствует обращение к адресату.

Тематика сонета похожа на смешение многих тем, причём, каких ещё вообще не было в сонетах. Даже обобщающий вывод в замке сонета о том, что здесь речь идёт о превратностях этого мира, где нельзя оставить «любовь», не вносит ясности в отношении персонажа.

Если бы в последующих сонетах поэт продолжил развитие всех перечисленных здесь тем, то можно было бы говорить о начале новой череды сонетов. Но этого не произошло.

А значит, всё это перечисление имеет значение только внутри сонета и носит вспомогательный (т.е. это – не темы) характер – философского обобщения, где главным действующим лицом является сам поэт. А значит, и этот сонет продолжает череду философских сонетов и не более того.

К тому же здесь не только нет обращения к адресату, а упоминание «моей любви» дано в третьем лице, но нет и намёков, по которым было бы можно точно идентифицировать персонажа.

Сонет 66. Оригинальный текст

Tired with all these, for restful death I cry:
As to behold desert a beggar born,
And needy nothing trimmed in jollity,
And purest faith unhappily forsworn,
And gilded honour shamefully misplaced,
And maiden virtue rudely strumpeted,
And right perfection wrongfully disgraced,
And strength by limping sway disabled,
And art made tongue-tied by authority,
And folly (doctor-like) controlling skill,
And simple truth miscalled simplicity,
And captive good attending captain ill:
Tired with all these, from these would I he gone,
Save that, to die, I leave my love alone.

Конечно, нельзя исключать ни друга, ни возлюбленную, ни даже родственника, но из сонета 65 мы знаем, что, помимо трёх адресатов, в жизни поэта есть ещё одна любовь – Красота. А так как сонет 66 идёт сразу следом, то логично предположить, что слова «моя любовь» могут относиться не к какому-то, опять нигде в сонете не упомянутому и неузнаваемому персонажу, а к той же Красоте, которой станет одиноко без любви поэта.

Сонет 67

Здесь мы опять видим рассказ о некоем персонаже в 3-ем лице.

То, что этот персонаж – друг поэта, можно видеть по указанию на красоту персонажа, как на «истинную розу»: «с тех пор как его роза истинна – since his rose is true», что мы уже встречали в сонете 54.

Кроме того, почти все сонеты другу, до сих пор, поэт посвящал хвале его внешности.

Сонет продолжает линию обобщений – рассуждений поэта о друге, сделанных для самого себя.

В сонете 67 развивается тема предыдущего сонета 66, где поэт перечислил пороки современного ему мира.

Теперь, в сонете 67, поэт ставит вопросы о том, как его друг, чья красота – «истинная роза», может жить среди этих пороков, как стало невозможно уберечь красоту от подделок, как другу стало трудно быть рядом с пороком, но не дать своей красоте стать символом порока.

Но красота друга осталась единственной в этом безобразном мире и даже Природа ему не может помочь. Красота друга не улучшает этот мир, а всего лишь показывает разницу с днями, что прошли: «хранит богатство дней, что давно прошли – O him she stores, to show what wealth she had, In days long since». Друг – «богатство» прошлых дней.

По этому признаку мы узнаем друга и в следующем сонете 68, когда поэт заговорит о красоте прошлого в другом ракурсе.

Сонет 67. Оригинальный текст

Ah wherefore with infection should he live,
And with his presence grace impiety,
That sin by him advantage should achieve,
And lace itself with his society?
Why should false painting imitate his cheek,
And steal dead seeming of his living hue?
Why should poor beauty indirectly seek
Roses of shadow, since his rose is true?
Why should he live, now Nature bankrupt is,
Beggared of blood to blush through lively veins,
For she hath no exchequer now but his,
And proud of many, lives upon his gains?
O him she stores, to show what wealth she had,
In days long since, before these last so bad.

Сонет 68

Здесь поэт продолжает свои обобщения о друге, начатые в сонете 67.

Сонет 68. Оригинальный текст

Thus is his cheek the map of days outworn,
When beauty lived and died as flowers do now,
Before these bastard signs of fair were borne,
Or durst inhabit on a living brow;
Before the golden tresses of the dead,
The right of sepulchres, were shorn away,
To live a second life on second head;
Ere beauty's dead fleece made another gay:
In him those holy antique hours are seen,
Without all ornament, itself and true,
Making no summer of another's green,
Robbing no old to dress his beauty new;
And him as for a map doth Nature store,
To show false Art what beauty was of yore.

Продолжается тема об истоках красоты друга – теперь поэт говорит о её связи с прошлым: «его черты минувших дней частица – Thus is his cheek the map of days outworn».

В этом видна переключка с сонетом 67, где друг был назван «богатством» прошлых дней. Но мы помним, что в «женском» сонете 59 поэт уже касался этой темы. И здесь мы видим развитие темы, а не повторение.

Но в ракурсах темы сонетов 59 и 68 присутствует не просто взгляд под новым углом, а «противоречие» – разворот мнения поэта на 180 градусов.

В сонете 59 поэт был уверен в том, что в прошлом были «хуже образцы».

В сонете 68, наоборот, утверждается, что именно красота прошлого является образцом для наших дней «в нём стать святого древнего обета – In him those holy antique hours are seen».

А мы считаем, что Шекспир не может говорить одному адресату прямо противоположное.

Поэтому, так как в сонете 68 речь идёт о друге поэта, то это ещё раз косвенно подтверждает адресата сонета 59 – возлюбленную поэта.

Конечно, мы не забываем, что адресатом всей череды сонетов 62—68 является условный адресат – сам поэт.

Но в этих сонетах удалось найти и связи, и объяснения «противоречий», и «старого» персонажа – одного из адресатов предыдущих сонетов – друга поэта.

Очевидно, что поэт в этих сонетах, объясняя всё себе, дополнил своими обобщениями и наши представления о друге.

Но одно осталось неясным – почему поэт в течение семи сонетов применял такую форму повествования? Да, эти сонеты в большинстве посвящены другу, но не обращены к нему. Важность этого нюанса станет понятна только при анализе сонетов на соответствие с фактами биографий.

Глава 10. Сонеты 69—70. Обиженный клеветой

Череда сонетов 69—70 выделена в отдельную череду только потому, что после семи сонетов 62—68 Шекспир вернулся к прямому обращению к адресату.

Формально это указывает только на очередное изменение обстоятельств. Но эти обстоятельства не влияют на адресность и пригодятся нам, когда наступит время для анализа сонетов на соответствие с фактами биографий.

Но так как изменение формы повествования не является противоречием, то единственным основанием для смены адресата продолжает оставаться противоречие в смысле сонета.

Такого противоречия с сонетами 62—68 не будет в сонетах 69—70, однако у нас есть причина закончить с неопределённостью условного адресата «поэт», и назвать персонажа сонетов 62—68 – друга поэта адресатом сонетов 69—70.

Сонет 69

Продолжает тему пороков рядом с красотой, которую мы видели в сонете 67. Там речь шла о друге поэта, но отвлечённо, без обращения к нему. Логично предположить, что персонаж сонета 67 является адресатом сонета 69, и это – друг поэта. Но подача смягчена ссылкой на некие голоса (языки), с одной стороны, хвалящие внешность друга, а с другой стороны, сомневающиеся в том, что друг может сохранить красоту души в окружении пороков: «но в тех же голосах, что хвалят, слышен иной тон – *But those same tongues that give thee so thine own, In other accents do this praise confound*». Мол, это – не поэт так считает, а некое постороннее мнение.

И это ещё раз подтверждает, что при прямом обращении поэт всегда щадил чувства друга, думал о его реакции, не хотел его обидеть.

Очевидно, отношения с другом продолжаются. Но сообщить другу о существовании такого двойного мнения, поэт посчитал необходимым. И, похоже, уловка со ссылкой на другие голоса не удалась – друг всё-таки обиделся.

Ведь поэт, как бы он это ни оправдывал, всё равно множит эти сплетни такими стихами. Но мы увидим всё это в следующем сонете 70, где поэт пустился в разъяснения своего отношения к сплетням и клевете, задабривая друга.

Сонет 69. Оригинальный текст

Those parts of thee that the world's eye doth view
Want nothing that the thought of hearts can mend;
All tongues (the voice of souls) give thee that due,
Utt'ring bare truth, even so as foes commend,
Thy outward thus with outward praise is crowned,
But those same tongues that give thee so thine own,
In other accents do this praise confound
By seeing farther than the eye hath shown.
They look into the beauty of thy mind,
And that in guess they measure by thy deeds;
Then, churls, their thoughts (although their eyes were kind)
To thy fair flower add the rank smell of weeds:
But why thy odour matcheth not thy show,
The soil is this, that thou dost common grow.

Сонет 70

Неосторожно обидев друга в предыдущем сонете 69, поэт срочно представляет ему свои оправдания и задабривает друга новой хвалой его душе и красоте – посторонние нелестные мнения о друге объявлены клеветой и завистью – For slander's mark was ever yet the fair, а поведение друга – «первоцветом в сиянии чистоты – And thou present'st a pure unstained prime». Противоречия в этом нет, так как в сонете 69 поэт никак не обозначил своего отношения к чужому мнению. Также видна не только преемственность сюжета, но и к утверждениям сонета применимо правило 1 «свода неизменных правил».

Сонет 70. Оригинальный текст

That thou are blamed shall not be thy defect,
For slander's mark was ever yet the fair;
The ornament of beauty is suspect,
A crow that flies in heaven's sweetest air.
So thou be good, slander doth but approve
Thy worth the greater, being wooed of time,
For canker vice the sweetest buds doth love,
And thou present'st a pure unstained prime.
Thou hast passed by the ambush of young days,
Either not assailed, or victor being charged,
Yet this thy praise cannot be so thy praise
To tie up envy, evermore enlarged:
If some suspect of ill masked not thy show,
Then thou alone kingdoms of hearts shouldst owe

Как видим, определение адресата сонетов 69—70 не вызывает затруднений.

Виден также душевный характер отношений, что подтверждает адресата – друга поэта. Однако, формально адресат в сонетах 69—70 не тот, что был в сонетах 62—68, т.е. – не «поэт». Такая смена условного адресата на реального также условна и даже её отсутствие не повлияло бы на выводы по датировке сонетов.

Просто, тогда бы каждый из семи сонетов 62—68 являлся соответствием обстоятельству их написания, исходя из формы повествования о персонаже в 3-ем лице. Введя условного адресата – «поэта», я объединил семь, подобных друг другу и следующих друг за другом, соответствий в одно, упрощая анализ.

Наглядно это будет видно при анализе сонетов на соответствие с фактами биографий.

Тогда же будет показано, как изменение формы повествования в сонетах 69—70 связано с изменением обстоятельств.

Для внимательного читателя, прочитавшего все предыдущие главы, уже давно понятно, что весь мой анализ не является предметом не только филологии, но и литературоведения.

И это относится не только к анализу на адресность, но в таком же ключе будет проведён и анализ на соответствие с фактами биографий. Такой подход связан исключительно с тем, что весь анализ работает только со смыслом сонетов, указывающим на цель анализа (например, на данном этапе – на адресность), и ни на что другое, как по отдельным сонетам, так и в последовательности сонетов.

Поэтому те, кто ищет в этом анализе другие смыслы, например, разбор литературных приёмов, или выразительных средств, или ритмики и метрики стиха, или связей и аналогий с предшественниками и последователями сонетных сочинений Шекспира, ничего этого, да и подобного ему, здесь не найдёт и в дальнейшем. Ведь хотя объём существующей такой аналитики громаден, но извлечь из неё результативную пользу для решения задачи хронологии, не получается не только у меня, но и у самих аналитиков.

Это говорит о том, что науки, занимающиеся исследованиями слова, поэзии или литературы в целом, являясь непрекаемыми авторитетами в своей области, не только беспомощны, но и частично бесполезны в решении проблемы датировки сонетов.

Именно поэтому ключевым в решении этой проблемы является выбор направления анализа на адресность, а именно – сонеты являются описанием жизни, что позволяет видеть за текстом отношение Шекспира к жизни и, соответственно, предполагать его поведение в жизненных, а не выдуманных ситуациях. И здесь проводится анализ жизни, а не литературы.

Возможность анализа сонетов, как литературных произведений, я не отрицаю. Однако, одна возможность не отменяет другую. И в любом случае, сама по себе, возможность ещё ничего не доказывает, не может быть верной или неверной.

Но, как ни покажется странным, но именно об этом забывают приверженцы литературного анализа, когда выдают его за единственно верный, а не получив результата, говорят о, якобы, принципиальной невозможности решения. Но также нелепо было бы постоянно перескакивать в рассуждениях туда и обратно с возможности проанализировать сонеты, как описание жизни, на возможность литературного анализа.

Такие смешанные рассуждения лишены единой логической основы и, как показал опыт многих исследователей, не дали и, естественно, не могли дать результата в решении проблемы датировки сонетов.

Глава 11. Сонеты 71—74. Замеченная у смертного ложа

В данной главе будет разобран цикл из четырёх сонетов 71—74, связанных между собой темой смерти поэта.

При этом переход к этой теме ничем не обусловлен в предыдущих сонетах. Тема возникла внезапно и также внезапно прекратится.

Но почему – цикл, а не череда? Дело в том, что ранее в «женском» сонете 32 эта тема логично вписывалась в преемственность адресата, не создавая противоречий.

Здесь же сонеты 71 и 72 практически идентичны по структуре и содержанию, отличаясь нюансами смысла, а сонет 74 противоречит и тому, и другому во всём. Сонет 73 отличается направленностью от сонетов 71, 72 и 74.

А, значит, если признать в них всех одного адресата, получится, что Шекспир два раза сказал этому адресату одно и то же (71,72), потом вдруг заметил, что тот стоит рядом, а не где-то далеко и обрадовался (73), но тут же это забыл и сказал ему прямо противоположное (74) тому, что до этого повторил два раза (71,72).

Другими совами, нарушил сначала правило 3, а затем два раза правило 4 «свода неизменных правил», т.е. поступил непоследовательно.

Но пока у нас не было оснований сомневаться в Шекспире.

Но тогда надо признать в этих четырёх сонетах разных адресатов.

И потому это – цикл, т.е. последовательность в рамках одной или нескольких тем, разделённая разными адресатами, а не череда, т.е. последовательность в рамках одной или нескольких тем, объединённая одним адресатом.

Узнать всех четырёх адресатов можно по нюансам смысла, указывающим на предыдущие сонеты каждому из адресатов.

Перед нами в этом цикле сонетов всё те же адресаты – молодой родственник поэта (сонет 71), друг поэта (сонет 72), возлюбленная поэта (сонет 74), а также новый адресат – жена поэта (сонет 73).

Сонет 71

В сонете резко сменилась тема сонетов 69—70 хвалы друга на тему возможной смерти поэта.

Сама по себе смена темы не является противоречием.

Поэтому мы смотрим на её ракурс, другими словами, ищем в ней смысл, указывающий на другого адресата, т.е. противоречие с предыдущей чередой сонетов.

Однако, во всех трёх катренах все рекомендации на случай своей смерти поэт вполне мог бы адресовать другу, ведь в них нет ничего, что невозможно было бы ему сказать.

Но в замке сонета поэт даёт странное разъяснение адресату, зачем тому надо поступить именно так, как советует поэт: «Чтоб мудрый мир Ваш стон не распознал, и за меня бы Вас не осмеял – *Lest the wise world should look into your moan, And mock you with me after I am gone*».

Из этого становится понятно, что поэт сделал нечто такое в отношении этого адресата, за что тот будет подвергнут насмешкам.

Теперь настало время вспомнить все предыдущие сонеты и найти в них ту, неприятную для адресата, ситуацию, на которую мог намекать Шекспир.

Сонет 71. Оригинальный текст

No longer mourn for me when I am dead
Than you shall hear the surly sullen bell
Give warning to the world that I am fled
From this vile world with vilest worms to dwell;
Nay, if you read this line, remember not
The hand that writ it, for I love you so
That I in your sweet thoughts would be forgot,
If thinking on me then should make you woe.
Or if (I say) you look upon this verse,
When I (perhaps) compounded am with clay,
Do not as much as my poor name rehearse,
But let your love even with my life decay,
Lest the wise world should look into your moan,
And mock you with me after I am gone.

Начнём с сонетов другу.

Одиннадцать сонетов (18—20, 37—39, 53—55, 69—70) посвящены хвале красоте друга.

Три сонета (40—42) посвящены конфликту между поэтом и другом из-за возлюбленной. Однако нигде, в том числе и в сонетах, отразивших конфликт, поэт не позволил себе никаких высказываний, которые могли бы унижить достоинство друга. Более того, сама фабула конфликта – друг соблазнил возлюбленную поэта – в плане огласки имён её участников перед «миром» была бы, скорее, неприятна поэту, чем другу.

Семь философских сонетов (62—68) о друге также не содержат никаких поводов для насмешек в отношении друга.

Рассмотрим сонеты возлюбленной.

Здесь нет необходимости просматривать все сонеты, так как в сонете 36 поэт однозначно показал, что возлюбленная после этого сонета не желала огласки отношений с поэтом, и он этому всегда следовал.

Поэтому открыть себя перед миром после смерти поэта было бы для возлюбленной весьма неприятно.

Однако, в таком случае, смущает избыточность предупреждения адресату. Ведь, если это возлюбленная, то она, как раньше не открывала, так и после смерти поэта никому не станет себя открывать и поэтому не нуждается в предупреждениях.

Предположение о том, что поэт хотел предвосхитить ту единственную ситуацию, когда возлюбленная от горя не будет понимать, что делает, весьма сомнительно, если учесть, что череда сонетов 56—61 показала далеко не безумные чувства возлюбленной к поэту.

Кроме того, странно, в этом случае, что Шекспир считает неприличное поведение женщины (связь с женатым мужчиной) предметом для осмеяния, ведь более распространённая реакция общества (мира) на такие женские грехи это – презрение, отказ в приёме и общении.

Но, может быть, найдётся более бесспорный претендент на место адресата?

Рассмотрим сонеты родственнику – первые семнадцать сонетов, где поэт призывает адресата жениться и завести детей.

Первые три сонета не вызывают вопросов – ничего, что могло бы унижить достоинство адресата, чьё имя, следовательно, было бы неприятно открыть перед миром, здесь не содержится.

Но, начиная с четвёртого сонета, мы встречаем каскад оскорбительных высказываний в отношении адресата:

1. Сонет 4. «Как ростовщик без прибыли, чтоб жить, громадный долг во зло употребляешь» – обвинения в недостойном поведении, дана характеристика адресату «ростовщик»;

2. Сонет 6. «Не дай, глупец, стать красоте твоей добычей смерти и наследников – червей.» – дана характеристика адресату «глупец»;

3. Сонет 7. «Умрёшь ненужным, коль не будет сына.» – дана характеристика адресату «ненужный»;

4. Сонет 8. «Но любишь то, что выбросить не жаль, иль рад дарам досадным.» – обвинение в глупости и недостойном поведении;

5. Сонет 9. «И нет любви к другим в груди того, кто над собой творит такое зло.» – обвинение в «нелюбви к другим» и совершении «зла», т.е. опять – в недостойном поведении;

6. Сонет 10. «Лгать стыдно» – обвинение во лжи; «В тебе ж любви нет вовсе никакой.», «Ты злобою смертельной одержим» – обвинение в недостойных чувствах;

7. Сонет 11. «А без того ты – глуп, несчастен, стар» – даны нелестные характеристики адресату «глуп», «несчастен», «стар»;

8. Сонет 13. В замке сонета дана характеристика адресату «мот».

Этого более, чем достаточно для того, чтобы открытие перед миром имени адресата оказалось для него весьма неприятным.

И хотя сонеты 1—3, 5, 12 и 14—17 не содержат оскорблений, но, к сожалению, они их не отменяют в других сонетах.

Поэтому у Шекспира были все основания опасаться, что если молодой родственник начнёт прилюдно сожалеть о смерти поэта, то будет узан, как адресат его первых сонетов, и осмеян.

И здесь, действительно, более уместно опасаться насмешек, чем молчаливого презрения, ведь для мужчины не дать отпор оскорблению от одного означало дать повод для оскорблений от других.

Таким образом, из всех предыдущих сонетов ко всем претендентам на адресата сонета 71 – к другу, к возлюбленной и к родственнику, только в сонетах к родственнику содержится бесспорная возможность той ситуации, которой мог опасаться Шекспир.

Противоречие в сонете 71 в отношении друга в этом и состоит, что для него такой возможности вообще нет ни в одном предыдущем сонете.

Поэтому, относительно сонета 70, в сонете 71 по правилу 5 «свода неизменных правил» произошла смена адресата, которым стал родственник поэта – адресат первых 17-ти сонетов.

Отдельно, уже сейчас, нужно обратить внимание на обстоятельства написания сонета 71, хотя в основном они будут нужны при анализе на соответствие с фактами биографий.

Очевидно, что сонет является письмом, пока только подготовленным к отправке, на случай смерти поэта. На это указывают фразы: «когда коснётся этих строк Ваш взгляд – if you read this line», «коль эти вирши будете читать – Or if (I say) you look upon this verse».

В любом случае, адресата сонета 71 в момент написания сонета, не просто не было рядом с поэтом, а он был достаточно далеко. Это обстоятельство поможет при анализе следующих сонетов на адресность, когда возникнет неоднозначная ситуация.

Сонет 72

Повторяет и идеи, и структуру их подачи сонета 71.
Разница – в нюансах, по которым можно узнать адресата.

Сонет 72. Оригинальный текст

O lest the world should task you to recite
What merit lived in me that you should love,
After my death (dear love) forget me quite;
For you in me can nothing worthy prove,
Unless you would devise some virtuous lie
To do more for me than mine own desert,
And hang more praise upon deceased I
Than niggard truth would willingly impart:
O lest your true love may seem false in this,
That you for love speak well of me untrue,
My name be buried where my body is,
And live no more to shame nor me nor you:
For I am shamed by that which I bring forth,
And so should you, to love things nothing worth.

Для понимания необходимо разобрать ситуацию с «позором» поэта, который достанется адресату сонета 72: «моё имя должно похоронить с телом, чтобы не жить больше, не позорить ни меня, ни Вас – My name be buried where my body is And live no more to shame nor me nor you», точно так же, как была разобрана ситуация с «осмеянием» в сонете 71.

Сразу видно, что поэт усилил степень своей вины по отношению к адресату, теперь в отличие от «осмеяния», «позор» поэта существует независимо от того, будет ли миром узнан адресат и достанется ли ему этот «позор».

Другими словами, этот, существующий независимо ни от чего, «позор» поэта, не нечто обидное для адресата в текстах сонетов, а сами сонеты: «мой позор... мой стыд за то, что миру завещал – For I am shamed by that which I bring forth» (сонет 72).

Но можно ли по этому признаку разобрать все предыдущие сонеты и понять, каких из них поэт мог стыдиться, считать «пустыми вещами»?

Начнём с сонетов родственнику, ведь он – адресат предыдущего сонета 71.

Единственная группа сонетов среди сонетов 1—17, претендующая на «стыд» поэта, это те же самые сонеты с оскорблениями адресату (4, 6—11, 13), что были разобраны при анализе сонета 71.

В общем то, ничто не препятствует тому, чтобы поэт считал этот «стыд» своим «позором», т.е. ему не нравилось эти сонеты даже просто предъявлять миру, не открывая имени адресата.

Рассмотрим сонеты другу.

Весьма сомнительно, чтобы сонеты с хвалой красоте друга поэт считал своим «позором», стыдился их.

Остаются три сонета 40—42, где был отражён конфликт с другом из-за возлюбленной поэта. И в этом конфликте, действительно, ситуация, в которой оказался поэт, для него очень неприятна.

Поэт потратил время и свой талант на выяснение отношений с другом – написал три сонета. Но нет препятствий поэту также посчитать эти сонеты своим «позором», как оскорблённого человека и как поэта, употребившего высокую поэзию на пустые разборы.

Может быть, отсюда намёк на «пустые вещи» в сонете 72?

Как утверждать, так и отрицать это, оснований недостаточно.

Рассмотрим сонеты возлюбленной.

Здесь, из сонета 36, видна ситуация, нежелательная ни для адресата, ни для поэта, и стремление уйти от неё, а именно, избежать огласки отношений.

Другими словами, только в случае огласки имён участников сонеты становились «позорны» и для поэта, и для возлюбленной.

Но в сонете 72 сказано о том, что «позор» поэта не связан с оглаской, т.е. поэт и без того считает некие сонеты недостойными.

Однако, ни череда сонетов 21—36, ни 43—52, ни 56—61 не содержат ни оскорбительных высказываний, ни обидных ситуаций.

В сонете 32 есть намёк на то, что стихи поэта в будущем в сравнении «уступят каждому перу», т.е. поэт несколько принижает их оценку в сравнении с чужими, ещё не написанными, сонетами, но сейчас, там же, поэт называет их «кладом любви».

Поэтому этот намёк в сонете 32 не подходит на роль «позора» поэта.

Таким образом, пока только возлюбленную можно исключить из числа возможных адресатов сонета 72.

Для того, чтобы исключить ещё кого-то из претендентов в адресаты, необходимо внимательнее проанализировать основной текст сонета 72.

Логично начать со сравнения с сонетом 71, где адресат известен.

Сразу видна разница в ценности для поэта любви адресатов сонетов 71 и 72. Если в сонете 71 речь идёт о смерти любви «пусть твоя любовь умрёт со мной», то в сонете 72 наоборот – строки 9—10: «пусть верная любовь не предстанет фальшивой, когда ты, хваля меня, скажешь неправду – *O lest your true love may seem false in this, That you for love speak well of me untrue*».

Это говорит не только о том, что ценность этой «любви» гораздо выше для поэта, но и о том, что одна рекомендация относительно любви прямо противоположна другой.

В сонете 72 не идёт и речи о том, что любовь адресата должна умереть.

Этого уже достаточно, чтобы считать эти утверждения противоречивыми, и по правилу 4 «свода неизменных правил» исключить из претендентов в адресаты родственника поэта – адресата сонета 71.

Более того, адресату сонета 72 совсем не рекомендуется скрывать себя от мира, как в сонете 71, наоборот, поэт опасается только излишней (неправой) хвалы в свой адрес со стороны адресата, которая даст миру повод считать такую любовь фальшивой.

Это ещё одно противоречие, указывающее на другого адресата, но оно уже избыточно.

Попутно, разные адресаты в сонетах 71 и 72 подтверждают разных адресатов в сонетах 17 и 18.

Другими словами, ещё раз подтверждают «родственника» в сонетах 1—17.

Таким образом, адресат сонета 72 определён, и это – друг поэта.

Насколько высоко поэт ставит дружбу, называя её любовью, мы видели ранее в сонетах 20 и 42.

Ещё одним возможным объяснением, помимо ранее изложенного, столь невысокого мнения Шекспира о сонетах другу может быть то, что на момент создания сонета 72 было написано всего 14 сонетов другу, тогда как 17 родственнику, 32 возлюбленной и 7 философских сонетов. Шекспир мог быть недоволен тем, что не успел выразить другу всё, что хотел.

Также, как и в сонете 71, в сонете 72 прослеживаются обстоятельства его написания. Снова это – указания, как в сонете 71, и сходная с сонетом 71 структура рекомендаций (о памяти, о любви, об огласке, о причинах) и одинаковый посыл: «когда умру».

Поэтому есть основания и сонет 72 также считать письмом, подготовленным (ведь поэт не умер) для отправки, на случай смерти поэта.

А это, в свою очередь, означает, что и друг поэта также был очень далеко в момент написания сонета 72, как и родственник поэта в момент написания сонета 71.

Сонет 73

Продолжает тему смерти поэта, но отличается и ракурсом, и структурой от прощальных писем-завещаний.

Он скорее похож на сонеты 62—68 философской череды тем, что подводит некий обобщающий итог, выражает благодарность и хвалу за любовь, несмотря на близкую смерть.

При этом, как и во многих философских сонетах, поэт больше говорит о себе, чем об адресате.

Сонет 73. Оригинальный текст

That time of year thou mayst in me behold
When yellow leaves, or none, or few, do hang
Upon those boughs which shake against the cold,
Bare ruined choirs, where late the sweet birds sang.
In me thou seest the twilight of such day
As after sunset fadeth in the west,
Which by and by black night doth take away,
Death's second self, that seals up all in rest.
In me thou seest the glowing of such fire
That on the ashes of his youth doth lie,
As the death-bed whereon it must expire,
Consumed with that which it was nourished by.
This thou perceiv'st, which makes thy love more strong,
To love that well which thou must leave ere long.

Но, в отличие от философских сонетов, в сонете 73 существует обращение к адресату. Поэтому необходимо определить, кто же этот адресат.

На то, что сонет 73 не является письмом, как сонеты 71 и 72, указывает нюанс «ты видишь во мне» во всех трёх катренах, который говорит, что адресат был способен видеть поэта в момент написания сонета 73, другими словами – был не слишком далеко от поэта.

Рассуждения же о некоем поэтическом образе в этой фразе уводят нас в область поэтической фантазии и не дают никакой информации. Тогда получается, что ни родственник, ни друг не могут быть адресатами сонета 73, ведь они, как мы выяснили ранее, были далеко во время болезни поэта.

Но тогда, может быть, этот адресат – возлюбленная поэта, которая оказалась рядом, когда поэт заболел?

Необходимо, в первую очередь, проверить эту возможность, просмотрев предыдущие сонеты к возлюбленной.

И в последнем сонете последней череды 56—61, в сонете 61, мы встречаем указание на возможный отъезд возлюбленной: «твой путь к местам иным».

Однако с тех пор прошло некоторое время, поэт написал одиннадцать сонетов другим адресатам, и ничто не мешало возлюбленной успеть вернуться.

Но допустим, мы хотим пока обойтись без знания того, кем была возлюбленная в жизни, и могла ли она, в силу своего положения, позволить себе ухаживать за больным поэтом.

То, что адресат сонета 73 проявлял (или проявляла) постоянную заботу о поэте в этот период, видно из фразы: «но зная это, любишь ты сильнее – This thou perceiv'st, which makes thy love more strong».

Тогда, если это – возлюбленная, то скупое общение с поэтом, которое было отражено в последней чередке 56—61, стало гораздо более частым («любишь сильнее»).

Однако, в сонете 73 есть два нюанса, которые ставят под сомнение участие возлюбленной.

Нюанс первый – в сонете нет слов о своей любви к адресату, но есть благодарность за любовь адресата к поэту.

Но, как мы помним, в подавляющем большинстве предыдущих сонетов к возлюбленной поэт не забывал о своих чувствах.

Приблизительным, неоднозначным исключением из правила являются два сонета 59 и 60, где поэт не упоминал своих чувств, но делал комплименты возлюбленной.

Но в сонете 73 фразу «to love that well – любить это хорошо», «я рад любви» (поэтический перевод), нельзя даже назвать комплиментом.

Нюанс второй: «убитый тем же, что меня питало – Consumed with that which it was nourished by» – намёк на смерть в родном городе.

Если подробнее разобрать смысл третьего катрена, то станет понятно, что «убивать» поэта будет «зола», в которую, сторев, превратилась «юность» поэта, и которая теперь его «огонь» погасит. А «юность», в свою очередь, и было тем, что «питало» поэта (его «огонь»), пока не превратилось в «золу», т.е. пока силы не стали ему изменять из-за болезни. Но юность поэта это – его родные места, там, где он родился и жил в юности.

Для понимания того, что под «юностью» подразумевается, именно, место, а не период, читателю необходимо знать, что в представлениях того времени причиной болезней считался «плохой воздух». Думали, что заболеть можно, просто попав в место, где в это время образовался такой «плохой воздух». Объяснений, почему воздух становится «плохим» и «убивает», не было.

Поэтому и «юность», которая всегда «питала», и её «зола», которая теперь «убьёт» поэта, это – воздух родных мест. И в таком случае, возлюбленной рядом с поэтом быть не могло ни при каких обстоятельствах, ведь Шекспир был женат, и его жена проживала в его родном городе и в его доме.

Дополнительно, обстоятельство нахождения поэта в родном городе во время болезни является ещё одним подтверждением, что другие сонеты о возможной смерти поэта, написанные в это время, были письмами.

Кроме того, странно, в отличие от сонетов 71 и 72, что в сонете 73 вообще отсутствуют даже намёки на предыдущие сонеты этому адресату, как будто, их вообще не было, или поэту о них нечего сказать на «смертном ложе», настолько они ему безразличны.

Таким образом, адресность сонета 73 родственнику и другу невозможна, а возлюбленной – сильно сомнительна.

Но у нас не осталось никого из известных до сих пор адресатов.

Поэтому всё это указывает на нового (четвёртого) адресата – жену поэта.

Именно, она идеально соответствует всем, отмеченным выше, и перечисленным ниже, характеристикам адресата сонета 73:

1. Находится рядом с поэтом во время болезни, может его видеть.
2. Ухаживает (любит сильнее) за больным поэтом, несмотря на отсутствие любви с его стороны.
3. Не нуждается даже в комплиментах.
4. Проживает в родном городе поэта, в его доме.
5. Ей до этого поэт не написал ни одного сонета.
6. Ей поэт не напишет больше сонетов.

Выздоровев, поэт снова перестал замечать этого адресата и не написал ему больше ни одного сонета. Такая участь, к сожалению, часто уготована именно жёнам.

На этом этапе анализа читатель не должен забывать, что этот новый адресат – жена поэта, найденный исключительно из текста сонета, является пока только идеальной возможностью в рамках нашей логики анализа.

Окончательное подтверждение этой возможности будет представлено позже, когда мы перейдём к анализу сонетов на соответствие с фактами биографий.

Сонет 74

Содержит ещё одно письмо-завещание, и опять другому адресату. О том, что перед нами снова письмо, видно, кроме всего прочего, ранее указанного в других сонетах, из одинаковой структуры сонета 74 со структурами сонетов 71 и 72 – поэт даёт указания адресату на случай своей смерти.

Но указания эти во всём противоположны сонетам 71 и 72:

Во-первых, поэт успокаивает адресата не тем, что тому надо забыть стихи поэта, а ровно наоборот – тем, что тот будет помнить их всегда, после смерти поэта: «которые в памяти останутся всегда – Which for memorial still with thee shall stay».

Во-вторых, поэт не принижает, как в сонете 71, и не стыдится, как в сонете 72, своих стихов, посвящённых адресату, а наоборот утверждает, что это – лучшее, что у него есть: «ценность этого в содержании – The worth of that is that which it contains».

В-третьих, в замке сонета мы видим намёк на то, что поэт был бы не против, если бы адресат вышел в мир в его сонетах, как в «бриллиантах», т.е. открыл себя, но не настаивает на этом, оставляя адресату право решать самому.

Как мы помним, в сонете 71 поэт опасался за честь адресата, если его имя будет открыто миром и связано им с сонетами, а в сонете 72 советовал вообще не говорить с миром – «перед миром не держать ответ».

В-четвёртых, поэт утверждает, что похоронено будет одно только его ненужное тело: «ты теряешь отбросы жизни, добычу червей – тело мертвеца – So then thou hast but lost the dregs of life, The prey of worms, my body being dead», а не любовь, как в сонете 71, и не имя, как в сонете 72.

В общем, этого перечня противоречий уже достаточно, чтобы понять о ком идёт речь.

Сонет 74. Оригинальный текст

But be contented when that fell arrest
Without all bail shall carry me away,
My life hath in this line some interest,
Which for memorial still with thee shall stay.
When thou reviewest this, thou dost review
The very part was consecrate to thee:
The earth can have but earth, which is his due;
My spirit is thine, the better part of me.
So then thou hast but lost the dregs of life,
The prey of worms, my body being dead,
The coward conquest of a wretch's knife,
Too base of thee to be remembered:
The worth of that is that which it contains,
And that is this, and this with thee remains.

В дополнение, есть ещё одно указание в сонете 32, где адресат известен. Там поэт говорил о своих стихах, как о «кладе любви», который надо сохранить после его смерти, что не противоречит отношению к стихам, выраженному в сонете 74.

Поэтому всё это, и противоречия, и указание сонета 32, указывает на одного адресата – возлюбленную поэта.

Кроме того, у нас не осталось других известных нам адресатов, кому поэт ещё не написал письмо-завещание. Но как было указано выше, этого адресата легко вывести только из противоречий. И тогда сонет 74 ещё раз подтверждает адресата сонета 32 – возлюбленную поэта.

«Предсмертный цикл» из четырёх сонетов закончился.

Сонетов в цикле оказалось именно четыре, а не два, и все они, как показал анализ, написаны разным адресатам.

Это указывает, что адресатов сонетов на этот момент было не больше и не меньше, что, в свою очередь, подтверждает двух новых адресатов – родственника и жену.

Глава 12. Сонеты 75—88. Проклятье и благо чужой хвалы

Приведённый далее анализ сонетов 75—88 содержит выводы о двух адресатах – о друге поэта и о возлюбленной поэта.

Поэтому формально его можно было бы разделить на три части: сонеты 75—80 другу, сонет 81 возлюбленной и сонеты 82—88 другу.

Однако, их объединение в одной главе продиктовано тем, что так наиболее наглядно можно показать связь между содержанием сонетов, обстоятельствами их написания и адресностью, ведь в сонетах с двумя адресатами мы увидим девять разных ситуаций.

Сонет 75

Оставив тему своей смерти, поэт снова продолжил восхищаться адресатом, как в сонетах 69—70.

Сонет 75, казалось бы, открывает новую череду сонетов-восхищений другом. Наверное, так бы оно и было при прежних внешних обстоятельствах. Но сонет 75 оказался единственным сонетом-восхищением в новой черед.

Что-то заставило поэта в следующих сонетах закончить тему «восхищение другом» и начать тему «о стихах», не меняя при этом адресата.

Сонет 75. Оригинальный текст

So are you to my thoughts as food to life,
Or as sweet seasoned showers are to the ground;
And for the peace of you I hold such strife
As 'twixt a miser and his wealth is found:
Now proud as an enjoyer, and anon
Doubting the filching age will steal his treasure;
Now counting best to be with you alone,
Then bettered that the world may see my pleasure:
Sometime all full with feasting on your sight,
And by and by clean starved for a look;
Possessing or pursuing no delight
Save what is had or must from you be took.
Thus do I pine and surfeit day by day,
Or gluttoning on all, or all away.

Сонет 75 примечателен тем, что для невнимательного читателя мог бы служить аргументом – сомнением в тех указаниях на адресата, которые ранее были определены, как указания на возлюбленную.

Ведь Шекспир здесь сам признаётся в двойственности, казалось бы, своего подхода к написанию сонетов другу. Рядом упомянуты и позиция: «всем поведать – Then bettered that the world may see my pleasure», и позиция: «скрыть от всех – Now counting best to be with you alone» в отношении друга.

Возникает вопрос о тех сонетах, где Шекспир уже предлагал и обещал адресату никому не выдать их связи. Там мы определили, как адресата, возлюбленную поэта. Так может быть мы ошиблись? Нет, ошибки не было!

Дело в том, что в сонете 75 речь идёт о внешности, и только о ней. Именно внешность друга поэт, то хочет «скрыть», чтобы единолично им восхищаться, то хочет всем «поведать» – показать его красоту.

Нет и речи об отношениях, связях, чести или позоре, что мы наблюдали в сонетах возлюбленной, например, в сонете 36.

А если причина, как мы видим – другая, то, значит, и распространять её следствия на все сонеты – неверно.

Но пока не было ни одного сонета другу, кроме разбираемого, где поэт говорил бы о периодическом желании «скрыть» от всех красоту друга.

Но тогда в чём же выражается такое «сокрытие»? Очевидно, что под этим поэт подразумевает просто отсутствие сонетов о друге в такие периоды.

Это обстоятельство тем более вероятно, что в последующих сонетах мы увидим ещё несколько оправданий поэта перед другом в меньшем количестве стихов о друге в сравнении с другими поэтами (сонеты 79,80,82,83,85,86).

Но, помимо этого, виден повтор идеи сонета 56 возлюбленной во фразе сонета 75: «Порою Вами мой пресыщен взгляд, но вскоре я – с голодными глазами – Sometime all full with feasting on your sight, And by and by clean starved for a look».

В сонете 56 та же идея о «еде» для «голодного взгляда» высказана в виде призыва: «сегодня насытишь взор, завтра пылай голодом», т.е. ракурс не поменялся. Это подтверждает адресата – друга в сонете 75, ведь, согласно правилу 3 «свода неизменных правил», поэт не повторяется, если адресат тот же самый. Здесь же мы видим повтор, значит, адресат другой. Но это указание уже избыточно, так как для определения адресата было достаточно и связи с сонетом 36. Поэтому, определённые независимо от правила 3 «свода неизменных правил», разные адресаты в сонетах 56 и 75 сами служат ещё одним подтверждением верности применения этого правила к ситуациям с повторами.

Сонет 76

Резко сменилась тема. Оставив только что начатую в сонете 75 тему непосредственного «восхищения другом», поэт начал рассуждения о качестве своих стихов.

Сонет 76. Оригинальный текст

Why is my verse so barren of new pride?
So far from variation or quick change?
Why with the time do I not glance aside
To new-found methods and to compounds strange?
Why write I still all one, ever the same,
And keep invention in a noted weed,
That every word doth almost tell my name,
Showing their birth, and where they did proceed?
O know, sweet love, I always write of you,
And you and love are still my argument;
So all my best is dressing old words new,
Spending again what is already spent:
For as the sun is daily new and old,
So is my love still telling what is told.

Сама по себе смена темы не является противоречием, не меняет и не подтверждает адресата, а указывает только на изменение обстоятельств.

Эти обстоятельства будут подробно разобраны при анализе сонетов на соответствие с фактами биографий.

Поэтому указания на адресата необходимо искать в смыслах сонета.

Однако, оригинал сонета 76 не даёт возможности выделить в нём некий признак, однозначно указывающий на адресата.

Такой смысл сонета мог быть обращён к двум из четырёх известных адресатов, либо – к другу, либо – к возлюбленной.

Указание в сонете: «Мне тема – Вы, всё также, и Любовь – And you and love are still my argument» исключает из числа адресатов родственника и жену.

Поэтому остаётся воспользоваться пока отсутствием противоречий с адресатом предыдущего сонета 75 – другом и считать его же адресатом сонета 76.

А однозначные указания на этого адресата мы найдём в последующих сонетах.

Сонет 77

Опять сменилась тема, что свидетельствует о смене обстоятельств.

Но обстоятельства эти были краткосрочны, так как в следующем сонете 78 поэт вернётся к теме сонета 76.

Поэтому можно говорить просто о событии, которое поэт отразил в сонете – подарил адресату чистую тетрадь для записей, т.е. дневник.

Однако, также, как в сонете 76 определить адресата, выделив некий признак в самом сонете 77, невозможно.

Предположение о том, что дать совет возлюбленной «вести счёт морщинам – The wrinkles which thy glass will truly show», которые напомнят о «зеве могилы – Of mouthed graves will give thee memory», было бы для Шекспира слишком неучтиво, не отменяет такой же неучтивости в этих же словах в отношении друга, которому в других сонетах поэт обещал вечную молодость.

Сонет 77. Оригинальный текст

Thy glass will show thee how thy beauties wear,
Thy dial how thy precious minutes waste,
The vacant leaves thy mind's imprint will bear,
And of this book, this learning mayst thou taste:
The wrinkles which thy glass will truly show
Of mouthed graves will give thee memory;
Thou by the dial's shady stealth mayst know
Time's thievish progress to eternity;
Look what thy memory cannot contain
Commit to these waste blanks, and thou shalt find
Those children nursed, delivered from thy brain,
To take a new acquaintance of thy mind.
These offices, so oft as thou wilt look,
Shall profit thee, and much enrich thy book.

Поэтому продолжаем считать адресатом сонета 77 друга поэта, т.к. противоречий с предыдущим сонетом 76 не наблюдается.

Сонет 78

Продолжает, прерванную на один сонет, тему «о стихах» сонета 76. Основная мысль – невозможно написать плохой стих о друге, но стихи поэта всё же лучше других. Противоречий нет и можно было бы и дальше воспользоваться этим для определения адресата, как друга поэта.

Но в сонете 78, помимо этого, уже присутствует указание на друга: «чужие вирши, тобою прикрываясь, вторят нам – *As every alien pen hath got my use, And under thee their poesy disperse*».

Это не может быть адресовано возлюбленной, ведь основным в отношениях с ней была скрытность, поэт никому не открывал её имени и даже, возможно, не показывал все без исключения сонеты, посвящённые ей.

Сонет 78. Оригинальный текст

So oft have I invoked thee for my Muse,
And found such fair assistance in my verse,
As every alien pen hath got my use,
And under thee their poesy disperse.
Thine eyes, that taught the dumb on high to sing,
And heavy ignorance aloft to fly,
Have added feathers to the learned's wing
And given grace a double majesty.
Yet be most proud of that which I compile,
Whose influence is thine, and born of thee:
In others' works thou dost but mend the style,
And arts with thy sweet graces graced be;
But thou art all my art, and dost advance
As high as learning my rude ignorance.

В отношении друга поэт всегда поступал ровно наоборот, не боялся огласки имени друга и отношений с ним, и все сонеты выставлял на всеобщее обозрение. Например, об этом свидетельствуют сонеты 18, 38, 53—55, 69, 72.

Поэтому обвинение «чужим виршам» в повторе не просто тем стихов, но и того же адресата, указывает на друга поэта.

Таким образом, адресаты сонетов 76 и 77 также подтверждены.

Сонет 79

Продолжает тему «о стихах».

Сонет 79. Оригинальный текст

Whilst I alone did call upon thy aid,
My verse alone had all thy gentle grace,
But now my gracious numbers are decayed,
And my sick Muse doth give another place.
I grant (sweet love) thy lovely argument
Deserves the travail of a worthier pen,
Yet what of thee thy poet doth invent
He robs thee of, and pays it thee again:
He lends thee virtue, and he stole that word
From thy behaviour; beauty doth he give,
And found it in thy cheek; he can afford
No praise to thee but what in thee doth live.
Then thank him not for that which he doth say,
Since what he owes thee, thou thyself dost pay.

Но ракурс сменился. Теперь поэт признаёт, что могут быть стихи лучше, чем у него. Эти стихи могут принадлежать некоему поэту-сопернику, о котором говорится в единственном числе.

Прошу обратить внимание, что поэт в сонете 78 не признавал превосходства других поэтов, когда их много.

Теперь же поэт допускает «лучшее перо» только для одного поэта – *Deserves the travail of a worthier pen*. Поэтому и нет противоречия.

Просто поэт последовательно развивает тему. Адресат – друг поэта.

Сонет 80

Продолжает тему «о стихах».

Поэт идёт ещё дальше сонета 79 и говорит уже не о допустимом, а о реальном поэте, называя его «лучшим духом – better spirit».

Подробный разбор этого обстоятельства будет представлен при анализе сонетов на соответствие с фактами биографий. Но важно обратить внимание, что сейчас в этом обстоятельстве нас интересует только отсутствие противоречия с предыдущими сонетами, а это видно и без его подробного разбора.

Другими словами, адресность сонета не зависит от того, знаем ли мы, кем был в жизни этот поэт – соперник, или других подробностей биографий.

Также видим, что поэт добавил в тему линию о своей возможной обиде на друга: «хуже было то, что моя любовь была моим крахом – The worst was this: my love was my decay». Но противоречия в этом также нет.

Сонет 80. Оригинальный текст

O how I faint when I of you do write,
Knowing a better spirit doth use your name,
And in the praise thereof spends all his might,
To make me tongue-tied Speaking of your fame.
But since your worth (wide as the ocean is)
The humble as the proudest sail doth bear,
My saucy bark (inferior far to his)
On your broad main doth wilfully appear.
Your shallowest help will hold me up afloat,
Whilst he upon your soundless deep doth ride,
Or (being wracked) I am a worthless boat,
He of tall building and of goodly pride.
Then if he thrive and I be cast away,
The worst was this: my love was my decay.

Тема логично развивается. Поэтому адресат – тот же – друг поэта.

Сонет 81

Казалось бы, продолжает тему «о стихах», хотя здесь нет ничего о чужих стихах.

Но как мы помним, поэт уже неоднократно поднимал тему «стихов в веках» в других сонетах. Очевидно, поэт считал главным это качество своих стихов о друге.

Поэтому логично, что в обидной ситуации, когда друг стал хвалить другого автора, поэт вновь решил напомнить другу о самом важном в своих стихах.

Но, правда, при этом совсем не упоминая поэта-соперника.

Ракурс «стихов в веках» легко вписывается в тему «о стихах». Противоречия в этом нет и адресат, возможно, – тот же.

Но смущают:

1. Противоречия с сонетом 72, где поэт стыдится своего наследия – своих стихов другу, здесь, наоборот: «Вам память нежные мои стихи – Your monument shall be my gentle verse».

2. Повтор «мужского» сонета 18 в финальной части о «дыхании на устах людей – Where breath most breathes, even in the mouths of men».

3. Развитие «женского» сонета 60 в основной теме и в замке о «стихах, устоявших в веках». Ведь в сонете 81 поэт также гордится стихами.

Как видим, только сопоставление с сонетом 18 даёт указание на смену адресата. В остальном аргументы в пользу или друга, или возлюбленной равноценны, так как изменение ракурса темы «стихов в веках» взаимно.

По логике анализа сонет 81 можно признать «женским» и тогда всё сходится – и повтор сонета 18 другому адресату, и «противоречие» с сонетом 72, и логика сонетов 60 и 74, и отсутствие образа «чужих стихов» в сонете 81.

Сонет 81. Оригинальный текст

Or shall I live your epitaph to make,
Or you survive when I in earth am rotten,
From hence your memory death cannot take,
Although in me each part will be forgotten.
Your name from hence immortal life shall have,
Though I (once gone) to all the world must die;
The earth can yield me but a common grave,
When you intombed in men's eyes shall lie:
Your monument shall be my gentle verse,
Which eyes not yet created shall o'er-read,
And tongues to be your being shall rehearse,
When all the breathers of this world are dead;
You still shall live (such virtue hath my pen)
Where breath most breathes, even in the mouths of men.

Но как соотнести этот единственный «женский» сонет с текущей чередой «мужских» сонетов?

Логично считать, что Шекспир нарушил структуру череды, написал-таки один «женский» сонет, по тем же причинам, что мы видели неоднократно и ранее, т.е. в последовательности реальных событий.

Этим событием вполне могло быть то, что поэт показал возлюбленной «предсмертный» сонет 74, а та сказала, что поэт переживёт её.

Поэтому сонет 81 очень похож на развитие финала «женского» сонета 74 в ответе возлюбленной.

Однако, реально событие было другим, но я оставил это предположение для иллюстрации возможностей, не подтверждённых ничем, и их ценности для анализа. Сейчас же важно только то, что некое событие, всё-таки, было.

Ещё один нюанс, указывающий на то, что адресатом не мог быть друг заключается в смысле первых строк: «Мне ль Вашу эпитафию создать, иль выжить Вам – Or shall I live your epitaph to make, Or you survive».

Поэт нигде ранее в сонетах не допускал возможности того, что переживёт друга.

Таким образом, адресатом сонета 81 является возлюбленная поэта.

Сонет 82. Снова, уже без сомнений, продолжает тему «о стихах» сонетов 76, 78—80. Поэт ищет объяснение интереса друга к чужим стихам. Противоречия в этом с сонетом 80 нет.

Но с сонетом 81 к возлюбленной формально надо показать противоречие.

Однако, как тема «о стихах» сонета 80 легко без противоречий вписывается в тему «стихов в веках» сонета 81, точно так же тема «стихов в веках» сонета 81 вписывается в тему «о стихах» сонета 82.

Поэтому, указанием на друга в сонете 82 является не тема, а нюансы смысла, а именно, сожаление поэта, что хвалу своей красоте адресат ищет в сочинениях других поэтов, так как нашёл «неточности» в хвале поэта – Finding thy worth a limit past my praise.

Другими словами, предполагается, что поэт до этого посвятил этой хвале достаточно сонетов, так как претендует на полный охват темы, но с небольшими «неточностями».

Как мы можем легко убедиться, только сонеты к другу практически все посвящены хвале друга, а в сонетах к возлюбленной лишь иногда встречаются комплименты, так как посвящены они чувствам самого поэта.

Сонет 82. Оригинальный текст

I grant thou wert not married to my Muse,
And therefore mayst without attaint o'erlook
The dedicated words which writers use
Of their fair subjects, blessing every book.
Thou art as fair in knowledge as in hue,
Finding thy worth a limit past my praise,
And therefore art inforced to seek anew
Some fresher stamp of the time-bettering days.
And do so, love; yet when they have devised
What strained touches rhetoric can lend,
Thou, truly fair, wert truly sympathised
In true plain words by the true-telling friend;
And their gross painting might be better used
Where cheeks need blood; in thee it is abused.

Кроме того, адресат сам «ищет в искусстве в целом – And therefore art inforced to seek anew» хвалу себе, что не было ранее замечено за возлюбленной.

Поэтому адресат сонета 82 – друг поэта.

Сонет 83

Продолжает тему «о стихах».

В сонете содержится указание на новое обстоятельство – поэт перестал на какое-то время писать стихи о друге: «и потому моя хвала Вам уснула – And therefore have I slept in your report», за что друг высказал поэту претензию: «но Вы молчанье мне вменили в грех – This silence for my sin you did impute».

Очередная смена обстоятельства, как всегда, не влияет на адресность, так как адресность строится только на основе формальной логики «свода неизменных правил».

Сонет 83 является объяснением другу причин поведения поэта в новых обстоятельствах. В этом ракурсе темы нет противоречий.

Сонет 83. Оригинальный текст

I never saw that you did painting need,
And therefore to your fair no painting set;
I found (or thought I found) you did exceed
The barren tender of a poet's debt:
And therefore have I slept in your report,
That you yourself, being extant, well might show
How far a modern quill doth come too short,
Speaking of worth, what worth in you doth grow.
This silence for my sin you did impute,
Which shall be most my glory, being dumb,
For I impair not beauty, being mute,
When others would give life, and bring a tomb.
There lives more life in one of your fair eyes
Than both your poets can in praise devise.

Поэтому адресат – прежний – друг поэта.

Сонет 84

Продолжает тему «о стихах».

Основная идея заключена в замке сонета. Поэт объясняет другу, что часто понравившаяся хвала не является лучшей, а нравится только потому, что тешит самолюбие адресата, но чем охотней она принимается, не встречая никакой критики, тем она становится всё хуже: «любовью к хвале, Вы делаете её хуже – Being fond of praise, which makes your praises worse». Это выпад в сторону плодовитых поэтов-соперников.

Противоречия в таком ракурсе темы нет. Адресат – прежний.

Сонет 84. Оригинальный текст

Who is it that says most which can say more
Than this rich praise – that you alone are you,
In whose confine immured is the store
Which should example where your equal grew?
Lean penury within that pen doth dwell
That to his subject lends not some small glory,
But he that writes of you, if he can tell
That you are you, so dignifies his story:
Let him but copy what in you is writ,
Not making worse what nature made so clear,
And such a counterpart shall fame his wit,
Making his style admired every where.
You to your beauteous blessings add a curse,
Being fond of praise, which makes your praises worse.

Сонет 85

Продолжает тему «о стихах».

Можно отметить смену настроения. Поэт опять указал, как в сонете 80, как минимум на равенство чужих и своих стихов.

Здесь во множественном числе названы только стихи, а не поэты, поэтому восхищение Шекспира, весьма вероятно, относится к одному поэту-сопернику.

Но никакой «робости» или «скромности» перед соперником Шекспир не выражает в сонете 85.

Сонет 85. Оригинальный текст

My tongue-tied Muse in manners holds her still,
While comments of your praise, richly compiled,
Reserve their character with golden quill
And precious phrase by all the Muses filed.
I think good thoughts, whilst other write good words,
And like unlettered clerk still cry «Amen»
To every hymn that every spirit affords
In polished form of well-refined pen.
Hearing you praised, I say, «Tis so, 'tis true»,
And to the most of praise add something more;
(But that is in my thought, whose love to you
(Though words come hindmost) holds his rank before.
Then others for the breath of words respect,
Me for my dumb thoughts, speaking in effect.

Он сожалеет, что «огранка точных фраз» придана его мыслям другим поэтом, а не им.

Поэтому его слог связан невозможностью повторить чужую «точную фразу» в своём стихе. Поэт сильно угнетён таким положением дел.

Противоречий в этом нет. Адресат – прежний – друг поэта.

Сонет 86

Тема «о стихах» продолжается в том же угнетённом настроении.
Причин для разбора обстоятельств не видно, так как противоречий нет.
Адресат – прежний.

Сонет 86. Оригинальный текст

Was it the proud full sail of his great verse,
Bound for the prize of all-too-precious you,
That did my ripe thoughts in my brain inhearse,
Making their tomb the womb wherein they grew?
Was it his spirit, by spirits taught to write
Above a mortal pitch, that struck me dead?
No, neither he, nor his compeers by night
Giving him aid, my verse astonishnd.
He, nor that affable familiar ghost
Which nightly gulls him with intelligence,
As victors, of my silence cannot boast;
I was not sick of any fear from thence;
But when your countenance filled up his line,
Then lacked I matter, that infeebl'd mine.

Сонет 87

Связан с предыдущим сонетом 86 не только угнетённым настроением, хотя чисто внешне тема «необъяснимо» сменилась.

Теперь поэт «вдруг» решил проститься с адресатом, что указывает на ещё одну смену обстоятельств.

Никаких упоминаний чужих стихов в сонете нет.

Весь сонет построен на намёках. Объяснить эти намёки отдельно по сонету 87, не зная предыдущих сонетов, практически невозможно.

Но наша логика как раз и предполагает использование связи с другими сонетами, и потому все намёки легко находят объяснение.

В сонете 87 поэт выразил крайнюю степень своего разочарования. Нет, не в друге, а в своей способности убедить друга в полезности для него своих стихов: «свои ты волен принципы иметь – The charter of thy worth gives thee releasing».

Друг настолько увлёкся чужими стихами, что забыл о стихах поэта: «моё владенье отклонить – And so my patent back again is swerving».

Друг теперь хочет видеть очень много стихов о себе – «тебе известна точная цена – And like enough thou know'st thy estimate», а поэт не может ему этого дать, поэтому: «прощай! ты – дорог – Farewell, thou art too dear for my possessing». То есть поэт не расстаётся с другом, а прощается со своими претензиями на первенство в восхвалении друга.

Поэт признал за другом право самому определять, какой стих о его «великом даре» лучше – «ты вновь вернуть себе его решил – Comes home again, on better judgement making».

Сонет 87. Оригинальный текст

Farewell, thou art too dear for my possessing,
And like enough thou know'st thy estimate:
The charter of thy worth gives thee releasing;
My bonds in thee are all determinate.
For how do I hold thee but by thy granting,
And for that riches where is my deserving?
The cause of this fair gift in me is wanting,
And so my patent back again is swerving.
Thy self thou gav'st, thy own worth then not knowing,
Or me, to whom thou gav'st it, else mistaking;
So thy great gift, upon misprision growing,
Comes home again, on better judgement making.
Thus have I had thee as a dream doth flatter,
In sleep a king, but waking no such matter.

В замке сонета поэт намекает на то, что надеялся на своё влияние на друга в вопросе о стихах – «я льстил себе о власти над тобой – Thus have I had thee as a dream doth flatter», но ошибся. Ведь так он «льстил» себе девять предыдущих сонетов, пытаясь убедить друга.

В таком ракурсе тема «прощания» сонета 87 является логическим продолжением всех обстоятельств, отражённых в теме «о стихах» предыдущих сонетов, и не противоречит ей. А значит, адресат здесь – друг поэта.

Сонет 88

Действительно меняет тему. Однако, обстоятельства, отражённые в сонете, вполне могут быть связаны и с темой «о стихах», и с предыдущим сонетом 87. Очевидно, что в сонете 88 показаны не самые благостные отношения поэта и адресата.

Известная нам предыстория, отражённая в предыдущих сонетах, вполне подходит для того, чтобы стать этому причиной.

Ведь в течение длительного времени друг выказывал предпочтения чужим стихам. Отношения с другом испортились и дело дошло до размолвки.

Здесь важно заметить, что указанием на адресата является не столько логичная связь с обстоятельствами, отражёнными в предыдущем сонете 87, сколько то, что поэт не опасается огласки этой размолвки и собирается, защищая друга, «на твоей стороне рассказать – Upon thy part I can set down a story».

Ведь как мы помним, поэт и ранее был готов демонстрировать отношения с другом и скрывать отношения с возлюбленной.

А значит, адресат – друг поэта.

Сонет 88. Оригинальный текст

When thou shalt be disposed to set me light,
And place my merit in the eye of scorn,
Upon thy side against myself I'll fight,
And prove thee virtuous, though thou art forsworn:
With mine own weakness being best acquainted,
Upon thy part I can set down a story
Of faults concealed wherein I am attainted,
That thou in losing me shall win much glory;
And I by this will be a gainer too,
For, bending all my loving thoughts on thee,
The injuries that to myself I do,
Doing thee vantage, double vantage me.
Such is my love, to thee I so belong,
That for thy right myself will bear all wrong.

Сонет 88 является одним из тех сонетов, которые, если рассматривать их отдельно, казалось бы, дают веские указания на характер отношений между поэтом и другом. Ведь, если заведомо, не разбираясь, считать адресатом друга, то в сонете дано утверждение о любви к нему.

Такие сонеты, особенно на фоне тех, в отношении которых ошибочно считалось, что их адресатом является не возлюбленная, а друг поэта, всегда коробили эстетическое чувство позднейших издателей и исследователей сонетов. Но так как никто не мог предложить связанного единого сюжета сонетов, то им ничего другого и не оставалось, как рассматривать сонеты по отдельности и выдвигать версии о том, что сонеты – чистый вымысел.

Но у нас есть возможность взглянуть на сонет 88 с высоты всей информации, которую удалось выделить в предыдущих сонетах.

Нам известно, что многие сонеты, где речь идёт о любви, обращены к возлюбленной, и их нельзя ставить в один ряд доказательств с этим сонетом.

Сам же сонет 88 дополняет смысл «любовных» отношений с другом, ранее выраженный в сонетах 20, 39 и 42, не означающих ничего кроме дружбы и восхищения. Но теперь речь идёт о симбиозе, который встречается с соответствующими оговорками и в русской литературе –

речь о жертвенности собой ради друга, которая всегда оговаривается, и поэтому может называться дружеской любовью.

А так как в оригинале сонета такая оговорка присутствует («чтоб ты был прав, снесу любое зло»), то я посчитал, насколько возможно, сохранить и подход, и семантику Шекспира, как Вы увидите во второй части книги. Всё время уходить в переводе от этой проблемы некорректно не только по отношению к Шекспиру, но и – к читателю, тем более что в сонете 88 нет даже намёка, позволяющего заподозрить плотский характер отношений.

Таким образом, анализ сонетов 75—88 на адресность наглядно показал одно из основных следствий из, применяемой в анализе, логики «свода неизменных правил» – изменение адресности сонета не зависит от обстоятельств, отражённых в сонете, пока в них не присутствует противоречие.

По ходу анализа этой главы, обстоятельства сменились девять раз, а адресат – только два раза.

Изменение обстоятельств происходило, как в рамках одной темы, так и совместно с изменением темы, а смена адресата – только, когда обнаруживалось противоречие в смысле сонета, в том числе и в рамках одной темы.

На этом коротком отрезке сонетов компактно собрались важные ситуации взаимодействия адресности со сменой обстоятельств, которые с разной частотой встречаются на всём протяжении, как предыдущих, так и последующих сонетов.

Глава 13. Сонеты 89—93. Притворившаяся любимой

Так выделена череда сонетов 89—93, где адресатом является возлюбленная поэта. Мы не можем распространить действие признаков, выделенных в предыдущей череде 82—88 и далее на сонет 89, так как встречаем в нём противоречие с предыдущими сонетами.

Поэтому в сонете 89 происходит смена адресата.

Сонет 89

Тема сонета 89, казалось бы, является развитием темы сонета 88, ведь и там, и здесь речь идёт о размолвке, о расставании с адресатом: «скажи, что брошен я, вина моя – Say that thou didst forsake me for some fault».

Сонет 89. Оригинальный текст

Say that thou didst forsake me for some fault,
And I will comment upon that offence;
Speak of my lameness, and I straight will halt,
Against thy reasons making no defence.
Thou canst not (love) disgrace me half so ill,
To set a form upon desired change,
As I'll myself disgrace, knowing thy will:
I will acquaintance strangle and look strange,
Be absent from thy walks, and in my tongue
Thy sweet beloved name no more shall dwell,
Lest I (too much profane) should do it wrong,
And haply of our old acquaintance tell.
For thee, against myself I'll vow debate,
For I must ne'er love him whom thou dost hate.

Но преемственность темы – не гарантия преемственности адресата, а при его смене служит только указателем последовательности написания.

Главное – ракурс темы не должен быть противоречивым в отношении адресата.

Здесь же мы видим явное противоречие сонету 88.

Ведь только что (в сонете 88) поэт собирался «рассказать», обещал «славу», и вдруг в сонете 89 утверждает обратное – собирается всё скрыть, «не выдать» адресата: «чтоб мне по простоте не оплошать, не выдать старой связи – Lest I (too much profane) should do it wrong, And haply of our old acquaintance tell». Такое отношение мы встречали ранее только к возлюбленной поэта, например, в сонете 36.

В очередной раз повторю, что в рамках нашей логики поэт не занимается фантазированием и не придумывает разные смыслы для одной темы, а записывает реальные события своей жизни, не меняя отношений к адресатам.

Поэтому в сонете 89, по сравнению с сонетом 88, происходит смена адресата по правилу 4 «свода неизменных правил».

Этим адресатом становится возлюбленная поэта.

Сонет 90

Отражает развитие отношений с возлюбленной.

Очевидно, что ни о какой любви с её стороны речи нет – поэт говорит только о себе.

Сонет 90. Оригинальный текст

Then hate me when thou wilt, if ever, now
Now while the world is bent my deeds to cross,
Join with the spite of Fortune, make me bow,
And do not drop in for an after-loss.
Ah do not, when my heart has scaped this sorrow,
Come in the rearward of a conquered woe;
Give not a windy night a rainy morrow,
To linger out a purposed overthrow.
If thou wilt leave me, do not leave me last,
When other petty griefs have done their spite,
But in the onset come; so shall I taste
At first the very worst of Fortune's might;
And other strains of woe, which now seem woe,
Compared with loss of thee, will not seem so.

Намёк: «гнетёт мой крест земной – Now while the world is bent my deeds to cross», возможно, подразумевает ситуацию с «чужими стихами» и размолвку с другом, произошедшую недавно.

И тогда обращение к адресату: «не стань последней из потерь – And do not drop in for an after-loss» говорит о том, что этот адресат совсем не друг, которого поэт в этот момент считал уже потерянным (сонеты 87,88 и частично сонет 86 («я, потеряв тебя, писать не смог»)).

Но намёки на этом не заканчиваются – поэт ставит перед адресатом неисполнимые одновременно условия, как бы подталкивая того к отказу от мотивов.

Ведь кому захочется «не любить и отвернуть – Then hate me when thou wilt, if ever, now» последним ударом, который сломит человека?

Кого прельстит перспектива одуматься: «так не верни подавленной тоски – Ah do not, when my heart has scaped this sorrow», когда будет уже поздно: «не дай предназначенье затянуть – To linger out a purposed overthrow»? Кто сможет определить, что первый его удар или последний? Тем более, что поэт уже говорит и о «бедах», и о «кресте» как о произошедших реальностях. Но всё вместе это вступает в противоречие с желанием самого поэта, выраженным в сонете 87 – «прощай». Другими словами, там – решение поэта расстаться, а здесь – воззвание к воле самого адресата решить вопрос о расставании.

Кроме того, было бы таким же явным противоречием для последовательного Шекспира говорить одному и тому же адресату в предыдущих сонетах «прощай» (сонет 87) и «приму любой позор» (сонет 88) и теперь – «отвергни, сломив меня», «дай изведать сначала худший вред – At first the very worst of Fortune's might» – т.е. там – готовность (адресат может делать что угодно), а здесь – неготовность принять превратности судьбы (адресат мог бы облегчить беду). Эти нюансы также подтверждают смену адресата в предыдущем сонете, а значит, и адресата сонета 90 – возлюбленную поэта.

Сонет 91

Сам по себе, отдельно от других сонетов, не даёт определённых указаний на адресата. Но этим сонетом начинается группа из трёх сонетов, с переходящим развитием обстоятельств.

Переходы от сонета к сонету связаны развитием смысла замка предыдущего сонета в зачине последующего сонета.

Сюжет этой группы сонетов продолжается от сонета 91 до сонета 93.

Начинается всё с темы «людских гордостей» в сонете 91.

Сонет 91. Оригинальный текст

Some glory in their birth, some in their skill,
Some in their wealth, some in their body's force,
Some in their garments, though new-fangled ill,
Some in their hawks and hounds, some in their horse;
And every humour hath his adjunct pleasure,
Wherein it finds a joy above the rest;
But these particulars are not my measure:
All these I better in one general best.
Thy love is better than high birth to me,
Richer than wealth, prouder than garments' cost,
Of more delight than hawks and horses be;
And having thee, of all men's pride I boast:
Wretched in this alone, that thou mayst take
All this away, and me most wretched make.

Назначением этой темы является возможность для поэта сказать об особом положении Любви в сравнении с любыми другими занятиями людей. Высокое рождение Любви имеет превосходящий статус над всеми людскими гордостями, в том числе и над «происхождением» человека, т.е. над его статусом в обществе.

Важно обратить внимание, что в этом нет намёка на то, что адресат высокороден, ведь иначе поэт не выделял бы «происхождение» в отдельную «людскую гордость», а сразу бы сказал, что «высокое рождение» Любви доступно только высокородным людям.

Этот ракурс нужно запомнить для сравнения с сонетами 107, 114 и 124, где этот же смысл подтверждается поэтом, но некоторые комментаторы усматривают связь темы со статусом адресата.

Как видим, задолго до сонета 107 поэт уже применил это сравнение и для написания, например, сонета 107 ему не нужно было ждать каких-то особых событий. В сонете 91 этот смысл не указывает на адресата, так как мог быть обращён как к другу, так и к возлюбленной.

Но так как противоречия с предыдущим сонетом нет, то пока продолжаем считать, что адресатом сонета 91 является возлюбленная поэта.

На данном этапе для нас более важно то, чем заканчивается сонет, т.е. его замок. Фраза «боюсь лишь, что отнимешь блага эти, и стану я несчастней всех на свете – Wretched in this alone, that thou mayst take All this away, and me most wretched make» является не только завершающей мыслью сонета 91, но, как увидим далее, и предшествующей мыслью сонета 92, так как продолжение смысла этого предложения мы встретим в следующем сонете 92, в его зачине.

Сонет 92

Преемственность с сонетом 91 выражена явно.

Сонет начинается с зачина: «но худшее сверши, себя украв – But do thy worst to steal thyself away». Понять этот зачин отдельно от замка сонета 91 весьма затруднительно, ведь в дальнейшем тексте сонета нет объяснений, ни относительно чего это «но», ни в сравнении с чем это «худшее».

А вот если считать, что эта фраза является продолжением смысла предыдущего предложения в замке сонета 91, то всё находит объяснение. Ведь в замке сонета 91 речь, как раз, и была о том, что адресат может отнять свою любовь у поэта, и тогда поэт станет несчастным, «но»! может произойти ещё более «худшее» – адресат «украдёт себя», т.е. не просто перестанет любить, а изменит поэту.

Весь сонет 92 является продолжением и развитием этой мысли, что бесспорно свидетельствует об очерёдности написания.

Сонет 92. Оригинальный текст

But do thy worst to steal thyself away,
For term of life thou art assured mine,
And life no longer than thy love will stay,
For it depends upon that love of thine.
Then need I not to fear the worst of wrongs,
When in the least of them my life hath end;
I see a better state to me belongs
Than that which on thy humour doth depend.
Thou canst not vex me with inconstant mind,
Since that my life on that revolt doth lie.
O what a happy title do I find,
Happy to have thy love, happy to die!
But what's so blessed-fair that fears no blot?
Thou mayst be false, and yet I know it not.

Таким образом, тема «людских гордостей» сонета 91 плавно переходит в тему противодействия «измене» адресата в сонете 92.

Поэт находит два способа противодействия измене – или сразу умереть, или вообще не знать о ней. Последний способ выражен во фразе: «так притворись – мне правда не нужна – Thou mayst be false, and yet I know it not», которая является заключительной фразой сонета 92. Её важно запомнить, так как следующий сонет 93 Шекспир также напишет, как продолжение сонета 92.

Однако, если рассматривать сонет 92 в отрыве от других сонетов, то в нём также, как в сонете 91, нет признаков, по которым можно было бы узнать адресата.

Поэтому, так как присутствует явная преемственность смысла с сонетом 91, и отсутствуют с ним противоречия, мы продолжаем считать адресатом сонета 92 возлюбленную поэта.

Сонет 93

Продолжает тему противодействия измене адресата, но теперь развивая способ этого противодействия, упомянутый в заключительной фразе сонета 92. Сонет 93 начинается с предложения: «Я должен жить, в тебе не сомневаясь, как муж, обманут внешностью любви – So shall I live, supposing thou art true, Like a deceived husband; so love's face», что полностью согласуется с замком сонета 92, где было сказано «так притворись – мне правда не нужна».

Преемственность смысла очевидна, а, значит, противоречия нет, что указывает на прежнего адресата – на возлюбленную поэта.

Сонет 93. Оригинальный текст

So shall I live, supposing thou art true,
Like a deceived husband; so love's face
May still seem love to me, though altered new;
Thy looks with me, thy heart in other place:
For there can live no hatred in thine eye,
Therefore in that I cannot know thy change.
In many's looks, the false heart's history
Is writ in moods and frowns and wrinkles strange,
But heaven in thy creation did decree
That in thy face sweet love should ever dwell;
What e'er thy thoughts or thy heart's workings be,
Thy looks should nothing thence but sweetness tell.
How like Eve's apple doth thy beauty grow,
If thy sweet virtue answer not thy show!

Но, помимо этого, сам сонет 93 содержит два однозначных указания на адресата – женщину.

Ранее мы ни разу не видели, чтобы Шекспир позволил себе двусмысленные намёки на плотскую любовь по отношению к мужчине.

Необходимо пояснить, что под двусмысленностью намёков понимается только возможность двойной интерпретации и ничего более. Но если бы Шекспир был настолько наивен, что бессознательно допускал бы в сонетах возможность двойных толкований, на самом деле ни на что другое не намекая, то очень быстро ему бы на это указали либо разозлённые адресаты, либо другие поэты – насмешники.

Но Шекспир дорожил мнением и тех, и других, ведь все его двусмысленные намёки сделаны осознанно.

Поэтому здесь у нас также нет оснований считать Шекспира наивным.

Речь о намёке – «как муж, обманут внешностью любви». Использовать такую фразу в отношении мужчины Шекспир не мог (см. сонет 20), ведь тогда она сразу превращается в двусмысленность только от одного слова «муж» (отношения с адресатом сравниваются с супружескими, т.е. плотскими).

А вот в отношении женщины – почему бы и нет? Ведь мы видели у Шекспира и более откровенные намёки при обращении к возлюбленной (сонет 51).

Второй намёк заключён в сравнении красоты адресата с «яблоком Евы». Но ведь известна и роль этого яблока, и кто были персонажи этой истории (отнюдь не два мужчины), и что последовало за его «вкушением».

Обратиться с таким намёком к другу – невозможно для Шекспира.

А так как в предыдущих сонетах, не содержащих определённых указаний, начиная с сонета 91, не было ни одного противоречия в отношении адресата, то все указания на адресата из сонета 93 можно также распространить на адресата сонетов 91 и 92, и теперь уже окончательно его подтвердить.

Везде адресат – возлюбленная поэта.

Как видим, начиная с сонета 91, очерёдность написания сонетов 91—93 выражена в преемственности замка и зачина сонетов, как будто, эти три сонета являются одним стихотворением, настолько органично идёт развитие мысли от сонета к сонету.

Глава 14. Сонеты 94—96. Забавляющийся честью

Так выделена череда сонетов 94—96 с адресатом – другом поэта.

Мы не можем распространить действие признаков предыдущей череды 89—93 далее на сонет 94, так как встречаем в нём противоречие.

Сонет 94

Первое, что очевидно, это то, что единый текст сонетов 91—93 закончился.

Между замком сонета 93 и зачином сонета 94 нет смысловой связи.

Сама тема сонета 94 могла бы быть связана с сонетом 93, который завершился упоминанием «красоты», как «яблока Евы».

Теперь в сонете 94 поэт вполне мог бы подразумевать под «теми», кто «наследует по праву» «чудесную внешность», в том числе, и свою возлюбленную.

Однако, есть два нюанса, которые противоречат такой возможности.

Первый нюанс в исключительно душевном характере отношений, который виден в сонете 94, ведь намёков на плотские отношения нет.

Этого было бы недостаточно, если бы не было второго нюанса во фразе: «они – владельцы, лорды лиц чудесных, другим – лишь их величеству служить – They are the lords and owners of their faces, Others but stewards of their excellence.», что указывает на внешность адресата, как на предмет поклонения и восхищения для всех, а не только для поэта.

Но такую роль поэт всегда отводил только другу (сонеты 53, 54, 55, 69, 70), при этом во всех других сонетах другу, также упоминая его внешность.

Возлюбленной же поэт восхищался единолично, скрывая её от других (сонеты 21, 36, 48, 52, 89), при этом в подавляющем большинстве других сонетов к ней, не упоминая её внешности вообще.

Так и в предыдущем сонете 93 красота возлюбленной, упомянутая в греховном ракурсе: «меня как Евы яблоко манит та красота, хоть знаю, сладок – вид», привлекает только самого поэта, а не «других», как в сонете 94, где нет и намёка на греховность красоты.

Поэтому в сонете 94 мы имеем противоречие с сонетом 93 и по правилу 4 «свода неизменных правил» обязаны признать смену адресата.

Сонет 94. Оригинальный текст

They that have pow'r to hurt, and will do none,
That do not do the thing they most do show,
Who, moving others, are themselves as stone,
Unmoved, cold, and to temptation slow —
They rightly do inherit heaven's graces,
And husband nature's riches from expense;
They are the lords and owners of their faces,
Others but stewards of their excellence.
The summer's flow'r is to the summer sweet,
Though to itself it only live and die,
But if that flow'r with base infection meet,
The basest weed outbraves his dignity:
For sweetest things turn sourest by their deeds;
Lilies that fester smell far worse than weeds.

Однако, в сонете 94 отсутствует обращение к адресату. Можно определённо говорить только то, о ком написан сонет – о друге поэта, но утверждать, что он ему же и адресован, нет оснований.

Поэтому здесь мы имеем ту же ситуацию, что и с философскими сонетами 63—68, когда сонет посвящён другу, но не обращён к нему. Это указывает на возможные особые обстоятельства написания сонета 94, которые нам пригодятся при анализе на соответствие с фактами

биографий. Поэтому формально мы обязаны снова, как в сонетах 62—68, признать адресатом сонета 94 условного адресата: «поэта», ведь такая мелочь может оказаться одним из соответствий в анализе на соответствие с фактами биографий.

Сонет 95

Обращает на себя внимание подход поэта к недостаткам адресата. Подход в корне поменялся в сравнении с сонетами 92 и 93.

Если там поэт и сомневается, и не хочет знать о неверности адресата, вплоть до своей смерти, то здесь он говорит о недостатках адресата, как о точно известном ему факте. Признать и здесь, и там одного адресата, значит, обвинить Шекспира в противоречии самому себе. Но наша логика запрещает считать Шекспира непоследовательным.

Поэтому подобные противоречия – типичный пример другого адресата.

С другой стороны, сонет 95 не противоречит сонету 94, где в замке высказана та же мысль, что и в замке сонета 95, а именно, что порок («гниль» (сонет 94), «ржавчина» (сонет 95)) смертелен даже для самого прекрасного и прочного («лилии» (сонет 94), «нож» (сонет 95)).

Таким образом, мы наблюдаем преемственность смысла сонета 95 с сонетом 94, что в свою очередь подтверждает персонажа в сонете 94 – друга поэта.

Сонет 95. Оригинальный текст

How sweet and lovely dost thou make the shame
Which, like a canker in the fragrant rose,
Doth spot the beauty of thy budding name!
O in what sweets dost thou thy sins inclose!
That tongue that tells the story of thy days
(Making lascivious comments on thy sport)
Cannot dispraise, but in a kind of praise,
Naming thy name, blesses an ill report.
O what a mansion have those vices got
Which for their habitation chose out thee,
Where beauty's veil doth cover every blot,
And all things turns to fair that eyes can see!
Take heed (dear heart) of this large privilege:
The hardest knife ill used doth lose its edge.

Кроме того, в сонете 95 дано указание на элемент социальной морали, который, весьма вероятно, не сильно отличался от сегодняшнего.

Речь о «фривольности утех», которые могут быть оправданы «именем» адресата – Naming thy name, blesses an ill report.

Нет оснований предполагать, что английское общество 16-го века могло оправдывать «фривольное» поведение женщины, даже до брака. Тем более, что в этот период пуритане во власти были весьма сильны.

Но для мужчины не было таких жёстких ограничений. Например, вдова была обязана соблюдать траур в течение года, а для вдовца он равнялся трём месяцам. И так, в пользу мужчины, было во всём.

Поэтому «имя» в сонете 95, которое-таки «оправдает» адресата не может быть женским, ведь оно «оправдывает» перед любым (т.е. всем обществом), «кто расскажет...».

То, что таким отношением поэта к «утехам» в сонете 95 там подтверждается адресат – мужчина, указывают и женские сонеты 57 и 58, где выражено противоположное отношение, казалось бы, к тем же утехам (но не названным «фривольными»), ведь противоречие, по нашей логике, является указанием на другого адресата.

В сонетах 57 и 58 нет общественного оправдания, как в сонете 95, а есть только желание самого поэта не придавать значения и не расстраиваться из-за таких «грехов» адресата.

Помимо вышеизложенного, видим также в сонете 95 развитие темы «мужских» сонетов 69 и 70. Поэт сменил форму подачи основной идеи, памятуя о неудачной попытке сонета 69. Теперь недостатки друга преподносятся как достоинства, без которых можно и обойтись.

Все это, вместе взятое, избыточно указывает на то, что адресатом сонета 95 является друг поэта.

Сонет 96

Продолжает тему «грехи как достоинства».

Противоречий с предыдущим сонетом нет. Адресат – прежний – друг поэта.

Сонет 96. Оригинальный текст

Some say thy fault is youth, some wantonness,
Some say thy grace is youth and gentle sport;
Both grace and faults are loved of more and less:
Thou mak'st faults graces that to thee resort.
As on a finger of a throned queen
The basest jewel will be well esteemed,
So are those errors that in thee are seen
To truths translated, and for true things deemed.
How many lambs might the stern wolf betray,
If like a lamb he could his looks translate!
How many gazers mightst thou lead away,
If thou wouldst use the strength of all thy state!
But do not so; I love thee in such sort,
As thou being mine, mine is thy good report.

Сонет 96 примечателен тем, что его замок в оригинале в точности повторяет замок «женского» сонета 36.

Нам интересен сам факт повтора. Он подтверждает разных адресатов в сонетах 36 и 96, ведь Шекспир не повторяет одно и то же одному адресату – только разным (правило 3).

Другие указания, на адресата сонета 36 – возлюбленную поэта, были разобраны при его анализе.

Но если сонет 96 рассматривать отдельно от, связанных с ним, сонетов, то в нём нет признаков, по которым можно было бы определить адресата только из текста сонета. Поэтому здесь мы имеем случай, когда сонет нельзя отделить от предыдущей череды, так как первым указанием на адресата, является отсутствие противоречий с предыдущими сонетами.

Мы продолжаем наблюдать преемственность смысла с сонетами 95 и 94. Но основная мысль сонетов 94—96 не в том, что красотой можно «обернуть в добродетель» любой порок, а в том, что, несмотря на красоту, у друга не должно быть пороков вообще.

«Не делай так!» (сонет 96) – вот что беспокоит поэта, вот что его удручает. Это – всё та же мысль, но выраженная в сравнениях: несмотря ни на какую внешнюю привлекательность, если завелась гниль, она убьёт самый лучший цветок (сонет 94), если завелась ржавчина, она разъест самую прочную сталь (сонет 95), если завёлся порок, он убьёт не только честь друга, но и честь поэта (сонет 96).

Вероятно, Шекспир хотел объяснить другу намёки, и использовал замок из сонета 36 второй раз.

Важно заметить, что, использованный повторно, замок сонета 36, в сонете 96 утверждает смысл ровно противоположный сонету 36.

В том и другом сонете смысл замка идёт в связке с третьим катреном, иначе невозможно понять, чего же «не делать» адресату.

В сонете 36 воззвание «не делай так» связано с желанием поэта не допустить ситуации, когда отношения адресата с ним станут известны всем, т.е. поэт призывает адресата ввести

всех в заблуждение на счёт «греха» адресата (в этом случае – связь с поэтом), мол, только это сохранит честь адресата.

В сонете 96 мы также видим призыв «не делай так», но к противоположному – не пользоваться своей способностью придать «грехам очарование» в отношении «многих» (всех), т.е., наоборот, не вводить никого в заблуждение на счёт своих «грехов» (в этом случае – всех грехов, без исключения), и только так адресат сохранит свою честь.

Поэтому это противоречие является дополнительным указанием на разных адресатов в сонетах 36 и 96, т.е. ещё одним подтверждением адресата – друга поэта в сонете 96.

Глава 15. Сонеты 97—99. Украденная цветами

Так выделена череда сонетов 97—99 с адресатом – возлюбленной поэта.

Мы не можем распространить действие признаков череды 94—96 и далее на сонет 97, так как встречаем в нём противоречие в отношении адресата – друга поэта.

Сонет 97. Сменилась тема, но не она противоречива в отношении друга поэта. Ведь разлука с другом вполне возможна также, как и с возлюбленной.

Сонет 97. Оригинальный текст

How like a winter hath my absence been
From thee, the pleasure of the fleeting year!
What freezings have I felt, what dark days seen!
What old December's bareness every where!
And yet this time removed was summer's time,
The teeming autumn big with rich increase,
Bearing the wanton burthen of the prime,
Like widowed wombs after their lords' decease:
Yet this abundant issue seem'd to me
But hope of orphans, and unfathered fruit,
For summer and his pleasures wait on thee,
And thou away, the very birds are mute;
Or if they sing, 'tis with so dull a cheer
That leaves look pale, dreading the winter's near.

Указанием на адресата является смысл, выраженный в настроении сонета, который мы ранее встречали только в «женских» сонетах, когда речь шла о чувствах поэта в разлуке.

Стремление к встрече – вот этот смысл: «какой зимой мне разлученье было – How like a winter hath my absence been». В таком ключе поэт постоянно общался с возлюбленной (сонеты 27—29, 43—45, 50, 51, 57, 58).

Согласно нашей логики, поэт остаётся последовательным и не может менять отношение к адресату на протяжении всех сонетов.

Поэтому такой ракурс сонета 97 противоречив в отношении друга, с которым поэт легко может «побыть врозь» (сонет 39).

И опять, в который уже раз, необходимо не забывать, что возможность обращения поэта к другу с теми же настроениями, действительно, существует, но в рамках другой логики.

Поэтому и адресность в такой другой логике также будет другая.

Но для нас эта возможность не имеет значения. Ведь невозможно строить логичную адресность, смешивая разные логики, разные возможности поведения Шекспира, а, тем более, не просто лавируя между двумя логиками, а находя с каждым сонетом новую логику, ничем не связанную со всеми остальными, ранее найденными.

Поэтому вторым указанием на адресата сонета 97 является сонет 99, ведь мы сопоставляем признаки во всей череде 97—99.

Мы не встретим далее ни в сонете 98, ни в сонете 99 указаний на смену адресата, но встретим в сонете 99 ещё одно указание на возлюбленную поэта.

А это значит, что Шекспир в сонете 97 остался верен себе и не менял отношения к другу.

Настроение сонета 97, как и многих сонетов ранее, указывает на его адресата – возлюбленную поэта.

Сонет 98

Настроение предыдущего сонета 97 продолжается в сонете 98 – стремление к встрече выражено явно, поэту плохо без адресата, ничто, даже цветы, не радуют поэта: «без Вас зимы пора – Yet seemed it winter still, and, you away».

Этого указания вполне достаточно для определения адресата сонета 98 – возлюбленной поэта, но можно упомянуть ещё два дополнительных.

Сонет 98. Оригинальный текст

From you have I been absent in the spring,
When proud-pied April (dressed in all his trim)
Hath put a spirit of youth in every thing,
That heavy Saturn laughed and leapt with him.
Yet nor the lays of birds, nor the sweet smell
Of different flowers in odour and in hue,
Could make me any summer's story tell,
Or from their proud lap pluck them where they grew:
Nor did I wonder at the lily's white,
Nor praise the deep vermilion in the rose;
They were but sweet, but figures of delight,
Drawn after you, you pattern of all those.
Yet seemed it winter still, and, you away,
As with your shadow I with these did play.

Вторым указанием на адресата является смысл 11—12 строк. Этот смысл мы уже встречали в сонете 21 – адресат прекраснее всего, что скрыто под куполом небес. В сонете 98 речь только о цветах – адресат прекраснее цветов, образец для них.

В сонете 21 адресатом была возлюбленная поэта.

Но логика Шекспира при написании сонетов, которую мы применяем, не отвергает повторения одной мысли разным адресатам. И хотя здесь нет точного повторения, но утверждать, что Шекспир не мог обратиться так к другу, не достаточно оснований.

Но, с другой стороны, из-за этого же другого воплощения старого смысла, не достаточно оснований, чтобы отвергнуть адресата – возлюбленную поэта.

Поэтому здесь мы имеем случай, когда второе указание на адресата не является самостоятельным, а только дополняет первое указание.

Третье указание на адресата сонета 98 – на возлюбленную поэта – мы найдём в сонете 99. Ведь противоречий не будет, а мы распространяем признаки одного сонета на все сонеты череды.

Сонет 99

Обыгрывается смысл третьего катрена предыдущего сонета 98 «возлюбленная – образец цветам» и развивается «игра цветов», прямо вытекающие из замка сонета 98.

Сонет 99 выступает как бы дополнением к сонету 98, в котором не уместилось всё, что хотелось сказать поэту о своих чувствах в разлуке.

Может быть, потому сонет 99 и состоит из 15 строк?

Сонет 99. Оригинальный текст

The forward violet thus did I chide:
«Sweet thief, whence didst thou steal thy sweet that smells,
If not from my love's breath? The purple pride
Which on thy soft cheek for complexion dwells
In my love's veins thou hast too grossly dyed.
The lily I condemned for thy hand,
And buds of marjoram had stol'n thy hair;
The roses fearfully on thorns did stand,
One blushing shame, another white despair;
A third, nor red nor white, had stol'n of both,
And to his robb'ry had annexed thy breath,
But for his theft in pride of all his growth
A vengeful canker eat him up to death.
More flowers I noted, yet I none could see
But sweet or colour it had stol'n from thee.

А если никаких противоречий с предыдущими сонетами 97 и 98 нет, то, распространив их указания на сонет 99, мы имеем право считать адресатом сонета 99 возлюбленную поэта, даже не занимаясь поиском других указаний в самом сонете 99, тем более что определить это отдельно по тексту сонета 99 весьма затруднительно.

Однако, чтобы получить указание на адресата, мы имеем право воспользоваться для сравнения с сонетом 99 текстом любого другого сонета, не только предыдущих, и не только к возлюбленной, точно также, как мы делали это для определения адресатов сонетов 97 и 98.

В данном случае нам поможет сонет 20 к другу.

В сонете 20 дано однозначное указание, что любовь плоти для Шекспира возможна только с женщиной. И тогда понятно, что в сонете 99 описан один из элементов любви плоти, а именно, близость дыхания адресата, его сладость: «чей аромат присвоила, вор милый, не вздоха ли любимой – Sweet thief, whence didst thou steal thy sweet that smells, If not from my love's breath».

И также понятно, что адресовать такие намёки мужчине Шекспир не мог. А значит, адресат сонета 99 – возлюбленная поэта.

Но если мы получили независимое указание на адресата в сонете 99, то имеем право распространить его на все сонеты череды, т. е. сонеты 97 и 98.

Это и является тем дополнительным подтверждением адресата этих сонетов, о котором было упомянуто при их анализе.

Кстати, в сонете 99 мы видим редкий случай хвалы красоте возлюбленной. Но также, как уже было сказано в комментарии к сонету 98, эта хвала не противоречит ракурсу сонета 21 – «моей любимой нет светлей».

В данном случае и цветы также хуже адресата, что указывает на возлюбленную поэта.

На примере череды сонетов 97—99 можно видеть взаимосвязь всех сонетов, которую можно найти для любого сонета, без исключения, и не только этой череды.

Эта взаимосвязь выражается в том, что указания на адресата, выведенные из сравнения с одними сонетами, подтверждаются независимыми указаниями в сравнении с другими сонетами.

Например, адресат сонета 97, выведенный из сравнения с сонетами 27—29, 43—45, 50, 51, 57, 58, подтверждается адресатом сонета 99, выведенным из сравнения с сонетом 20.

Или адресат сонета 98, выведенный из сравнения с сонетом 97, подтверждается сравнением с сонетом 21.

Такая взаимосвязь адресности сонетов является контрольной проверкой для всей логики анализа, подтверждая, что эта логика является единой и не ушла в сторону других возможностей.

Если бы это было не так, то в момент ухода в сторону от единой логики мы бы столкнулись с неразрешимыми противоречиями в независимых указаниях на адресата очередного сонета, выведенными из разных сонетов.

Глава 16. Сонеты 100—105. Забытый Музой

Так выделена череда сонетов 100 -105 с адресатом – другом поэта.

Мы не можем распространить действие признаков череды 97—99 и далее на сонет 100, так как встречаем в нём противоречие адресату – возлюбленной поэта.

Сонет 100

Сменилась тема, в сравнении с сонетом 99.

Но как мы уже неоднократно видели, смена темы указывает только на смену обстоятельств, и часто не совпадает со знаком смены адресата.

Для точной диагностики необходимо проверить ракурс темы сонета 100 на противоречия в отношении адресата предыдущего сонета 99.

Первое, что бросается в глаза – то, что поэт недоволен своей Музой в хвале адресата. Может ли такое быть в отношении друга?

Да. Мы видели в череде сонетов 76—86, что поэт признал «твой вид достоин силы лучшего пера» (сонет 79) и Муза его умолкла – «я только мысль» (сонет 85).

Но может ли поэт быть недовольным Музой в хвале возлюбленной?

Тоже возможно. Ведь сонетом 21 поэт прямо ограничил свою Музу в выборе средств восхваления – «зачем хвалить...?» и следовал этому ограничению.

Так в чём же суть этого недовольства – в том, что поэт решил, что теперь он будет писать лучше и талантливее в отношении друга, или в том, что он восполнит упущенные возможности хвалы в отношении возлюбленной?

Сонет 100. Оригинальный текст

Where art thou, Muse, that thou forget'st so long
To speak of that which gives thee all thy might?
Spend'st thou thy fury on some worthless song,
Dark'ning thy pow'r to lend base subjects light?
Return, forgetful Muse, and straight redeem
In gentle numbers time so idly spent;
Sing to the ear that doth thy lays esteem
And gives thy pen both skill and argument.
Rise, resty Muse, my love's sweet face survey,
If Time have any wrinkle graven there;
If any, be a satire to decay,
And make Time's spoils despised every where.
Give my love fame faster than Time wastes life;
So thou prevent'st his scythe and crooked knife.

Однако, в отношении возлюбленной смена подхода к хвале означала бы, как мы знаем из сонета 36, угрозу придать всё огласке. Но вряд ли у возлюбленной за прошедшее время сменился статус или появилась возможность не опасаться огласки.

А как мы всегда видели, Шекспир очень чутко относился к проблемам своих адресатов.

Поэтому более вероятно, что поэт говорит о друге. Ведь успокоившись по прошествии времени, поэт вполне мог считать, что теперь то он покажет лучшее, на что способен.

Но такое указание на друга, как уже было сказано, не является самодостаточным, а пока только имеет гораздо более высокую вероятность.

Окончательное подтверждение этому мы найдём в сонете 101, где будет продолжение темы в сочетании с образом друга и отсутствием противоречий с сонетом 100.

А значит, мы имеем право распространить указание сонета 101 на сонет 100 и считать, что в сонете 100 произошла смена адресата.

Сонет 101

Тема «призывы к Музе» продолжается.

Но нас в данном случае интересует то, что периодическое использование Шекспиром местоимения «he – он» однозначно указывает на персонажа сонета – мужчину.

Считать, что этот персонаж – друг поэта, есть все основания, ведь противоречий в сонете нет.

Сонет 101. Оригинальный текст

O truant Muse, what shall be thy amends
For thy neglect of truth in beauty dyed?
Both truth and beauty on my love depends;
So dost thou too, and therein dignified.
Make answer, Muse, wilt thou not haply say,
«Truth needs no colour with his colour fixed,
Beauty no pencil, beauty's truth to lay;
But best is best, if never intermixed»?
Because he needs no praise, wilt thou be dumb?
Excuse not silence so, for't lies in thee
To make him much outlive a gilded tomb,
And to be praised of ages yet to be.
Then do thy office, Muse; I teach thee how
To make him seem long hence as he shows now.

То обстоятельство, что в сонете 101, также, как и в сонете 100, отсутствует обращение к персонажу сонетов – другу поэта, но присутствует обращение к «Музе», вовсе не указывает на нового адресата – музу, а ставит эти сонеты в ряд философских сонетов с условным адресатом «поэт», также, как было подробно разобрано при анализе на адресность череды сонетов 62—68.

Это обстоятельство будет иметь значение при анализе сонетов на соответствие с фактами биографий.

Сейчас же, при анализе на адресность, можно было бы и не выделять условного адресата, ведь для короткой череды из двух сонетов (100 и 101) такое выделение не ведёт к сокращению объёма анализа, как это было при анализе череды 62—68.

Сонет 102

Поэт сменил тему и вернулся к прямому обращению к адресату, что всё вместе указывает пока только на очередное изменение обстоятельств.

В содержании сонета видно стремление к восстановлению отношений с адресатом. Ведь с тех пор как чужие стихи стали причиной размолвки (сонеты 87, 88), поэт написал другу три сонета 94,95,96 весьма «скользкого» содержания, где пытался сказать другу о его недостатках, а также два предыдущих сонета 100 и 101, где выразил недовольство своей музой, призывая её исправить положение дел.

Всё это могло вызвать сомнения у друга в силе дружеского чувства поэта.

Поэтому поэт спешит заверить друга, что ничего не изменилось в его чувствах, они даже стали сильнее: «Моя любовь сильнее, хоть вид – слабее, Люблю не меньше – мало лишь на вид – My love is strength'ned, though more weak in seeming; I love not less, though less the show appear».

Такая трактовка намёков логично следует из сравнения сонета 102 с вышеперечисленными сонетами и однозначно указывает на адресата – друга поэта.

Ничего подобного в отношениях с возлюбленной никогда не было, вернее, было всё ровно наоборот. Поэт постоянно сожалел о том, что не его чувства к ней, а, именно, чувства возлюбленной к нему не так сильны, как ему бы хотелось, например, сонеты 89—93.

Поэтому можно было бы обойтись и без прямых указаний сонета 101 на адресата. Ведь знаков смены адресата – противоречий – не было, начиная с сонета 100.

Сонет 102. Оригинальный текст

My love is strength'ned, though more weak in seeming;
I love not less, though less the show appear :
That love is merchandised whose rich esteeming
The owner's tongue doth publish every where.
Our love was new, and then but in the spring,
When I was wont to greet it with my lays,
As Philomel in summer's front doth sing,
And stops his pipe in growth of riper days:
Not that the summer is less pleasant now
Than when her mournful hymns did hush the night,
But that wild music burthens every bough,
And sweets grown common lose their dear delight.
Therefore like her, I sometime hold my tongue,
Because I would not dull you with my song.

Также интересен ракурс значения «песни соловья», т.е. любовных сонетов поэта, в отношениях с другом. Любовь «как песня соловья в начале лета – As Philomel in summer's front doth sing» – вот что является главным – словесное выражение любви, а не физический контакт. Ведь поэта заботит то, чтобы «не стать скучным в песнях – Because I would not dull you with my song», а не в чём-то другом. И поводом замолчать для себя поэт считает не физическую измену друга, а «гвалт», «толканья песен» других поэтов.

Кроме того, о какой Любви говорит поэт, если её силу и величину для друга определяет «вид» поэта, а её ценность специально не сообщается, чтобы никто не подумал, что она продаётся?

Но, очевидно, что другим способом – не внешним, не словесным – друг узнать эту ценность и не может, т. к. в его распоряжении только «вид» и «песни» поэта. Друг может только смотреть и слушать.

Также очевидно, что все проявления такой Любви – мысленные, душевные, а не физические, и для друга, которому «мало на вид» и «вид слабее», и для поэта, которому это же самое – «не меньше» и «сильнее».

Всё это подтверждает ещё раз, наряду с сонетами 20, 39, 42 и 88, характер отношений с другом, в которых нет ничего, кроме дружбы и восхищения.

Вероятно, что такое «упорное» (во многих сонетах) употребление поэтом обращения к другу «мой возлюбленный» как раз и вызвано стремлением показать уникальность (а не извращённость) отношений для поэта, т.е. вызвать интерес, т.е. «не стать скучным в песнях».

Сонет 103

Продолжает тему «воспоминаний и оправданий» перед другом, начатую в сонете 102.

Теперь поэт намёком вспоминает о «поражении» своих стихов перед образом друга, уничтожая свои стихи и оправдывая своё молчание недостижимой для стихов красотой друга.

Как помним, именно такое отношение к сонетам другу было выражено в сонетах 72 и 83, но в сонете 72 не было объяснения причин, а сонет 83 также оправдывал молчание.

Теперь причины названы в виде комплимента красоте друга, «превзошедшей воображение – That overgoes my blunt invention quite», что подтверждает желание поэта восстановить прежние отношения.

Сонет 103. Оригинальный текст

Alack, what poverty my Muse brings forth,
That, having such a scope to show her pride,
The argument all bare is of more worth
Than when it hath my added praise beside.
O blame me not if I no more can write!
Look in your glass, and there appears a face
That overgoes my blunt invention quite,
Dulling my lines, and doing me disgrace.
Were it not sinful then, striving to mend,
To mar the subject that before was well?
For to no other pass my verses tend
Than of your graces and your gifts to tell;
And more, much more than in my verse can sit,
Your own glass shows you, when you look in it.

Попутно идёт переключка с темой сонетов 100—101, где поэт упоминал свою Музу, обращаясь к ней напрямую.

Здесь же поэт вспоминает о ней в третьем лице, но преемственность смысла осталась – недовольство музой в хвале адресата.

Важно заметить, что образ зеркала использован здесь Шекспиром совсем в другом ракурсе, чем в сонете 3 молодому родственнику.

Если там поэт советует смотреть в зеркало для понимания недолговечности красоты, то здесь зеркало предстаёт предметом, где красота будет видна лучше всего, даже лучше стихов. И соответственно делаются разные выводы и даются разные советы адресатам: родственнику – подумать о продолжении рода, другу – любоваться собой.

Это ещё раз подтверждает разных адресатов в сонетах 3 и 103.

Сонетом 103, наряду с сонетами 18, 64 и 71, окончательно оформляется ряд аргументов в пользу другого адресата (не друга) в первых 17-ти сонетах.

Сонет 104.

Продолжает тему «воспоминаний и оправданий», начатую в предыдущих сонетах.

Теперь поэт говорит о давних отношениях с адресатом. Compliments молодости и красоте друга, несмотря на прошедшие годы, подтверждают стремление поэта к восстановлению отношений: «Вы для меня не станете ни хуже, ни старше – To me, fair friend, you never can be old».

Преемственность смысла с сонетами 102 и 103 очевидна. Противоречия в этом нет, и, значит, адресат – прежний – друг поэта.

Сонет 104. Оригинальный текст

To me, fair friend, you never can be old,
For as you were when first your eye I eyed,
Such seems your beauty still. Three winters cold
Have from the forests shook three summers' pride,
Three beauteous springs to yellow autumn turned
In process of the seasons have I seen,
Three April perfumes in three hot Junes burned,
Since first I saw you fresh which yet are green.
Ah yet doth beauty, like a dial-hand,
Steal from his figure, and no pace perceived;
So your sweet hue, which methinks still doth stand,
Hath motion, and mine eye may be deceived;
For fear of which, hear this, thou age unbred:
Ere you were born was beauty's summer dead.

Сонет 105

Поэт опять вернулся к рассуждениям о персонаже в третьем лице, как в сонетах 100 и 101, что указывает только на очередное изменение обстоятельств.

Сонет 105. Оригинальный текст

Let not my love be call'd idolatry,
Nor my beloved as an idol show,
Since all alike my songs and praises be
To one, of one, still such, and ever so.
Kind is my love to-day, to-morrow kind,
Still constant in a wondrous excellence;
Therefore my verse, to constancy confined,
One thing expressing, leaves out difference.
«Fair, kind and true' is all my argument,
«Fair, kind, and true', varying to other words,
And in this change is my invention spent,
Three themes in one, which wondrous scope affords.
«Fair, kind, and true' have often lived alone,
Which three till now never kept seat in one.

Указание на адресата или персонажа сонета необходимо искать в смысле фразы: «так к постоянству и мой стих прикован – Therefore my verse, to constancy confined», который перекликается со смыслом сонета 76, где уже была попытка объяснить другу постоянство (повторение одного и того же в разных ракурсах) своих стихов: «мой стих... всегда в одном и предан одному» (76).

Поэт подтверждает, что остался верен своим старым принципам, что, согласно нашей логике, является однозначным указанием на друга, ведь мы считаем Шекспира последовательным, не меняющим своих принципов в отношении адресатов.

Самостоятельным указанием на друга является сравнение с сонетами 53 и 54, где, именно, другу принадлежит такое качество, как верность.

В сонетах к возлюбленной поэт, наоборот, периодически подозревает её в неверности, например, сонеты 57,58,61,92,93.

Такой трактовке не противоречит и смысл замка сонета 105, который является намёком на друга, в котором и собрались одновременно лучшие качества, в т.ч. – верность.

Если бы в сонете 105 имело место прямое обращение к другу, то преемственность смысла с темой предыдущих сонетов была бы более очевидна, ведь опять продолжают «воспоминания» о ситуациях сонетов 53,54 и 76, и «оправдания» в заверениях неизменности своих принципов.

Но прямого обращения нет, и трактовать сонет 105 необходимо с привлечением условного адресата «поэт», как осмысление поэтом для самого себя возникших обстоятельств.

На протяжении череды сонетов 100—105 поэт два раза сменил форму повествования о персонаже – друге поэта, то обращаясь к нему напрямую (сонеты 102—104), то ведя о нём рассказ в третьем лице (сонеты 100, 101 и 105).

И ранее мы также видели, и впоследствии ещё не раз увидим в сонетах, что Шекспир периодически так поступает.

Для анализа на адресность в этом обстоятельстве важно отметить, как эти две формы повествования соотносятся с указаниями на адресата сонетов.

Например, если речь идёт о друге, то независимо от формы повествования мы имеем право воспользоваться сравнением с любым сонетом, где друг либо был, либо не был адресатом, но в любом случае был персонажем сонета.

Другими словами, условный адресат «поэт», который был введён для случаев отсутствия прямого обращения к персонажу сонета, не исключает соответствующие ему сонеты из возможности сравнения.

Но почему тогда нельзя вообще обойтись без условного адресата «поэта»?

Ведь в анализе на адресность можно объединить все сонеты, например, и обращённые к другу, и посвящённые ему, не разделяя их по форме повествования.

Да, так можно было бы поступить, если бы анализом на адресность всё заканчивалось, если бы этот анализ был самодостаточен, т.е. доказывал, построенную с его помощью, адресность сонетов.

Но, как было уже неоднократно сказано, логично выстроенная возможность некой адресности является только возможностью, и сама по себе ничего не доказывает, ведь приняв за основу теоретически ничем не ограниченное количество разных логических предпосылок, мы получим, теоретически, ровно такое же количество разных логичных структур адресности.

И хотя, практически, в полном объёме, это положение никто не проверял, но наличие нескольких, не совпадающих друг с другом, логичных с точки зрения их авторов, гипотез адресности сонетов Шекспира являет собой подтверждение этому.

К сожалению, авторы таких гипотез принимают возможность за верность, а обязательность логичности за достаточность. Но будучи не подтверждёнными соответствием с фактами биографий такие гипотезы не могут быть признаны доказанными, как бы логичны и возможны они ни были.

Поэтому мой анализ на адресность служит, в том числе, удобству последующего анализа на соответствие с фактами биографий, в котором и будет подтверждена, построенная сейчас, адресность сонетов.

В анализе на соответствие с фактами биографий будут подробно разобраны все обстоятельства написания сонетов, и прямо, и косвенно следующие из текста сонетов, которые сейчас упомянуты мной только вскользь.

К числу таких обстоятельств относится и отсутствие прямого обращения к персонажу сонета, важность разделения которого с сонетами, где прямое обращение к персонажу имеет место, будет видна только в этом анализе, так как эти обстоятельства станут указателями соответствий фактам биографий.

Поэтому, чтобы не запутывать читателя, т.е. здесь объединить сонеты, не обращая внимание на форму повествования, а потом, в последующем анализе, разделить их по этому признаку, я посчитал более удобным разделить их сразу в анализе на адресность, введя условного адресата «поэт». Тем более, что не упомянуть в анализе на адресность, как влияет на неё форма повествования было бы не корректно.

Глава 17. Методология анализа на адресность. Сонет 106. Верность Манифесту

Анализ сонета 106 выделен в отдельную главу для демонстрации того нередкого случая, когда определить адресата исключительно по тексту сонета невозможно.

Как мы поступаем в таких случаях, было уже неоднократно показано в предыдущих главах при анализе подобных сонетов.

Но так как каждый сонет, из ранее разобранных, отличался набором различных признаков, то упоминать при их анализе всю последовательность действий не требовалось, а именно ту, в которой не было необходимости.

И сейчас также можно было бы без этого обойтись, воспользовавшись только той частью обоснований, которая непосредственно ведёт к определению адресата. Однако, с одной стороны, совсем оставить этот вопрос без систематизации, т.е. без полного набора действий, сосредоточенных в одном месте анализа, было бы неверно с точки зрения методологии.

Ведь только тогда читатель имеет возможность видеть связь между заявленной логикой анализа и конкретными действиями, реализующими эту логику, и вследствие этого – понимать, какие действия, и почему, необязательны в том или ином случае.

С другой стороны, не существует препятствий к тому, чтобы каждый читатель выделил эту связь самостоятельно, просто внимательно прочитав анализ всех сонетов, найдя соответствующие сонеты, и суммировав полученную информацию.

Но понимая, насколько громаден объём той информации, которую при этом пришлось бы систематизировать читателю, я и решил взять этот труд на себя, тем более что уже располагаю этой информацией.

Для начала, необходимо понимать, что набор действий, реализующих заявленную логику это – не сама заявленная логика, т.е. не логические предпосылки, не следствия из них и не «свод неизменных правил».

Название всех действий универсально, ведь это – сопоставление.

А вот перечень того, что с чем сопоставлять, и будет полным набором действий.

Начинаем мы с того, что в каждом сонете выделяем составные части его смысла: детали, утверждения и образы, присваивая каждой части признак подобия (тему) и признак новизны (повторяемости), в зависимости от места сонета в нумерации. Эти части станут объектами сопоставления смыслов разных сонетов на противоречия, подтверждения или нейтральность в заявленной логике.

Очевидно, что нам для того, чтобы реализовать заявленную логику в тех сонетах, где отсутствуют прямые указания на адресата, необходимо последовательно пройти в сопоставлениях весь логический путь определения адресата от предпосылок, через следствия, до «свода неизменных правил».

При этом мы будем обязаны провести эти действия в отношении всех сонетов без исключения, другими словами, сопоставить исследуемый сонет со всеми сонетами.

Предсказать заранее, на каком пункте прохождения перечня действий мы гарантированно получим указание на смену адресата, невозможно.

Прохождение всего перечня без противоречия указывает на того же адресата, что был в предыдущем сонете.

Но наличие противоречия не меняет адресата исследуемого сонета, если адресат в сопоставляемом сонете – другой, ведь так и должно быть.

Также отсутствие противоречия исследуемого и сопоставляемого сонета указывает на другого адресата, что был в предыдущем сонете, если оба они противоречат предыдущему сонету.

Таким образом, фактически, в сопоставлениях на каждом пункте перечня участвуют не два, а три сонета: предыдущий, исследуемый, сопоставляемый, т.е. в каждом пункте перечня необходимо выполнить три сопоставления по два сонета. Но так как сопоставление предыдущего и исследуемого сонета является общим (одним и тем же) для всех пунктов перечня, то мы вспоминаем о нём только тогда, когда какое-либо из двух оставшихся сопоставлений (исследуемый – сопоставляемый, предыдущий – сопоставляемый) даёт побудительный к этому результат.

В зависимости от того, какой сонет противоречит или подтверждает смысл какого сонета, делается вывод о подтверждении или смене адресата, теперь уже с применением «свода неизменных правил».

Другими словами, «свод неизменных правил» служит не для нахождения подтверждений или противоречий (для этого существуют логические предпосылки и следствия из них), а для того, чтобы, имея уже найденные подтверждения или противоречия, знать, что с ними делать, как их трактовать в отношении подтверждения или смены адресата.

Каждое сопоставление может иметь три результата: «да», «нет» и «неопределённо». «Да» означает, что смысл исследуемого (или предыдущего) сонета подтверждает смысл сопоставляемого. «Нет» означает, что смысл исследуемого (или предыдущего) сонета противоположен смыслу сопоставляемого. «Неопределённо» означает, что нельзя выделить ни подтверждения, ни противоречия в смыслах разных сонетов.

Теперь, когда все условия оговорены, можно составить полный набор действий для анализа на адресность, например, сонета 106 (исследуемый сонет), хотя этот набор действий применим к любому сонету.

В начале анализа мы обязаны пройти универсальный набор сопоставлений:

1. Сопоставление с сонетом 105 (предыдущий) на предмет первой логической предпосылки: «последовательности Шекспира».

1.1. Сопоставление с сонетом 105 на предмет первого следствия из «последовательности Шекспира» – «Невозможность давать прямо противоположные оценки одному человеку, одной ситуации, одному событию» – сравниваем оценки людей, ситуаций, событий.

1.2. Сопоставление на предмет второго следствия – «Невозможность давать прямо противоположные основания своим действиям» – сравниваем обоснования действий.

1.3. Сопоставление на предмет третьего следствия – «Возможность приводить новые аргументы в подтверждение ранее высказанной оценки» – сравниваем неизменность оценки и аргументы в её поддержку.

1.4. Сопоставление на предмет четвёртого следствия – «Возможность не забывать, сказанное ранее, и не повторять одно и то же одному человеку» – сравниваем со сказанным ранее и повторами.

1.5. Сопоставление на предмет пятого следствия – «Неизменность и преемственность логики (мотивов) в отношении одного человека» – сравниваем неизменность и преемственность мотивов.

2. Сопоставление на предмет второй логической предпосылки: «правдивости Шекспира».

2.1. Сопоставление на предмет первого следствия – «Невозможность дать ложное описание реальному факту» – сравниваем описание события с событием, ранее принятым за факт.

2.2. Сопоставление на предмет второго следствия – «Применение поэтической фантазии только в намёках на реальные факты, не придумывая самих фактов» – сравниваем намёки с описанием событий, ранее принятыми за факт.

2.3. Сопоставление на предмет третьего следствия – «Отсутствие поэтической фантазии при прямых указаниях на факты» – принимаем за факт прямое указание и сравниваем с другими фактами.

2.4. Сопоставление на предмет четвёртого следствия – «Невозможность давать сомнительные рекомендации» – проверяем сомнительность рекомендаций.

2.5. Сопоставление на предмет пятого следствия – «Отсутствие обязательности в анализе на адресность согласовывать единый литературный сюжет всего цикла» – не обязательно согласуем между собой обстоятельства сонетов.

Пройдя этот универсальный набор сопоставлений, мы получим некоторый набор результатов.

В частности, для сонетов 105 и 106 все они, кроме п.1.5, будут иметь значение «неопределённо», что, в свою очередь, означает, что в этих местах нам ничего найти не удалось.

Именно поэтому упоминать в комментариях такие сопоставления имеет смысл, только если сопоставления со всеми сонетами дали тот же результат – «неопределённо».

Но если в сопоставлениях с каким-то из сонетов будет получен результат «да» или «нет», то есть мы найдём подтверждение или противоречие смыслу исследуемого сонета, то упоминать сопоставления с результатом «неопределённо» уже не имеет практического смысла.

Так в сопоставлении сонетов 105 и 106 итоговым результатом будет «нет», ведь этот результат даёт сопоставление по п.1.5.

3. Тогда после того, как вышеприведённый универсальный набор сопоставлений будет проведён со всеми сонетами, мы оставляем для анализа только те сопоставления, где получен результат «да» или «нет».

4. Следующим этапом необходимо провести контрольную проверку согласованности между собой полученных результатов «да» или «нет» – сопоставить между собой сонеты, где уже известен адресат, на предмет непротиворечивой адресности.

Другими словами, сонеты с разными адресатами не должны иметь один и тот же результат сопоставления с исследуемым сонетом, а сонеты с одним и тем же адресатом, наоборот, должны иметь один и тот же результат сопоставления с исследуемым сонетом.

Несогласованность в этом пункте указывает на неустранимое противоречие, а значит, на нарушение логики анализа.

Наличие четвёртого пункта означает, что проверить согласованность возможно только с теми сонетами, где адресат уже был ранее определён, т.е. только со всеми предыдущими сонетами, ведь анализ на адресность ведётся последовательно в порядке возрастания нумерации и адресность последующих сонетов «пока» неизвестна.

Поэтому совершать универсальный набор сопоставлений по п.3 с последующими сонетами, просто, преждевременно, хотя и бесполезно, но для последующего анализа и ситуации из п.6 этого перечня, когда в предыдущих сонетах не нашлось ни одного подтверждения адресата.

Тем более, что согласованность каждого последующего сонета будет позже проверена, когда подойдёт время его анализа.

5. Последующие действия имеют целью определить адресата исследуемого сонета с привлечением «свода неизменных правил» и зависят от состава, оставленных для анализа, результатов сопоставления.

Для этого и далее проводятся сопоставления, но не сонетов между собой, а правил с этими результатами.

5.1. Сопоставление с правилом 1 «свода неизменных правил» – «Обыгрывается в новом не противоречивом ракурсе старый образ – тот же адресат» – применимость определяется по двум признакам: старый образ и отсутствие противоречия (результат «да» в сопоставлении сонетов).

5.2. Сопоставление с правилом 2 – «Образы разные и не противоречивые между собой – тот же адресат» – применимость определяется по двум признакам: новый образ и отсутствие противоречия (результат «да» в сопоставлении сонетов).

5.3. Сопоставление с правилом 3 – «Повторяет ракурс старого образа – другой адресат.» – применимость определяется по одному признаку: повтор ракурса старого образа.

Наличие для п.5.3. противоречия (результата «нет») не имеет значения, ведь является, хотя и верным, но избыточным.

Наличие другого подтверждения (результата «да») в сопоставлении с этим же сонетом (с наличием повтора) невозможно, ведь согласованность адресности проверена ранее в п.4.

Наличие подтверждения (результата «да») в сопоставлении с другим сонетом (без повтора) указывает на адресата согласно правилам 1 или 2 «свода неизменных правил».

5.4. Сопоставление с правилом 4 – «Ракурс старого образа противоречив предшественнику – другой адресат» – применимость определяется по двум признакам: старый образ и наличие противоречия (результат «нет» в сопоставлении сонетов).

5.5. Сопоставление с правилом 5 – «Образы разные, и противоречат друг другу – другой адресат». – применимость определяется по двум признакам: новый образ и наличие противоречия (результат «нет» в сопоставлении сонетов).

5.6. Если все результаты всех сопоставлений исследуемого сонета со всеми сонетами имеют значение «неопределённо», то применяется сопоставление результата предыдущего сонета с правилом 2, т.е. оставляется адресат предыдущего сонета.

На этом определение адресата исследуемого сонета, для которого в сопоставлениях с другими сонетами был получен хотя бы один результат «да», независимо от количества результатов «нет» и «неопределённо», заканчивается.

Но для того сонета, где сопоставления с другими сонетами дали только результаты «нет» и «неопределённо», необходимо выполнить ещё некоторое количество сопоставлений.

Эта ситуация характеризуется тем, что противоречия (результаты «нет») указывают на другого адресата, но кто – этот адресат, мы пока узнать не можем, так как не получено ни одного его подтверждения (результатов «да») в сопоставленных сонетах с ранее определёнными адресатами.

Поэтому у нас остаётся только одна возможность:

6. Продолжить определение адресатов в последующих сонетах, и провести сопоставления исследуемого сонета по п.1. и п.2. универсального набора сопоставлений данного перечня со столькими из них, пока не будет получен результат «да».

Таким образом, формально, для каждого исследуемого сонета мы совершаем весь перечень, выше рассмотренных, действий. И хотя, комментарий каждого, отдельно взятого, сонета практически никогда не содержит всего перечня действий, так как ограничен отличным от других составом, имеющих значение, результатов сопоставления, но сумма всех комментариев ко всем сонетам даёт полную картину всей вышеприведённой методологии анализа на адресность.

Теперь продолжим анализ сонета 106, останавливаясь кратко на всех пунктах полного набора действий. О сопоставлении с предыдущим сонетом 105 и его результате было уже упо-

мянуто выше. Результат этого сопоставления будет одним и тем же для всего последующего использования.

Сонет 106. Оригинальный текст

When in the chronicle of wasted time
I see descriptions of the fairest Wights,
And beauty making beautiful old rhyme
In praise of ladies dead and lovely knights,
Then in the blazon of sweet beauty's best,
Of hand, of foot, of lip, of eye, of brow,
I see their antique pen would have expressed
Even such a beauty as you master now.
So all their praises are but prophecies
Of this our time, all you prefiguring,
And, for they looked but with divining eyes
They had not skill enough your worth to sing:
For we, which now behold these present days,
Had eyes to wonder, but lack tongues to praise.

Но сопоставления с сонетом 105 на этом не заканчиваются, ведь необходимо сопоставить предыдущий сонет не только с исследуемым сонетом 106, но и со всеми сопоставляемыми сонетами, так как в одном из случаев один и тот же сопоставляемый сонет может иметь в сопоставлениях с предыдущим и исследуемым сонетом либо одинаковые, либо разные результаты, что, в свою очередь, может оказаться единственным указанием на адресата. Другими словами, необходимо сопоставить сонет 105 со всеми сонетами 1—104. Но разве мы уже не сделали этого, когда анализировали сонет 105, т.е. когда он был исследуемым сонетом? Очевидно, что этой информацией мы уже располагаем. Тогда остаётся провести только один вид сопоставления: исследуемого сонета 106 и сопоставляемых сонетов 1—104.

Не имеет значения в каком порядке сопоставлять сонеты, ведь результат одного сопоставления не влияет на результаты других сопоставлений.

Но логичнее начать с ближайших сонетов, попутно сразу же проверяя преемственность, т.е. продолжение или прекращение текущей череды сонетов.

Не забываем, что все сопоставления мы ведём в рамках структуры смысла самого сонета 106, т.е. предварительно «расчленив» его на образы (совокупности характеристик), утверждения и детали, присвоив каждой единице смысла признак подобия (тему). (см. главу «Свод неизменных правил»).

С этих позиций сонет 106 содержит: три утверждения и одну деталь. Выделить в содержании некую совокупность характеристик невозможно.

Первое утверждение следует из смысла последних двух строк второго катрена, которые к тому же являются одним предложением с первым катреном: «древнее перо жило стремленьем к той красоте, что Вам дана сейчас – I see their antique pen would have expressed Even such a beauty as you master now».

Второе утверждение следует из первых двух строк третьего катрена: «и та хвала, всего лишь – предсказанье, прообраз Ваш в далёких временах – So all their praises are but prophecies Of this our time, all you prefiguring».

Но почему мы выделяем два утверждения из текста, который идёт подряд и следует один из другого? Дело в том, что первое утверждение имеет признак подобия (тему): «о красоте», а второе – «о хвале».

Третье утверждение следует из замка сонета: «коль даже нам, пред кем Вы наяву, слов не найти, чтоб Вам воздать хвалу – For we, which now behold these present days, Had eyes to wonder, but lack tongues to praise», что характеризует не «красоту» и не «хвалу» адресата, а «нас», т.е. здесь поэт намекает на себя, обосновывает свои действия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.